Федор Раззаков

Красавицы советского кино

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Советский кинематограф оставил заметный след в мировой культуре не только великолепной игрой, внушительными батальными сценами и аллегорией, маскирующей отчаянные диссидентские и протестные выпады против системы. Советское кино явило миру удивительно красивых актеров и актрис, которые своим внешним и внутренним обаянием, своими великолепными природными данными могли дать фору растиражированным голливудским звездам. Красота советских актеров будоражила и сводила с ума миллионы поклонников и поклонниц; героям киноэкранов подражали, зрители пытались выглядеть, говорить и вести себя так, как их кумиры. И, конечно, жизнь этих очаровательных людей представлялась всем до головокружения счастливой, как в сказке. На самом деле судьба не баловала лучезарных кумиров; их жизнь порой складывалась трагически, а печать несчастья преследовала красавцев до самого последнего вздоха…

- Федор Раззаков
  - Алла на шее
  - Аксинья из Малого
  - Укротительница тигров
  - Любимая женщина космонавта и разведчика
  - Любимая женщина режиссера Якина
  - «Не виновата я!..»
  - Красавица, спортсменка, комсомолка…
  - Любимая женщина Нестора Петровича
  - От невинной Ассоли до разбитной Атаманши
  - От подруги вора в законе до княжны
  - Дочь Д’Артаньяна

Федор Раззаков
Красавицы советского кино

Алла на шее

Алла Ларионова родилась в Москве 19 февраля 1931 года. Ее отец — Дмитрий Андреевич — был большевиком-ленинцем (в партию он вступил в 1918 году), в годы Гражданской войны сражавшимся в отряде знаменитого комбрига Г. Котовского. Именно там он познакомился со своей будущей женой — Валентиной Алексеевной. После войны они поженились и у них родилось двое детей: сын Владимир и дочь Алла.

Жила семья Ларионовых в Бауманском районе, возле Елоховской церкви. Несмотря на то что глава семейства был депутатом Бауманского райсовета и работал директором небольшой фабрики, а затем и директором райпищеторга, однако семья Ларионовых жила скромно. Дмитрий Андреевич был человеком бескорыстным и не оборотистым.

Еще будучи старшеклассницей, Ларионова стала пользоваться большим успехом у противоположного пола. Тогда же на ее красоту обратили внимание и кинематографисты. Случилось это в 1948 году, когда прямо на улице Аллу остановила женщина (ассистент режиссера с «Мосфильма» Надежда Кушнеренко) и предложила ей сниматься в кино. Так Ларионова попала на эпизодическую роль в картину «Жизнь в цвету» (в прокате «Мичурин»). Именно там на юную Аллу обратил внимание 28-летний режиссер Георгий Натансон. Послушаем его собственный рассказ:

«На картине „Жизнь в цвету“ я работал ассистентом у самого Довженко. Он попросил найти десять девушек, которые бы стояли и опыляли яблони. Кто-то привел на пробы десятиклассницу Аллочку Ларионову. Я, как увидел ее, тут же влюбился, хотя был женат. По окончании съемок я ей сказал: Аллочка, дай мне свой телефон, когда начнутся съемки, тебя будут приглашать. И не вытерпел, на второй день ей позвонил: хочу тебя видеть. Оказалось, что мы жили рядом у метро „Бауманская“. Стали встречаться в Бауманском саду, целовались. У нее нижняя губа всегда была горячая и влажная. Но никаких близостей, все были воспитанны. Я ей сказал: тебе надо поступать во ВГИК, ты такая красивая… Мы ходили с ней, смотрели кино, один раз я ее повел в Третьяковку. Я просто обезумел от ее красоты. Она тогда была вся в веснушках, и солнце отражалось в ее золотых косах…»

Ларионова вняла совету своего возлюбленного и летом 1948 года поступила во ВГИК, на актерско-режиссерское отделение (тогда они еще учились вместе), которое набирала звездная чета в лице Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Причем

Герасимову Ларионова не понравилась, и он не хотел ее принимать на свой курс. В отличие от Натансона, ему Ларионова показалась крупной, нескладной, как обрубок, курносой и неотесанной. Однако у Макаровой было иное мнение на этот счет, что, собственно, и решило судьбу Ларионовой — ее приняли. Отметим, что у Герасимова было правило — он всегда снимал своих студентов в собственных фильмах. Но Ларионову это правило не коснулось. Во всяком случае во время учебы Герасимов ни разу не привлек ее к съемках в своих картинах. И только уже по окончании ВГИКа, в середине 50-х, она сыграла у него одну-единственную роль — в фильме «Дорога правды». Но вернемся к началу учебы героини нашего рассказа.

На ее курсе учились люди, которые уже в недалеком будущем составят гордость советского кинематографа. Например, среди режиссеров это были: Лев Кулиджанов, Яков Сегель, Василий Ордынский. А среди актеров самым знаменитым суждено будет стать ее будущему мужу Николаю Рыбникову. Самое интересное, что Ларионова считалась во ВГИКе одной из самых красивых студенток. Поэтому ухажеры бегали за ней табунами. Но ей самой нравился именно Рыбников, хотя он особенной красотой тогда не блистал: был жутко худющим, хотя и чрезвычайно обаятельным. Рыбников Ларионову поначалу не замечал, живя гражданским браком с другой студенткой. Но на четвертом курсе все перевернулось с точностью до наоборот. Теперь уже Николай стал «сохнуть» по Алле, но она на тот момент любила совсем другого парня — соседа Рыбникова по комнате в общежитии Вадима Захарченко, с которым они родились в один день — 19 февраля, но парень был на два года ее старше (родился в 1929-м). Он так сильно нравился девушке, что в начале второго семестра она сама подошла к нему и предложила репетировать в паре — и пантомиму, и танец. Вадим, естественно, согласился. Сам он о тех днях вспоминал следующим образом:

«И пошли между нами флюиды, засверкали разом. Откуда? Зачем? Мы тогда еще друг над другом подтрунивали: любовь, любовь… Шутили, а у самих уши красные. Аллочка вообще легко краснела. Это она меня выбрала. Выбирает всегда женщина. Только от нее зависит, каким будет роман и будет ли он вообще…

В 20 лет я был полным дураком. Возомнил, что никогда не потеряю голову от любви и никогда не женюсь. Вот и Аллочке не говорил о своих чувствах. Но она от меня особых признаний и не требовала. Все у нас было хорошо, спокойно. Скорее другом ей был, чем любовником. Даже не поссорились ни разу…»

А Рыбников тем временем жутко переживал, что Ларионова остановила свой выбор не на нем, а на его соседе по комнате.

Ведь он еще помнил, что каких-нибудь года полтора назад она сохла по нему, а теперь вот выбрала другого… По ночам он плакал, уткнувшись в подушку, а утром вставал красный, с опухшими от слез глазами. Иной раз Вадим просыпался ночью от рыданий друга и удивлялся: «Ты что, с ума сошел? Ну, хочешь, я тебе ее отдам?» Рыбников в ответ мотал головой: «Нет, этим ты ее убьешь!» Тогда Вадим стал брать Рыбникова на свои свидания с Ларионовой, надеясь, что его возлюбленная обратит внимание на его друга. Но та только смеялась над Николаем. После одной из таких совместных прогулок нервы Рыбникова не выдержали. Он прибежал в общежитие, наспех соорудил из бельевой веревки петлю и… просунул в нее голову. К счастью, в этот момент вернулся Вадим, который и вытащил друга чуть ли не с того света. А в целях профилактики еще и надавал ему по шее.

Рассказывает Вадим Захарченко: «Не знаю уж, каким Колька больше был — талантливым или сумасшедшим, но во всех своих фильмах он сыграл любовь именно к Алле. Это даже не любовь была, а мания какая-то, болезнь. Сначала Алла от него бегала, потом жалеть стала, его адвокатом передо мной выступала. Я не ревновал ее, нет. Любой женщине должно быть приятно, когда ее боготворят…»

Когда о переживаниях Рыбникова узнал его педагог Сергей Герасимов, он стал стыдить ученика: дескать, разве так поступают настоящие мужчины? «Женщин нужно уметь завоевывать», — сказал мэтр в заключение своего монолога. С этого момента Рыбников изменился: стал верным рыцарем Ларионовой и готов был броситься на каждого, кто посмел бы сказать о ней хоть одно дурное слово. И первым от него пострадал именно сосед Рыбникова по комнате. Когда он по доброте душевной заикнулся было о том, что нагулялся с Аллой и готов уступить ее другу, тот набросился на него с кулаками. Разнимала их половина общежития. С тех пор сломанный палец Рыбникова на всю жизнь остался неправильно сросшимся.

Где-то на последнем курсе института Захарченко решил порвать отношения с Ларионовой: уж больно хлопотным был их тройственный союз. Во время их последней встречи он сказал Алле, что больше не любит ее. «Давай останемся друзьями!» — предложил Вадим. Алла расплакалась и убежала.

Какое-то время она еще пыталась вернуть возлюбленного назад, но, поняв, что это бесполезно, отстала. А потом к ней пришла первая слава (с фильмом «Садко»), и ей уже стало не до своей прежней любви.

В «Садко» ее сосватал ее прежний возлюбленный — Георгий Натансон. По его словам:

«На главную роль Садко был утвержден известный актер, русский красавец Сергей Столяров. А на роль Любавы Александр Птушко поручил нам, его ассистентам, найти необыкновенной красоты молодую актрису. После тщательных поисков мы представили Птушко около 200 молодых актрис! Одну за другой он их тут же забраковал. Тогда я сказал Александру Лукичу, что у меня есть знакомая студентка актерского факультета ВГИКа. Очень красивая девушка Алла Ларионова, которая, по моему мнению, может сыграть Любаву.

— Мне нужна, Георгий, профессиональная актриса, а не студентка.

Мы снова и снова представляли актрис-красавиц. Птушко их вновь „резал“. Я еще раз напомнил Александру Лукичу об Алле.

— Ну давай, давай, вызывай свою протеже, — бросил в раздражении Птушко, только чтоб я отстал. — Посмотрю уж, каков твой вкус. Но поиски продолжай. Готовьтесь к поездке в Ленинград и особенно в Киев и Одессу, там наверняка найдется то, что нам нужно.

Когда на „Мосфильме“ перед Птушко появилась Алла Ларионова, он, как и Довженко, озарился и воскликнул:

— Есть Любава! Иди, девочка, в соседнюю комнату, читай сценарий, готовься к съемкам. С Герасимовым договорюсь…»

Съемки фильма проходили летом 1952 года под Москвой, на берегу Пестовского водохранилища, где был построен старинный город Новгород с крепостью, домами, деревянными мостовыми и тротуарами. Спустя год фильм вышел на широкий экран и стал одним из лидеров проката — 7-е место, 27,3 млн. зрителей. Осенью того же года он отправился на кинофестиваль в Венецию, где был удостоен «Серебряного льва» («Золотого» в том году никому не присудили). Советскую делегацию на том фестивале представляли создатели фильма: Александр Птушко, Сергей Столяров и Алла Ларионова (для последней это был первый заграничный вояж).

На тот момент она уже год как закончила ВГИК и снималась в своем третьем фильме (вторым была лента «Вихри враждебные», но там у Ларионовой была небольшая роль — комсомолки Веры Иволгиной). Именно третья по счету картина сделает из Аллы Ларионовой звезду всесоюзного масштаба. Речь идет о фильме Исидора Анненского «Анна на шее» по А. Чехову, где героиня нашего рассказа исполнила главную роль — Анну Соболеву. Фильм вышел на экраны страны в 1954 году и занял 4-е место, собрав 31,9 млн. зрителей.

Ларионова сыграла роль девушки, которой суждено было выйти замуж за человека намного старше ее. Самое интересное,

но и в тогдашней жизни Ларионовой случилась похожая история — она полюбила человека, который был старшее ее на 14 лет. Речь идет об известном актере Михаиле Кузнецове. Тот был женат, у него росла маленькая дочка, но встреча с Ларионовой буквально перевернула всю его жизнь. Несколько раз он порывался уйти из семьи, однако Алла была категорически против этого. Она знала, что 35-летняя супруга актера была тяжело больна, и побоялась усугубить ее положение. В итоге, по настоянию Ларионовой, Кузнецов остался со своей семьей, а с Ларионовой встречался тайно.

Роль в «Анне на шее» обратила на актрису внимание еще одного мужчины, который опять же был старшее ее (уже на 24 года), а также занимал весьма высокий пост. Речь идет о тогдашнем министре культуры СССР Георгии Александрове. О своих «отношениях» с министром Алла Ларионова вспоминала следующим образом:

«Когда „Анна на шее“ вышла на экраны, мне прямым текстом говорили, что я счастливая, потому что Берию расстреляли в 1953-м. Иначе бы он прихватил меня в свой гарем… Потом были сплетни про мой якобы роман с Александровым, тогдашним министром культуры. Ну, все это ерунда: его ведь назначили министром, когда „Анна на шее“ уже вышла на экраны. Мы с ним однажды совершенно случайно встретились на „Ленфильме“, где у меня была кинопроба на „Двенадцатую ночь“ (фильм вышел в 1955 году). Он шел мимо, потом увидел меня и застыл как вкопанный. И простоял так все то время, пока я пробовалась…

Я тогда жила в гостинице „Астория“, и вечером раздался стук в дверь моего номера. Я открыла ее и увидела молодого человека, который вежливо обратился ко мне:

— Алла Дмитриевна, министр культуры приглашает вас на прощальный ужин. Он сегодня уезжает в Москву.

Почему не пойти? Сам министр! Смешно… И я пришла. В банкетном зале было очень много народу. Александров подошел ко мне, поблагодарил и потом весь вечер старался быть рядом со мной. Конечно, это не прошло мимо внимания многочисленных приглашенных.

Утром весь „Ленфильм“ только об этом и говорил. Со мной стали почтительно здороваться, заискивали. Я не понимала, что случилось. Вчера было одно отношение, а сегодня — совершенно другое…»

Эта история вышла боком обоим. Спустя некоторое время Александрова с треском сняли с министерского поста (в народе шутили, что одной дали «Анну на шею», а другому — по шее). ЦК КПСС разослал во все партийные организации страны закрытое

письмо, в котором подробно живописались все амурные похождения проштрафившегося министра. Упоминалось в нем и имя Аллы Ларионовой: мол, Александров чуть ли не купал ее в ванной с шампанским. После этого молодую актрису разом прекратили снимать в кино (даже ее роль в фильме «Илья Муромец» в 1955 году досталась другой красавице — Нинели Мышковой). Тогда она в панике написала письмо новому министру культуры Николаю Михайлову. В этом послании были такие строчки:

«Уважаемый товарищ министр! Обращаюсь к Вам как советская актриса и как комсомолка. В последний год вокруг моего имени происходит что-то необъяснимое. Я не могу больше так жить. Только Вы можете мне помочь. Разберитесь. Если я виновата — накажите, если нет — освободите меня от того непонятного бремени, в котором я нахожусь…»

Свое письмо актриса лично отнесла в Министерство культуры и вручила референту министра. Спустя несколько дней ей сообщили, что министр во всем разобрался и целиком встал на ее сторону. В итоге уже через неделю Ларионова отправилась с представительной киношной делегацией во Францию. Вернувшись назад, снова стала активно сниматься в кино. Она снялась в следующих фильмах: «Двенадцатая ночь» (1955; главная роль — Оливия), «Судьба барабанщика» (1955; Валентина), «Главный проспект» (1956; Вера), «Дорога правды» (1956; Женя).

Не стояла на месте и творческая карьера ее будущего супруга — Николая Рыбникова. Его дебют в кино состоялся в апреле 1954 года, когда на экраны страны вышел фильм киевской Киностудии имени А. Довженко «Команда с нашей улицы», где он сыграл роль Дроздова (в этой же ленте небольшую роль исполнила и Ларионова — она сыграла пионервожатую Олю). Эту картину сегодня мало кто помнит, однако и тогда, в 50-е, она не произвела большого впечатления на зрителей.

Не особо замеченной оказалась и другая его роль, датированная тем же годом, только декабрем — вратарь Петров в комедии «Запасной игрок». Короче, особых лавров начинающий актер после двух фильмов так и не снискал.

Однако это не отпугнуло от молодого актера других режиссеров. В итоге два режиссера с той же киевской киностудии — Александр Алов и Владимир Наумов — в 1954 году пригласили Рыбникова в свой фильм «Тревожная молодость». В этой картине актеру досталась роль сугубо отрицательная, но одна из центральных — Котьки Григоренко.

Премьера фильма состоялась 29 апреля 1955 года и была

очень хорошо встречена зрителем. По сути, именно с этого фильма началась звездная судьба режиссерского тандема Алов — Наумов, а также трех актеров, которые исполняли в нем главные роли: Николая Рыбникова, Александра Суснина и Тамары Логиновой. Эти трое стали настоящими звездами советского кино 50-х годов.

На момент выхода «Тревожной молодости» Рыбников уже снимался в новом фильме. Это была мелодрама о деревенской жизни с социальным уклоном — «Чужая родня» Михаила Швейцера. Этот фильм вышел на широкий экран в январе 1956 года и, конечно, прибавил новую толику славы Николаю Рыбникову. Но именно, что толику, поскольку настоящий обвал популярности у этого актера произошел спустя десять месяцев, а именно — 26 ноября 1956 года, когда в прокат была выпущена мелодрама «Весна на Заречной улице» Феликса Миронера и Марлена Хуциева, где Рыбников вновь сыграл главную роль — уже не колхозника, а сталевара Сашу Савченко.

По сюжету, у Савченко есть любимая девушка Зина, которая любит его и готова выйти замуж хоть завтра — только позови. Но тут в вечернюю школу рабочей молодежи приходит новая молодая учительница Татьяна Сергеевна Левченко, и у героя Рыбникова от любви к ней буквально меркнет сознание. Эта любовь и стала главным лейтмотивом всего фильма.

Итак, в «Весне на Заречной улице» (фильм собрал в прокате 30, 12 млн. зрителей, 9-е место) Рыбников исполнил роль простого рабочего парня, металлурга. Скажем прямо, до этого в советском кино многие актеры играли роли рабочих парней. Однако это были несколько иные герои: слишком пафосные, слишком правильные. С приходом в кино такого актера, как Рыбников (а также Алексей Баталов), эти роли обрели иную окраску: более простую и человечную. Вот и Рыбников сыграл своего металлурга Сашу Савченко настолько обаятельно, что буквально влюбил в себя миллионы советских людей, которым пришлась по душе не только его актерская игра, но и талант певца (в фильме он исполнил песню «Когда весна придет», мгновенно ставшую всенародным шлягером). Как напишет позднее кинокритик Е. Третьяк:

«Вся страна запела песни, услышанные из уст рыбниковских героев про „заводскую проходную, что в люди вывела меня“ и „не кочегары мы, не плотники“…

В своих героях — молодых рабочих парнях — Николай Рыбников сумел передать то главное, чем жила в те дни страна. Они были не просто узнаваемы современниками, они выражали нерв времени, его проблемы, его стремления. Им верили, на них

хотели походить…»

Буквально спустя несколько месяцев — 29 апреля 1957 года — на широкий экран вышел еще один шедевр с участием актера — фильм «Высота» Александра Зархи, где Рыбников сыграл еще одного рабочего парня — на этот раз высотника-монтажника Николая Пасечника. И в этом фильме Рыбников исполнил песню, которую запела вся страна: «Не кочегары мы, не плотники».

В прокате 1957 года фильм «Высота» занял 17-е место, собрав 24, 8 млн. зрителей.

Именно во время съемок фильма «Высота» круто изменилась личная жизнь Рыбникова — он наконец женился на своей бывшей однокурснице по ВГИКу Алле Ларионовой. Хотя путь к этой свадьбе был для них долог и тернист.

Как мы помним, в первой половине 50-х Ларионова крутила роман с известным артистом Михаилом Кузнецовым. Но эти отношения в итоге были прерваны по желанию актера — его жена была серьезно больна, поэтому он не хотел доставлять ей лишние страдания. В итоге очень скоро возле Ларионовой появился новый воздыхатель, причем опять именитый. Это был популярный актер Иван Переверзев, который был старше ее почти на 18 лет.

Как и Кузнецов, Переверзев на тот момент тоже был несвободен — он вновь пытался воссоединиться со своей бывшей женой актрисой Надеждой Чередниченко. А также крутил роман еще с одной актрисой — Кирой Канаевой. Вот здесь ему на пути и повстречалась Ларионова, с которой он летом 1956 года должен был сниматься в одном фильме — «Полесская легенда» (они играли главные роли — возлюбленных). Но накануне съемок судьба свела их в совместной творческой поездке в Ленинград, где они должны были выступать в сборном концерте. Ларионова поехала туда одна, а Переверзев — в компании с Чередниченко. Что было дальше, последняя рассказывает следующее:

«Мы с Переверзевым ехали в одном купе. Иван вышел с Владимиром Дружниковым в тамбур покурить. По дороге встретили Ларионову, пошли в ресторан попить пивка. Переверзев меня предупредил: „Я ненадолго“. В ресторане сидели до утра, все были в стельку. Когда Иван выходил из поезда, то даже не зашел в наше купе — выносил чемоданы Ларионовой.

Нас всех поселили в гостинице „Европейская“. Их рядом на верхнем этаже, меня на нижнем. В концертной программе меня поставили первой, а их последними, чтобы мы не встречались. Я ужасно переживала, готова была умереть. Пела с трудом. Иван боялся показаться мне на глаза. А из Ленинграда вместе с Ларионовой уехал в Белоруссию на съемки „Полесской легенды“. Переверзев позвонил режиссеру и потребовал, чтобы на место

утвержденной актрисы взяли Ларионову, иначе, мол, он сниматься не будет. И парочка укатила… Там Алла и забеременела, думала, что уж теперь точно женит Ивана на себе. Но когда он увидел, что живот растет, то стал думать, как от нее сбежать.

И вот представьте себе положение. Канаева на сохранении (от того же Переверзева) в больнице лежит, вот-вот родит. Ларионова на восьмом месяце. Иван пришел ко мне, умолял принять обратно. И я приняла. Даже не знаю, что со мной случилось. Злоба какая-то появилась на все это…»

Рыбников в это время находился в Ялте на съемках фильма «Высота» и, узнав о новом серьезном увлечении Ларионовой, впал в депрессию: закрылся в своем гостиничном номере и запил. Вот как об этом вспоминает очевидец тех событий режиссер Эмма Дукельская:

«Как-то пришли ко мне встревоженные актеры и сказали, что Рыбников заперся в своем номере, пьет, на стук в дверь не отвечает и никого к себе не пускает. Переживает, видно. Тогда-то я и узнала о его любви к Алле Ларионовой и поразилась: ведь сколько времени мы проводили вместе, о чем только не беседовали, а об этой своей главной боли он молчал! Николай не был „распахнутым“ человеком. Ребята сказали, что надо что-то делать, что опасно оставлять его в таком состоянии одного, что с его взрывным характером он способен на любую крайность…

Я помчалась к нему. На мой стук он откликнулся, но, как я ни просила, двери не открыл. Я говорила ему какие-то слова, предлагала еду, призывала к здравому смыслу… Много времени прошло, пока он наконец появился на пороге…»

Как ни странно, но справиться с депрессией Рыбникову помог… сам Переверзев. Когда в июне 56-го он узнал, что Ларионова от него забеременела, то стал настаивать на аборте. Но Алла не согласилась — это была ее первая беременность. Тогда Переверзев собрал вещи и уехал в Москву. Ларионова оказалась в отчаянном положении, но тут ей на помощь пришел Рыбников. Узнав о том, что случилось с Аллой, он немедленно вылетел к ней в Минск, даже не предупредив съемочную группу. На календаре был канун 1957 года. В первый же рабочий день после праздника — 2 января — Рыбников повел Ларионову в ЗАГС. Как признается много позже сама актриса, за Николая она тогда выходила от отчаяния. А все мысли ее всегда были лишь о первой любви — о Вадиме Захарченко. Если бы это он объявился тогда в Минске, она за ним хоть босиком пошла бы. Но у Захарченко тогда была уже другая женщина (он познакомился с ней на съемках фильма «Тихий Дон»).

Когда Рыбников вернулся в Москву, ему предъявили претензии по поводу его отсутствия на съемках. Тогда артист показал справку из ЗАГСа: «Я женился. Три законных выходных — мои!»

На премьере «Высоты» в Доме кино Рыбников и Ларионова сидели рядом. И когда герой фильма, которого тоже звали Николаем, произнес с экрана: «Эх, Коля, прощай твоя холостая жизнь!» — зал взорвался аплодисментами.

Дочь Аллы и Переверзева Алену, которая родилась в том же году, Рыбников записал на свое имя. Перед этим ему пришлось встретиться с самим Переверзевым и уладить эту проблему по-мужски: тот в итоге дал добро на удочерение.

Жить супруги стали в общежитии, но длилось это недолго. Вскоре родители Ларионовой получили трехкомнатную квартиру в Аптекарском переулке и взяли молодых к себе. Правда, было им там тесновато: в «трешке» жили девять человек (отец, мать Ларионовой, ее брат с женой и двумя детьми и их трое).

После свадьбы звездная чета Ларионова — Рыбников стала активно сниматься в совместных фильмах. Это были: «Ведьма» (1958), где Ларионова сыграла главную роль (дьячиха Раиса), а Рыбников — роль почтальона; в «Млечном пути» (1960) у них были главные роли: Лиза и Глеб Иванович; в «Трижды воскресшем» (1960) у нее была главная роль (Светлана Сергеевна), у него второстепенная (Николай Шмелев); в «Двух жизнях» (1961) все было наоборот: у Рыбникова была главная роль (солдат Семен Востриков), у Ларионовой второстепенная (Нина Николаевна Бороздина).

Попутно у звездной четы были и роли в разных проектах. Так, у Ларионовой это были фильмы: «Отцы и дети» (1959; главная роль — Анна Сергеевна Одинцова), «Фуркат» (1960; княгиня Маргарита Оболенская); у Рыбникова — «Девушка без адреса» (1958; главная роль — Павел Гусаров), «Рядом с нами» (1958; чинуша и формалист Сергей Гаврилович Чумов), «Кочубей» (1959; главная роль — герой гражданской войны Иван Кочубей), «Нормандия-Неман» (1960; летчик, капитан Тарасенко), «Гибель империи» (1960; уголовник).

В Аптекарском переулке звездная чета прожила около двух лет, после чего, скопив денег (а снимались они тогда, как уже отмечалось, много), купила себе трехкомнатную квартиру в кооперативном доме возле метро «Аэропорт». Соседями по дому оказались их коллеги по искусству, но больше всего они подружились с Сергеем Бондарчуком и его женой Ириной Скобцевой и Георгием Юматовым и его женой Музой Крепкогорской.

Решив жилищную проблему, супруги задумались о прибавлении семейства. Особенно этого хотел Рыбников, который давно мечтал о собственном ребенке. Несмотря на то что подруги-актрисы отговаривали Аллу от этого шага (мол, снимать перестанут), она поняла состояние своего супруга и решилась на беременность. В итоге в 1961 году на свет появилась еще одна дочка — Арина. В связи с этим Алла Ларионова вспоминает: «То, что я решилась иметь двоих детей, в актерской среде считалось едва ли не подвигом. Правда, если бы не моя мама, не знаю, как бы мы справились… Но я очень рада, что они у меня есть. Многие актрисы ведь так и не захотели родить — боялись, что это помешает карьере, испортит фигуру…»

Рождение ребенка на какое-то время отвадило Ларионову от кинематографа — она на целых три года перестала сниматься. А вот ее муж работы в кино не прекращал, записав на свой счет еще несколько картин. Это были: «Девчата» (1962; главная роль — бригадир лесорубов Илья Ковригин), «Им покоряется небо» (1963; главная роль — летчик-испытатель Алексей Колчин).

В 1964 году на съемочную площадку вернулась и Ларионова: она сыграла небольшую, но весьма колоритную роль в фильме «Ко мне, Мухтар!» (это ее героиня, Мария Колесова, отказывалась от овчарки по имени Мухтар).

Кстати, и Рыбников в том же году после некоторого перерыва сыграл роль из разряда отрицательных: в «Хоккеистах» ему досталась роль тренера Василия Ефремовича Лашкова, который имеет диктаторские замашки и входит в конфликт с игроками своей команды. Прототипом этого человека был легендарный тренер ЦСКА Анатолий Тарасов.

После «Мухтара» Ларионова возвращается в большой кинематограф и записывает на свой счет несколько фильмов, в двух из которых исполняет главные роли. Назовем все эти картины: «Три сестры» (1965; Наталья Ивановна), «Совесть» (1966; Наташа), «Третья молодость» (1966; Любовь Леонидовна), «Дикий мед» (1967; главная роль — фронтовой фотокорреспондент Варвара Княжич), «Дядюшкин сон» (1967; Наталья Дмитриевна Паскудина), «Фокусник» (1968; главная роль — Елена Ивановна), т/ф «Длинный день Кольки Павлюкова» (1969), новогодний фильм-концерт «Похищение» (1970; артистка Ларионова), «Старый знакомый» (1970; модельер).

Из перечисленных картин выделим одну — «Дикий мед», поскольку именно в нем Ларионова сыграла одну из лучших своих ролей в карьере. Как писал кинокритик Д. Шацилло:

«По существу, только однажды — после триумфального зрительского успеха „Анны на шее“ — Ларионова показала

воочию всю силу своих актерских возможностей. Это было в экранизации романа Леонида Первомайского „Дикий мед“, осуществленной В. Чеботаревым.

Ларионова сыграла здесь главную роль — геолога Варвару Княжич, женщину с трудной и прекрасной судьбой, за плечами которой суровые фронтовые дороги, безвозвратно потерянная на войне любовь и мужественное обретение нового места в жизни. Актриса не боялась играть свою героиню без грима и наклеенных ресниц, с полосами грязи и пыли на лице, и в этой чуть демонстративной некрасивости как будто родилась иная красота — красота души, красота мудрых и высоких чувств.

Говорят, что знаменитый американский режиссер Сесиль де Милль, наставляя новоявленную кинозвезду на „путь истинный“, произнес суровую и загадочную фразу:

— В кино мало быть красивой. В кино надо быть особенной.

Что ж, судьба многих актрис доказывает правоту этой „заповеди“. Судьба Аллы Ларионовой тоже доказывает, но доказывает и другое. Несмотря на то что актриса обладает кинематографической „особенностью“, а не только красотой, ее мастерство и опыт реализовались далеко не полностью. Она начинала свой путь в кино блистательно и громко, но выигрышный взлет не получил должного продолжения. И дело здесь вовсе не в метафизике судьбы — „сложилась“ она или не „сложилась“. Дело в том, что судьба оказалась недостаточно включенной в общий процесс развития нашего кино. С дарованием актрисы обошлись не рачительно, не по-хозяйски. Между тем популярность, любовь зрителя к Ларионовой вовсе не угасли…»

Говорят, от некоторых ролей Ларионовой пришлось отказываться в силу того, что ее муж был против ее частых отлучек из дома, где у них росли две дочки. Да и ревность Рыбникова тоже играла свою роль — он боялся, что его красавица-жена может вскружить голову кому-нибудь из коллег. По этому поводу стоит привести одну историю, которая произошла во время их совместной работы в картине «Длинный день Кольки Павлюкова». Рассказывает А. Ларионова:

«Коля был очень ревнивый. Собрались мы как-то у моей приятельницы, директора этой картины. Коля должен был подъехать чуть позже. Среди гостей был мальчик, мой поклонник. Вдруг оказывается, что он помнит наизусть буквально все мои реплики в фильмах, даже те, что я сама забыла. И вот в одной из комнат он встал передо мной на колени и начал повторять киноэпизод — целый монолог дословно. В это время открывается дверь, входит Коля, дает ему по уху изо всей силы. Мальчик

отлетает… Я, конечно: „Ты что, ты что!..“ А он лишь развернулся, хлопнул дверью и ушел…»

К слову сказать, в той компании находился и другой мужчина, который симпатизировал Ларионовой, даже ухаживал за ней. Поэтому, когда Рыбников ушел, хлопнув дверью, кто-то из присутствующих с досадой заметил: «Эх, не тому по шее досталось!»

Что касается творчества Николая Рыбникова, то и он без работы тогда не сидел, хотя, скажем прямо, время главных ролей и для него практически закончилось. Отныне он чаще всего играл роли второстепенные, порой и вовсе не заметные. Это были: «Война и мир» (1966; партизан Василий Денисов), «Дядюшкин сон» (1967; Павел Александрович Мозгляков), «Разбудите Мухина!» (1968; шеф жандармов Бенкендорф), т/ф «Люди, как реки» (1969; главная роль — Григорий), «Плечом к плечу» (1969; Всеволод Иванович Поляк), новогодний фильм-концерт «Похищение» (1970; артист Рыбников), «Освобождение» (1970; генерал-майор Панов), «Старый знакомый» (1970; Сергей Сергеевич Анохин).

1970-е начались для звездной четы Ларионова — Рыбников весьма многообещающе — режиссер Эдуард Бочаров пригласил их на главные роли в свой фильм «Седьмое небо» (1972), где глава семейства играл бригадира шахтеров Ивана Мазаева, а Ларионова — влюбленную в него женщину, химика-фармацевта Ксану Георгиевну. Фильм имел успех и вновь заставил зрителей вспомнить о том, что актеры Николай Рыбников и Алла Ларионова за прошедшие годы отнюдь не растратили свой актерский талант. На II Всесоюзном кинофестивале фильмов о труде в Горьком «Седьмое небо» было удостоено приза, учрежденного газетой «Социалистическая индустрия».

Увы, но для Ларионовой эта была последняя главная роль в ее кинематографической карьере. Отныне она навсегда уйдет на второй план, в то время как ее муж будет сниматься более активно, и в его карьере главные роли еще будут случаться, правда, опять же будет их крайне мало. Например, в те же 70-е на счету у Ларионовой будет еще четыре фильма, а у Рыбникова — восемь. Назовем их все. У Ларионовой: «Молодые» (1971; Екатерина Петровна), т/ф «Лев Гурыч Синичкин» (1975; актриса), «Семья Ивановых» (1975; Валентина Николаевна Чистохвалова), «Есть идея!» (1978; императрица Екатерина II); у Рыбникова — «Круг» (1973; Виктор Степанович Васильцев), «Мраморный дом» (1973; Седой), «Потому что люблю» (1975; полковник Роман Игнатьевич Белый), «Семья Ивановых» (1975; главная роль — Иван Иванович Иванов), «Развлечение для старичков» (1977;

главная роль — Непейвода), «Вторая попытка Виктора Крохина» (1978; Федор Иванович), «Есть идея!» (1978; князь Потемкин), «Уходя — уходи» (1979; главная роль — Семен Семенович Девятин).

Во всех этих фильмах зрители увидели уже иных Ларионову и Рыбникова — постаревших, но все еще не утративших своего прежнего обаяния. И хотя число их поклонников пошло на убыль, однако и тех, кто остался, им вполне хватало, для того чтобы чувствовать себя звездами советского кинематографа. Пусть и несколько постаревшими. И когда звездная чета выступала в сборных концертах «Товарищ кино», при одном упоминании их имен многотысячные стадионы взрывались громом оваций. Обычно в таких концертах Рыбников исполнял любимые народом песни из кинофильмов «Весна на Заречной улице», «Высота», «Дом, в котором я живу», «Нормандия-Неман».

В пору молодости Рыбникова ходили некие слухи о его многочисленных амурных похождениях. Однако сама Ларионова на этот счет категорически заявляла: «Коля был однолюб. И точно знаю, что в личной жизни я была его единственной женщиной».

Вспоминает С. Павлова: «Алла, мне казалось, недостаточно ценила Колю. Он же к ней был беспредельно великодушен, заранее все прощал. Я однажды сказала ему: „Хватит тебе Алку терпеть! Мой тебе женский совет: не поночуй хотя бы раз дома. Пусть попереживает, ей же на пользу“. Мы вошли в сговор, и я устроила ему эту „ночевку“. Она тут же позвонила, видимо, не спалось: „Коля ночевать не пришел! Ты не знаешь, у кого он может быть?“ Я, конечно, „не знала“. А Коля тоже, видимо, плохо спал: явился утром домой, выдал свою „явку“ и вообще все честно рассказал. Всем нам оставалось только посмеяться над этой историей».

Судя по всему, в семейном тандеме Рыбников — Ларионова первый любил, а вторая позволяла себя любить. О том, до какой степени Рыбников обожал свою супругу, говорит хотя бы такой эпизод. Однажды он играл дома в шахматы со своим приятелем Олегом Чертовым. Вдруг позвонила Алла, которая была на съемках в Киеве. Она сообщила, что завтра прилетает в Москву, и просила подготовиться к ее приезду. После ее звонка Рыбников заметно повеселел. А потом внезапно прервал игру и заявил: «Я так люблю Алку! Я не могу без нее. Я, пожалуй, полечу в Киев». У приятеля даже челюсть отвисла: «Какой Киев? Она же завтра сама прилетает». — «До завтра я не доживу», — последовал ответ. В итоге Рыбников позвонил во Внуково и, назвавшись, договорился о том, что ему оставят один билет на ближайший рейс до Киева. А теперь представьте себе лицо Ларионовой, когда поздней ночью

она увидела на пороге своего гостиничного номера собственного мужа!..

В начале 70-х, когда обе их дочери подросли, супруги решили вновь поменять жилплощадь. И хотя к своим соседям по актерскому дому у метро «Аэропорт» они уже успели прикипеть всей душой, переезд все-таки состоялся. Рыбников и Ларионова купили сдвоенную пятикомнатную квартиру в новом доме в Марьиной Роще (вместе с ними туда переехала и мама Аллы). Квартира на восьмом этаже была шикарная: площадью около ста метров, да еще и с камином, которым хозяева очень гордились. Правда, однажды он чуть не стал причиной ЧП. Николай решил приготовить шашлыки и использовал под это дело домашний камин. Однако развел слишком большой огонь, вследствие чего из трубы повалил густой черный дым. Соседи, увидев это, оперативно позвонили по «01». Пожарные примчались тут же. Каково же было их удивление, когда дверь им открыл Николай Рыбников и сообщил, что… готовит шашлыки.

О том, каким был ее муж в быту, рассказывает Алла Ларионова:

«В своей жизни я вообще не знала, что такое варить борщ, запекать мясо, не знала, сколько стоят продукты. Всем этим с огромным удовольствием занимался Коля. Он сам все покупал и сам готовил.

Когда мы поженились, я сказала: „Коля! Давай договоримся, что все твои рубашки будем сдавать в прачечную, даже если у нас с тобой останутся последние пять рублей. Я стирать не умею. Мне это не дано“. Он ответил: „Хорошо!“ И всю жизнь, клянусь вам, Коля никогда мне претензий не высказывал. Единственный раз я постирала ему рубашку, когда он срочно улетал в Америку…

Коля очень любил праздники. Мы обязательно отмечали день свадьбы и дни рождения всей семьи, именины. И перед каждым праздником Коля просил достать из „сундуков“ какой-нибудь дешевый ситчик, и мы вместе с ним шили кучу фартуков — штук по десять. А потом готовили стол и приглашали гостей. Особенно здорово было, когда мы вместе пельмени лепили…

Кто у нас дома только не бывал! И космонавты, и певцы, и поэты, и хоккеисты, и шахматисты. Коля ведь неистово увлекался шахматами и все время норовил обыграть то Ефима Геллера, то Михаила Таля. Таким мастерам он, конечно, проигрывал и сильно из-за этого переживал. Но на следующий день шахматные баталии повторялись. Причем параллельно с мужским клубом образовался женский — жены шахматистов и я до поздней ночи играли в покер, пока наши мужья не уставали от шахмат окончательно.

Однажды произошел забавный случай. Заехал к нам Ефим Геллер. Коля, зная, что Борис Спасский на сборах в Дубне, предложил Геллеру сыграть (за него) с Борисом по телефону, но так, чтобы тот не понял подвоха и не заподозрил, с кем играет. Не поленился, позвонил в Дубну и уговорил Спасского начать партию. Геллер находился рядом. Прошло пять минут. Соперники сделали по десять ходов, после чего Спасский сообразил, кто против него сражается, и потребовал: „Слушай, Коля, передай-ка трубку Ефиму!“»

Еще об одном забавном случае, произошедшем с Рыбниковым, рассказала актриса Римма Маркова:

«Однажды мы с Колей были в Германии. Рядом с гостиницей — кинотеатр, в котором показывают фильмы „про любовь“, запрещенные в СССР. И мы с Колей Рыбниковым, кумиром всех советских девчат, купили билеты и пошли. Любопытно ужасно. Ну сейчас посмотрим, насладимся запретным плодом! Наши места были в середине ряда. Начался фильм, и уже через пять минут мы стали маяться и поглядывать, как бы выйти. На экране полная чушь: какие-то кишки, тыква, в которой сидит человек, овощи, внутренности… Ничего не понятно. Мы ждали-то голые задницы, порнуху, а тут просто — ничего. Народ вокруг сидит серьезный, все смотрят. Мы приуныли, но молчим. И тут, когда показывали особенную белиберду, ко мне поворачивается Рыбников и серьезно, грустно так говорит: „Давно я не был у сестрЕ, надо бы к сестрЫ съездить“. Со мной началась истерика. Я тряслась от смеха, у меня слезы лились ручьем… Не могла остановиться. Зрители стали волноваться, шипеть. Закончилось тем, что привели полицейских и нас вывели из зала. После долгих объяснений отпустили. Но в оставшиеся дни представляли себе небо в клетку. Очень боялись, что напишут в Политбюро о том, что Маркова и Рыбников сорвали просмотр фильма в заграничном кинотеатре».

Как минимум, дважды звездная чета Рыбников — Ларионова могла распасться. Но не по причине семейных неурядиц, а вследствие трагических обстоятельств — из-за автомобильных аварий.

Первая произошла в 1977 году. Ларионова гостила тогда у подруги-актрисы, которая под Тверью снималась в телефильме «И снова Анискин». Рыбников, соскучившись по жене, отправился туда на своем «Москвиче». Однако на самом подъезде к Твери он не справился с управлением, и машина перевернулась. К счастью, все обошлось относительно легко — у актера оказались сломаны лишь четыре ребра. Он потом на этой же машине доехал-таки до жены и лишь потом отправился в травмопункт.

Вторая авария случилась несколько лет спустя. На этот раз могли погибнуть оба. Супруги возвращались из гостей, и Рыбников уступил руль жене. Дело было вечером, накрапывал дождь, и дорога была скользкой. На одном из участков трассы из-за поворота внезапно выскочил встречный автомобиль и ослепил своими фарами Ларионову. Та от неожиданности резко крутанула «баранку», и машина, вылетев в кювет, перевернулась. Рыбников лишь ушиб руку, а вот его жена оказалась придавленной рулевой колонкой. Каждое движение доставляло ей нестерпимую боль. Николай сделал попытку освободить ее, но у него ничего не получилось. Тогда он выбежал на дорогу и стал голосовать, но из-за позднего времени шоссе было пустынным. Целый час Рыбников то голосовал, то бегал к жене, чтобы успокоить ее. В конце концов актерам повезло: возле места аварии тормознул «Запорожец», и его водитель помог вытащить Ларионову наружу. Он же доставил раненую в больницу, где она пролежала около месяца.

В 80-е годы на экраны страны вышло еще одиннадцать фильмов с участием Рыбникова, и только три, где снялась Ларионова. Причем везде они исполняли второстепенные роли. Это были: у Ларионовой — т/ф «Атланты и кариатиды» (1981; Дарья Макаровна Карнач), «Запретная зона» (1989; Неклесова), «Имя твое» (1989; Анна Львовна); у Рыбникова — «Вторая весна» (1980; Федор Фролов), «Последняя охота» (1980), т/ф «Бабушки надвое сказали» (1981; инспектор ГАИ), т/ф «Будь здоров, дорогой» (1981; Николай Федорович Ерофеев), «Преступник и адвокаты» (1982; тренер), «Я — Хортица» (1982; генерал-майор), т/ф «Без году неделя» (1983; Иван Алексеевич Мищенко), «Выйти замуж за капитана» (1986; Кондратий Петрович), «Ночной экипаж» (1988; таксист), «Запретная зона» (1989), т/ф «Молодой человек из хорошей семьи» (1989; Гордей).

У Ларионовой ни одна из ее ролей не стала заметным явлением. Зато у ее супруга такая роль была: склочный сосед в мелодраме «Выйти замуж за капитана».

Однако именно Рыбникову в звездном тандеме приходилось тогда тяжелее всего. Ведь на дворе была горбачевская перестройка, когда недавние кумиры оказались фактически никому не нужны, а погоду в кино делали уже иные герои — наглые и пробивные. В итоге того же Николая Рыбникова уже не узнавали на улице. Хотя каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад он буквально шагу не мог ступить — везде его подстерегали поклонницы. Все это крайне угнетало актера, который в последние годы жизни из-за безработицы превратился в своей семье из добытчика в иждивенца. Да и те перемены в стране, которые он наблюдал в конце 80-х, не внушали ему

оптимизма, доказывая, что все лучшее, что у него было, ушло в безвозвратное прошлое. Актер А. Фатюшин рассказывал:

«Когда ты в зените славы, то всем интересен, а потом — никому не нужен, кроме преданных друзей. Недалеко от нашего театра (имени В. Маяковского) есть булочная, а в ней кафетерий. Я заходил туда часто перед репетициями, и меня все знали. Однажды прихожу, а передо мной — кумир моей юности Николай Рыбников, просит чашку кофе. Официантка ему не дает — кофе начинали продавать в 11.00, а было где-то 10.30. Я говорю ей: „Ты что, с ума сошла? Это же Рыбников!“ — „Мало ли кто здесь ходит!“ — проворчала она. То есть она его не знает и ей на него наплевать».

Последними фильмами с участием Рыбникова стали: комедия «Частный детектив, или Операция „Кооперация“» (1990; кандидат в депутаты) и драма на модную в ту перестроечную эпоху тему еврейских погромов «Изыди!» (1991; трактирщик Никифор). Это были крохотные роли, которые почти ничего не приносили в семейную копилку Рыбникова. Из-за чего он продолжал сильно переживать. На этой почве он стал больше, чем прежде, выпивать. Все это сильно сказывалось на его здоровье. Еще в середине 80-х врачи нашли у него что-то в легких и положили в больницу. Настаивали на операции (хотели одно легкое отсечь), но актер отказался. Он бросил курить, начал интенсивное лечение. И надобность в операции отпала. Однако Рыбников стал прибавлять в весе, что тоже было нехорошо.

В 1990 году Рыбникова снова позвали сниматься в каком-то советско-американском фильме. И хотя роль была небольшая, однако даже эта возможность вновь оказаться на съемочной площадке, заняться любимым делом заставила актера буквально воспрять духом. Как вдруг спустя месяц последовал «отбой» — что-то с фильмом не сложилось. Рыбников опять сник. А спустя несколько недель наступила трагическая развязка.

И вновь — слова А. Ларионовой: «Коля прекрасно закатывал помидоры. Они славились среди всех московских гурманов, здорово шли под водочку. Последний раз он готовил свои помидоры летом 1990 года, обещал: „Седьмого ноября отведаем“. Но пришлось есть их раньше: на поминках…»

В свой последний день Рыбников съездил в Подмосковье, где выступил с творческим отчетом перед почитателями своего таланта. Домой вернулся посвежевшим. На следующий день сходил в баню, за ужином немного выпил и отправился спать. А утром жена, Алла Ларионова, обнаружила его бездыханным. Врачи установили время смерти: 8 часов утра 22 октября 1990 года.

Когда кто-то на похоронах Рыбникова посетовал на скорую смерть актера, вдова Алла Ларионова сказала: «Да что вы, я сама бы хотела умереть такой смертью. Он сам не мучился и никого не мучил».

После смерти мужа Ларионова перебивалась случайными заработками: снималась в эпизодах и выступала с концертами. Ее карьера в кино длилась до середины 90-х, когда она сыграла еще три-четыре роли. Так, у режиссера Леонида Марягина она сыграла испанскую коммунистку Каридад Меркадер — мать Рамона Меркадера, который убил самого Льва Троцкого. Это были фильмы: «Враг народа — Бухарин» (1991) и «Троцкий» (1994). Помимо этого, она снялась в лентах: «Оружие Зевса» (1992; тетя Эльза) и «Тихий ангел прилетел» (1995; главная роль). Учитывая, что к тому времени бывший советский прокат приказал долго жить, последний фильм практически мало кто видел.

Похоронив супруга, Ларионова не смогла долго жить в доме, где каждая вещь напоминала о покойном супруге. Поэтому в 1993 году она поменяла пятикомнатную квартиру в Марьиной Роще на две двухкомнатные. В одной поселилась сама (в Банном переулке), в другой — ее младшая дочь Арина, окончившая к тому времени полиграфический техникум (старшая, Алена, работает на ТВ режиссером монтажа).

После смерти Рыбникова актриса возобновила отношения с Вадимом Захарченко (все эти годы они практически не общались). Бывшие любовники от случая к случаю встречались, но чаще — созванивались.

В середине апреля 2000 года Ларионова съездила в свою последнюю творческую поездку — в Белгород, где выступала перед почитателями своего таланта. Там она почувствовала недомогание: ее подташнивало, ныло сердце. Прямо там отправилась в поликлинику, где ей сделали кардиограмму. Врачи предложили ей лечь в больницу, но она отказалась, отложив это дело до Москвы. Однако дома она к врачам сразу обращаться не стала, решив обойтись лекарствами. Ей вроде стало легче, и она даже съездила еще на одну творческую встречу — в Подмосковье.

24 апреля Ларионова в очередной раз позвонила Вадиму Захарченко. «Здравствуй, Вадик! — сказала она. — Я себя совсем плохо чувствую. Взгрустнулось что-то. Помнишь нашу с тобой институтскую присказку: старая любовь не ржавеет? Теперь я убедилась: это правда. Ну да ладно, на днях позвоню».

Увы, очередного звонка от Аллы Вадим не дождался.

В тот роковой вторник, 25 апреля, актриса все-таки решила посетить врача. Но не успела. Рассказывает Л. Полухина:

«Понедельник, 24 апреля, получился суматошным. Было

много звонков, как всегда после ее отсутствия дома. Из Египта вернулись друзья, жаждали встречи. Светлана Павлова привезла ей в подарок скарабея, которому она очень обрадовалась, потому что верила в чудодейственную силу амулета. Они зашли в гости к „третьей сестре“ — Татьяне Роговой, немного посидели. Ела Алла осторожно, ссылаясь на то, что, наверное, отравилась чем-то в Белгороде или напринимала слишком много лекарств.

В этот день она решила пораньше лечь спать, предупредила всех, что отключит телефон. Полдвенадцатого ночи курила на балконе…

Утром 25-го в квартиру Светланы Павловой позвонили. То был зять Ларионовой, муж младшей дочери. Накануне они договорились, что он проводит ее к врачу. „Стучу, стучу к ней, — сказал он, — не открывает. Такое впечатление, что ее нет дома“. Позвонили по телефону — безрезультатно. Может быть, отключен, а может быть, она действительно куда-то ушла. На всякий случай позвонили в поликлинику. Там ее нет, врач ждет к назначенному часу. Спустились на шестой этаж с запасным ключом. Оказалось, что дверь заперта изнутри и ключ не вынут…

Было страшно подумать о том, что произошло. Вызвали Службу спасения, дочерей. Все происходящее записывалось видеокамерой. Алена попросила не делать съемку. Но ей объяснили, что в ситуациях, как эта, по инструкции положено все фиксировать на пленку.

Ларионова лежала в постели, свернувшись калачиком, будто спала. Врачи определили, что умерла она в 3 часа ночи, во сне. Было это 25 апреля 2000 года, на Страстной неделе, под Пасху.

Уже когда ее не стало, врач посмотрел кардиограмму, ту самую, что ей делали в Белгороде. Оказывается, у нее был инфаркт, а не отравление, как она полагала. Но как получилось, что белгородские медики проглядели ее? А если не проглядели, то почему не поставили в известность об опасном диагнозе Ларионову? Она бы точно легла в больницу, а не поехала в Москву, и, может быть, в этом случае рокового исхода удалось бы избежать. Но что теперь гадать, что попросту сокрушаться?..»

28 апреля состоялись похороны А. Ларионовой. Отпевали актрису в храме Воскресения Словущего на Успенском Вражке (Брюсов переулок, 15/2). Гражданская панихида прошла в Белом зале Дома кино. В одном из залов был очередной показ «Сибирского цирюльника», где присутствовало большое количество богемы, в другом зале — Белом — шла гражданская панихида. Среди товарищей по цеху, стоявших у белого гроба, были: Михаил Глузский, Анастасия Вертинская, Евгений Жариков, Валентина Титова, Александр Белявский, Борис Хмельницкий,

Клара Румянова и др.

Похоронили А. Ларионову рядом с ее супругом Н. Рыбниковым на Троекуровском кладбище. Среди венков был венок от Президента Путина. Огромный букет белых роз положила на могилу актрисы супруга экс-президента Наина Ельцина.

25 июня 2002 года на могиле А. Ларионовой был открыт памятник.

Два года спустя внезапно скончалась дочь Н. Рыбникова и А. Ларионовой Арина. Ей было чуть больше сорока лет. Причина смерти — сердечная недостаточность.

Еще одна дочь звездной четы — Алена Рыбникова — работает монтажером в программе «Время» на Первом канале.

Аксинья из Малого

Элина Быстрицкая родилась в Киеве 4 апреля 1928 года. Ее отец — Авраам Петрович Быстрицкий — был военным медиком, инфекционистом, мать — Эсфирь Исааковна — работала в больнице. В 1937 году в семье Быстрицких родился второй ребенок, и вновь — девочка, Софья.

Элина росла в основном с мальчишками, поэтому вела себя соответственно — играла в мальчишеские игры, дралась, стреляла из рогатки. Когда в их доме появился бильярд, она уговорила отца научить играть и ее. Тот удивился, но просьбу дочери выполнил.

Еще одним детским развлечением Элины был домашний театр. Причем театрализованные представления устраивались для всего дома. В день «премьеры» на лестничной площадке устанавливались стулья для зрителей, сценой служила площадка между этажами, а закулисьем — балкон. Бабушкина широкая юбка (в свое время модная на Украине) служила занавесом. Вместе с подружкой и двоюродным братом Элина разыгрывала театрализованные представления с песнями, стихами, танцами. В 1934 году, после выхода на широкий экран фильма «Чапаев», в репертуаре их домашнего театра появился точно такой же спектакль. В нем роль легендарного комдива играл двоюродный брат Элины, а она сама перевоплощалась в его верного ординарца Петьку. Спектакль заканчивался коронным номером — Элина-Петька выходила на сцену и, грозно поводя бровями, говорила: «Тихо! Чапай думать будет!» Публика была в восторге.

Перед самой войной капитан медицинской службы Авраам Быстрицкий получил новое назначение — на Черниговщину, в город Нежин. Там Быстрицких и застала весть о начале войны. Уже через несколько дней Нежин попал во фронтовую полосу, и его окрестности превратились в арену ожесточенных боев. Какое-то время Элина помогала матери — ухаживала за ранеными в госпитале, но затем, когда враг прорвал нашу оборону, им пришлось срочно эвакуироваться. Отступали через Сумы, Харьков до самой Астрахани. Там они задержались надолго, и Элина продолжила учебу в школе. А все свободное время проводила на курсах медицинских сестер. Причем устраиваться на эти курсы ей пришлось чуть ли не с боем. Дело в том, что в свои тринадцать лет роста она была небольшого, и врач, который записывал девушек на эти курсы, увидев ее, решил, что к нему на прием пришла чуть ли не первоклашка. Но Элина проявила такую настойчивость, так горячо требовала допустить ее до экзаменов,

что врач дрогнул. Видимо, решил отдать судьбу этой девчушки на откуп экзаменационной комиссии. И страшно удивился, когда она этот экзамен блестяще сдала. После этого Элину взяли санитаркой в госпиталь, а чуть позже она стала лаборанткой в клинической лаборатории.

Вспоминает Э. Быстрицкая: «Мне никогда в детстве не говорили о моей внешности. Впервые я услышала об этом в 13 лет, в госпитале. Двое раненых разговаривают: „Посмотри, какая хорошенькая девушка!“ Оглянулась — никого… Потом долго смотрела в зеркало — ничего интересного не нашла. Мама воспитывала меня очень строго…»

В 1942 году госпиталь, в котором работали родители будущей актрисы, перебросили под Сталинград. Отец оттуда ушел добровольцем на фронт, а Элина с мамой и младшей сестренкой остались при госпитале. В 14 лет Элине пришлось увидеть страшные вещи — газовую гангрену, столбняк, черные конечности, кричащих от боли молодых солдат. Если приходилось брать кровь на анализ прямо в операционной — она, стиснув зубы, брала, но едва выходила из палаты, как тут же теряла сознание. Ради спасения раненых Элина нередко становилась донором, она имела универсальную группу крови — первую. Но, учитывая возраст, у нее брали полдозы — 250 граммов.

Отметим, что среди специалистов обладатели 1-й группы крови носят звание «охотников». Почему? Эта группа крови текла в жилах неандертальцев, а они были охотниками, которые воевали за территории, где могли питаться. Поэтому люди этой группы энергичны, общительны, имеют крепкое здоровье, сильную волю, стремление к лидерству. Но они суетливы и амбициозны, болезненно переносят любую критику. Мужчины-«охотники» жадны до секса, как и женщины, а последние еще и дико ревнивы. Среди «охотников» значатся: королева Елизавета II, американский гангстер Аль Капоне, президент США Рональд Рейган, разрушитель СССР Михаил Горбачев и др.

Но вернемся к Элине Быстрицкой.

В ноябре 1944 года Быстрицкие вернулись в Нежин (киевский дом был разрушен при бомбежке), и Элина поступила в медицинский техникум. Все ее ближайшее окружение, включая родителей, их друзей, состояло из дипломированных медиков и настоятельно советовало девушке не мучиться выбором профессии. Ее приняли как участницу войны и медсестру, окончившую рокковские (краснокрестные) курсы. Учиться она начала сразу со второго семестра. Однако на первом же

практическом занятии ей стало плохо. Их преподаватель-хирург должен был сделать челюстно-лицевую операцию, но во время ее проведения больной внезапно скончался от наркоза. После этого Быстрицкая поняла, что никогда не сможет стать врачом. Однако бросить техникум она не решилась. Доучилась до конца, прошла всю практику (приняла 15 родов) и получила диплом акушера-гинеколога. Но в душе уже мечтала о другой профессии.

В те годы всеми помыслами Быстрицкой завладел театр. В медицинском техникуме существовал драмкружок, в который Элина записалась с первых же дней обучения. Первым спектаклем, в котором она сыграла небольшую роль (Каролина Пимпендикель), стал водевиль «Лейтенант фон Пляшке». И хотя роль была бессловесная, однако Быстрицкой легко удавалось завести публику одним своим выходом на сцену. Кто-то из коллег тогда отметил ее прирожденный талант актрисы и посоветовал не останавливаться на достигнутом. Вскоре Быстрицкая поступила в музыкальную школу, при которой существовал балетный класс. Она хотела научиться профессионально двигаться по сцене, овладеть искусством пластического танца. И ей это удалось. В спектакле «Маруся Богуславка» она так зажигательно исполняла «танец живота» в сцене «гарем султана», что зрители буквально засыпали ее аплодисментами. Правда, ее строгая мама, присутствовавшая на спектакле, испытывала иные чувства, считая, что дочь исполняет что-то непотребное.

В 1947 году Быстрицкая окончила медицинский техникум с твердой уверенностью, что никогда не сможет работать в медицине. Всеми ее помыслами теперь завладел театр, о чем немедленно были поставлены в известность родители. Мать восприняла эту новость спокойно, а вот отец был категорически против. «Что это за профессия такая — актер? — возмущался он. — И кто тебе сказал, что у тебя есть актерский талант?» Однако дочь была непреклонна и, утирая слезы, упорно твердила о своем желании поступать в театральный. В конце концов, видя, что его словесные доводы не доходят до дочери, отец принял решение доказать свою правоту на деле. «В институт мы поедем вместе!» — заявил он, тем самым как бы подводя итог первой части дискуссии.

В Киев отец и дочь приехали погожим летним днем. В ректорате театрального института высокий стройный Авраам Быстрицкий в новенькой майорской форме произвел легкий фурор среди присутствовавших женщин, но еще большее впечатление он произвел на ректора Семена Михайловича Ткаченко, когда, войдя в его кабинет, с порога заявил: «Объясните, пожалуйста, моей глупой дочери, что в вашем

институте ей делать нечего!» За свою долгую карьеру в звании ректора Ткаченко повидал множество ходоков-родителей, миссия которых обычно заключалась в том, чтобы проталкивать своих чад в его заведение. А здесь все было наоборот.

В конце концов разговор с ректором завершился победой Авраама Быстрицкого — дочь отказалась от поступления в театральный и, вернувшись в Нежин, подала документы на филологический факультет местного педагогического института. Во время учебы в этом вузе в нее влюбился молодой аспирант, отношения с которым со временем вполне могли бы перерасти в нечто большее. Однако аспирант оказался слишком идейным. Рассказывает Э. Быстрицкая:

«Аспирант все поглядывал на меня большими темными глазами, а в конце концов пригласил не то в кино, не то просто прогуляться. И вот поздно вечером проводил он меня до калитки и совсем уже собрался поцеловать… Но едва он протянул ко мне руки, как с соседнего столба грянул репродуктор. И не „Калинку-малинку“, а Гимн Советского Союза! Вы бы видели, что сделалось с моим воздыхателем: он расправил плечи и встал „смирно“…»

Учась в педагогическом, Быстрицкая в душе ни на минуту не расставалась с мечтой стать актрисой. Поэтому она продолжала заниматься балетом в музыкальной школе, а параллельно организовала там же свой танцевальный кружок, который уже через несколько месяцев победил на олимпиаде. За эту победу Быстрицкая была награждена путевкой в дом отдыха профсоюза «Рабис» — работников искусств, где отдыхали настоящие артисты. Там-то выдающаяся актриса Наталья Александровна Гебдовская, увидев Быстрицкую на сцене, посоветовала ей бросать филологию и идти в театр. Этот разговор и стал той последней каплей, которая переполнила чашу терпения Быстрицкой. Вернувшись в Нежин, она забрала документы из педагогического и вновь отправилась в Киев — в институт театрального искусства. И ее приняли.

В том же году (1950) Быстрицкая впервые вышла на съемочную площадку. Дело было так. До начала занятий в институте оставалось несколько недель, а двухмесячная стипендия, выданная Быстрицкой в педагогическом, растаяла на глазах. Пришлось ей искать возможность где-нибудь подработать. Кто-то из таких же, как и она, абитуриентов театрального посоветовал сходить на Киевскую киностудию, где за участие в массовках платили пусть малые, но деньги. Быстрицкая отправилась на студию и вскоре действительно получила крошечную роль — в фильме Игоря Савченко «Тарас Шевченко» она должна была сыграть горничную графини Потоцкой. Однако

во время съемок эпизода с ее участием Быстрицкой элементарно не повезло. В том эпизоде героиня Быстрицкой танцевала зажигательный танец в хороводе с другими девушками. Но если у всех танцевавших оказались сапожки красного цвета, то Быстрицкой по вине реквизиторов достались черного. В итоге режиссер попросил вывести ее из числа танцующих, и эпизод доснимали без ее участия.

Кроме этого, на тех съемках с Быстрицкой случилась еще одна неприятная история с исполнителем главной роли в фильме (Тарас Шевченко) — актером Сергеем Бондарчуком. Во время съемок одной из сцен он отпустил по адресу своей партнерши колкую реплику, из-за которой между ними вышел конфликт, который навсегда испортил их отношения.

Потеряв роль в «Тарасе Шевченко», Быстрицкая получила роль в другой картине. На той же Киевской киностудии в те же самые дни режиссер Владимир Браун пригласил ее в свою картину «В мирные дни», причем на роль человека той профессии, которую героиня нашего рассказа хорошо знала — военврача Елены Алексеенко.

Съемки в Киеве продлились до августа, после чего Быстрицкая уехала в Нежин, к родителям. 31 августа она вернулась в Киев, чтобы утром следующего дня начать занятия в институте. Но тут ее ждало неожиданное известие — оказывается, в документах, поданных ею в институт, не хватает справки, разрешающей ей продолжать учебу в новом учебном заведении. Из-за отсутствия этой справки мандатная комиссия приняла решение отчислить ее из института. Думается, не стоит объяснять, каким ударом стало для двадцатилетней девушки это известие. Так мечтать о карьере актрисы, взбаламутить родителей и друзей своим отъездом, и вот вам результат — отчисление. Быстрицкую охватило такое отчаяние, что, выйдя из ректората, она впала в прострацию. И кто знает, сколь долго она пробыла бы в таком состоянии, если бы не преподаватель Яков Иванович Токаренко. Узнав о постигшем девушку несчастье, он посоветовал ей не сидеть сложа руки, а действовать. И Быстрицкая последовала этому совету. В тот же день она добилась встречи с министерским чиновником, отвечающим за работу с абитуриентами, и получила от него гарантии своего зачисления в институт без нужной справки. «Ее вы сможете привезти чуть позже», — пообещал он ей. Так оно и вышло. Быстрицкую вновь внесли в списки студентов, а справку она привезла из Нежина несколько дней спустя.

Став студенткой, Быстрицкая буквально с первых же дней учебы принялась доказывать преподавателям, что в институт ее

приняли не зря. Уже на первом курсе она числилась в круглых отличницах и за свое усердие была награждена поездкой в Москву.

Стипендии, которую Быстрицкой платили в институте, ей на жизнь не хватало, и она вынуждена была подрабатывать на стороне: снималась в массовке на той же Киевской киностудии, играла в театре. А однажды сумела устроиться в труппу гастролировавшего в Киеве знаменитого иллюзиониста Эмиля Кио и в течение месяца выступала в его балете. Причем выступала так вдохновенно, что Кио отметил ее усердие и предложил перейти к нему на работу. Но Быстрицкая отказалась, заявив, что балет не ее стезя.

В стенах родного института Быстрицкая считалась не только лучшей ученицей, но и одной из первых красавиц. За ней пытались ухаживать многие студенты, но найти отклик в ее сердце практически никому не удавалось. Дело в том, что, получив довольно строгое воспитание в семье, она не позволяла себе в общении с юношами тех вольностей, на которые были способны ее более раскрепощенные подруги. И вообще, в отличие от большинства сверстников, которые воспитывались в тепличных условиях, Быстрицкая в 20 лет уже многое успела повидать и пережить — суровые будни в прифронтовом госпитале способствовали ее раннему взрослению. Но не все ее сверстники это понимали. Потому и недолюбливали ее, называли «синим чулком». Тех же из них, кто не понимал слов, Быстрицкая осаживала довольно резко — с помощью пощечин. Так, на последнем курсе института она «наградила» ими сразу троих студентов. Причем последний случай получил широкую огласку и привел к довольно драматическим событиям. Что же произошло?

21 января 1953 года вся страна отмечала траурную дату — 29-ю годовщину со дня смерти Ленина. Как и во многих учебных заведениях страны, в Киевском институте театрального искусства в тот день студенты выступали перед преподавателями с поэтическими виршами, посвященными траурной дате. Не стала исключением и Быстрицкая, которая выучила «Сказку о Ленине» Натальи Забилы. И вот, когда до ее выступления оставались считаные минуты, некий второкурсник незаметно подкрался к ней и, желая подшутить, свистнул ей из пищалки в ухо. Вполне вероятно, что сделал он это не со зла, однако, учитывая реалии момента (траурная дата, общая нервозность и т. д.), он получил вполне адекватный ответ — увесистую оплеуху, от которой отлетел метров на пять.

Свидетелями этой сцены стали не только студенты, но и преподаватели, которые и дали этому делу ход. Быстрицкую

обвинили в хулиганстве, припомнив ей, что только за последний месяц она умудрилась подобным образом поступить еще с двумя студентами. Короче, в тот же день один из педагогов вызвал к себе Быстрицкую и потребовал от нее, чтобы она немедленно написала заявление о переводе ее в Харьковский институт. В противном случае он пообещал отчислить ее из вуза. Но девушка ответила ему довольно резко: «Если завтра вывесят приказ о моем отчислении, то послезавтра вы найдете меня в Днепре». Если бы подобное сказала любая другая студентка, вполне вероятно, ее слова сочли бы дешевой бравадой. Но за Быстрицкой еще с первого курса утвердилось мнение как о человеке, который не бросает слов на ветер, поэтому реакция на ее заявление оказалась иной. Руководство института побоялось брать грех на душу и переложило это дело на плечи комсомольской организации (все-таки «именной» год давал о себе знать).

Собрание по «делу Быстрицкой» откладывалось несколько раз — сначала из-за каникул, затем из-за смерти Сталина. Наконец его дата была назначена на середину марта. Обстановка в стране после похорон вождя была не самая спокойная. Поэтому атмосфера на собрании была соответствующей. Вспоминает Э. Быстрицкая:

«Выступали мои товарищи, которые инкриминировали мне черт знает что. Одни говорили: „Враг не дремлет, мы должны быть бдительными, товарищи!“ Другие: „А помните, она отказалась танцевать со студентом Х.? От него, видите ли, деревней пахнет?! А деревня пахнет хлебом, товарищи!!!“ Я слушала и ужасалась этой демагогии: с кем я учусь? Кто эти люди? Ведь они лгут! Я никогда не утверждала, что от Х. пахнет деревней: от него пахло потом, и я не хотела танцевать в паре с неопрятным человеком; прежде чем подойти ко мне в танце, мог бы и помыться…»

Собрание длилось до трех часов ночи. В конце концов, подавляющим числом голосов было принято решение — студентку Быстрицкую исключить из комсомола и просить дирекцию исключить ее из института. Когда она вернулась к себе домой, ее душа была опустошена, не хотелось жить. Весь остаток ночи она пролежала на кровати, не смыкая глаз.

Из института ее так и не исключили, видимо посчитав, что одного наказания вполне достаточно. Однако большинство ее однокурсников считали это несправедливым и практически прекратили с ней всякое общение. Слава богу, что среди преподавателей нашлись люди, которые встали на ее сторону. Один из них — Иван Иванович Чабаненко — даже предупредил студентов, что если кто-нибудь при нем напомнит Быстрицкой о

происшедшем — тут же вылетит из института. Именно эта поддержка удержала Быстрицкую от рокового шага — самоубийства.

Через несколько месяцев она сдала выпускные экзамены и стала ждать распределения. При ином развитии ситуации ее могло ожидать хорошее будущее — например, труппа самого популярного в республике Киевского театра имени И. Франко. Однако после всего случившегося ожидать такого исхода не приходилось. И действительно — Быстрицкую распределили в Херсонский драматический театр. Забирать студентов приехал лично главный режиссер театра Павел Морозенко. При этом повел он себя так, как будто был султаном, набирающим девушек для своего гарема. Увидев красавицу Быстрицкую, он ткнул в нее пальцем и с ходу назначил ей свидание у ресторана «Спорт» в семь часов вечера. Будь он помоложе, наверняка не избежал бы участи тех трех студентов, которые испытали на себе силу оплеух Быстрицкой. Ему же она ответила коротко, как отрезала: «Я никуда не приду!» — «Ну смотри, тебе у меня работать», — пригрозил он ей. Утром следующего дня молодая актриса отправилась в Министерство образования и потребовала отправить ее куда угодно, но только не в Херсон. «Почему?» — удивились тамошние чиновники. Сказать правду Быстрицкая не решилась, поэтому в просьбе ей отказали. И тогда она приняла решение вообще уехать из республики. Но куда? Решение пришло с неожиданной стороны.

В те дни в Киеве гастролировал Театр имени Моссовета, и Быстрицкая напросилась на прием к его главному режиссеру — Юрию Александровичу Завадскому. Однако во время этой аудиенции столичный гость спросил Быстрицкую, кто был ее учителем в институте. «Иван Иванович Чабаненко», — ответила она. «Вот пусть он мне позвонит и отрекомендует вас», — подвел итог разговора Завадский.

О том, как Быстрицкая бегала по Киеву и его окрестностям в поисках своего педагога, можно написать отдельную главу. Я же ограничусь краткой констатацией факта: Чабаненко пошел навстречу Быстрицкой и написал Завадскому рекомендательное письмо, в котором в самых лучших словах охарактеризовал свою ученицу. С этим письмом Быстрицкая вновь пришла к режиссеру, и тот устроил для нее специальный просмотр. Он прошел прекрасно, и Быстрицкую зачислили в труппу столичного театра. Однако поиграть в нем ей так и не довелось.

Вспоминает Э. Быстрицкая: «Приглашение выдающегося режиссера Юрия Александровича Завадского обещало заманчивые перспективы. Однажды на берегу Днепра мы отмечали свадьбу

моей подруги и встретили выпускников предыдущего курса. Надо сказать, я не скрывала своего ликования по поводу того, что окажусь в столице, но кто-то из них меня „пожалел“: „Що ж ты, несчастна, будешь там робыть?“ — „Шо буду робыть? Роли буду грать“, — сказала я гордо. И поехала отдыхать к родителям в Вильнюс (ее отца направили туда для дальнейшего прохождения службы. — *Ф. Р.*). Но из Москвы вместо вызова получила… отказ.

О том, что произошло, я узнала только в 56-м во время съемок „Тихого Дона“. Борис Новиков, который был артистом этого театра, на мой вопрос, не знает ли он, что тогда случилось, ответил: „Знаю. Весь худсовет знает“. Оказалось, что в театр пришло около двадцати анонимок. Это как раз поработали те самые старшекурсники, которые так язвительно мне сочувствовали. И ведь знали, что кому написать! Сообщили, будто я хвастала, что стану любовницей главного режиссера…»

Получив отказ из Москвы, Быстрицкая стала искать возможность устроить свою творческую карьеру в Литве. В итоге ее приняли в Вильнюсский драматический театр. Ее первой ролью на сцене этого театра стала Таня в одноименной пьесе А. Арбузова. Затем были и другие роли: Варя Белая в «Порт-Артуре» И. Попова и А. Степанова, Аленушка в «Аленьком цветочке» П. Бажова, Ольга в «Годах странствий».

В 1954 году судьба Быстрицкой совершила крутой поворот — она сыграла свою *первую главную роль* в кино. События развивались следующим образом.

С тех пор как наша героиня в последний раз выходила на съемочную площадку, прошло уже без малого четыре года. Как помним, это были картины Киевской киностудии «Тарас Шевченко» и «В мирные дни». Причем, если в первом фильме ее роль в итоге вырезали, то во втором — оставили. Фильм, в котором собралась целая плеяда молодых звезд советского кино, включая Сергея Гурзо, Вячеслава Тихонова, Георгия Юматова, Виктора Авдюшко, Веру Васильеву, занял в прокате 1951 года 1-е место, собрав 23, 5 млн. зрителей.

Следующая встреча Быстрицкой с кинематографом произошла в 1953 году все на той же Киевской студии. И вновь она сыграла свою современницу — Женю Сергееву — в фильме Сигизмунда Навроцкого и Евгения Брюнчугина «„Богатырь“ идет в Марто». В отличие от предыдущей работы актрисы в кино, этот фильм остался практически не замеченным широким зрителем и особых лавров в прокате не снискал. Однако именно эта, в общем-то, непритязательная картина вселила в Быстрицкую уверенность в том, что ее кинематографическая карьера вполне может состояться. И она не ошиблась. Буквально через год ее имя уже

знала вся страна. Как же это произошло?

В середине 1954 года Вильнюсский театр был на гастролях в Ленинграде, и во время одного из спектаклей на Быстрицкую обратил внимание кинорежиссер Ян Фрид. Он тогда приступал к съемкам фильма «Двенадцатая ночь» по В. Шекспиру и искал исполнительницу на роль Виолы-Себастьяна. Пробы прошли великолепно, однако во время того посещения «Ленфильма» на Быстрицкую обратил внимание еще один режиссер — Фридрих Эрмлер. Он искал исполнительницу на главную роль в картине «Неоконченная повесть» и очень хотел, чтобы в ней снялась никому не известная актриса из Вильнюса. Так Быстрицкая была поставлена перед сложной дилеммой — в каком из двух фильмов ей сниматься? В конце концов она сделала выбор в пользу «Неоконченной повести» (в «Двенадцатой ночи» снялась Клара Лучко).

Сюжет у фильма был достаточно непритязателен. Талантливого кораблестроителя Ершова (Сергей Бондарчук) паралич ног приковал к постели. Навещать его каждое утро приходит участковый врач Елизавета Максимовна (Элина Быстрицкая). Постепенно между ними возникает любовь.

Работа над этой ролью вызывала у Быстрицкой противоречивые чувства. С одной стороны, ей доставляло огромное удовольствие работать под началом такого режиссера, как Эрмлер, а с другой стороны, она испытывала откровенную неприязнь к человеку, который играл ее любимого, — Сергею Бондарчуку. Причем эта неприязнь имела давние корни: как мы помним, в 1950 году, когда они вместе снимались в фильме «Тарас Шевченко», между ними произошел серьезный конфликт. И теперь, когда они вновь встретились на съемочной площадке, их неприязнь друг к другу вспыхнула с новой силой. Дело дошло до того, что Бондарчук опять не сдержался и незадолго до начала съемок очередной сцены вновь нелестно высказался по адресу своей партнерши. Она расплакалась и заявила, что отказывается от дальнейшей работы. Эрмлер бросился ее успокаивать, но все было бесполезно. Тогда режиссер пошел на последнюю меру. Он пообещал Быстрицкой, что будет снимать ее крупные планы отдельно, без присутствия партнера. На том и порешили.

Фильм «Неоконченная повесть» вышел на широкий экран в 1955 году и занял в прокате 9-е место (29, 32 млн. зрителей). Судя по его рейтингу, любовная история, показанная в картине, взяла людей за душу. Но мало кто из зрителей догадывался, что исполнители главных ролей, так вдохновенно играющие влюбленных на экране, на самом деле испытывали друг к другу совершенно противоположные чувства. Такое вот кино!

В том же году Быстрицкая имела прекрасную возможность встретиться на съемочной площадке еще с одним мэтром советского кино — Михаилом Ильичом Роммом. Речь идет о фильме «Убийство на улице Данте», в котором Быстрицкая пробовалась на роль французской актрисы Мадлен Тибо, погибшей от рук собственного сына (в роли Шарля Тибо дебютировал Михаил Козаков). Стоит отметить, что первоначально в этой роли Ромм видел свою супругу — актрису Елену Кузьмину. Однако сыграть эту роль ей не разрешили. Почему? Вспоминает М. Козаков:

«Елена Александровна Кузьмина пробовалась на свою роль: знаменитая актриса, мать взрослого сына, женщина с прошлым — казалось бы, чего волноваться?.. Пробоваться с ней мне было необычайно легко. Мое уважение к ней как к актрисе, воспоминание о ролях, на которых выросло мое поколение („Мечта“, „Человек № 217“, „Секретная миссия“ и другие), разница в возрасте, ее необычайная мягкость и женственность — все способствовало успеху пробы… Настроение было хорошим у всех, и в первую очередь у Михаила Ильича. Он обожал Елену Александровну и предвкушал радость работы с ней. На роль Мадлен пробовалась она одна. Это было естественно и справедливо.

Тут, как на грех, издали постановление, запрещающее режиссерам снимать своих жен. Чем это было вызвано? Ведь актриса актрисе рознь, роль роли рознь, режиссер режиссеру рознь… Директором студии „Мосфильм“ в то время был Иван Александрович Пырьев. Он отнесся к постановлению всерьез…

Кузьмину не утвердили. Настроение в группе было ужасное. Поджимали сроки. Начались пробы других актрис. Искали кого помоложе. Доведя омоложение до абсурда, утвердили Элину Быстрицкую. Мне был двадцать один год, Быстрицкой всего на несколько лет больше. Когда в кадре, сидя у ее ног, я обнимал ее, говоря: „Мама, родная, ну верь мне, верь…“ — осветители на съемочной площадке фыркали в кулак. Не до смеха было Михаилу Ильичу. Может быть, другой режиссер в подобной ситуации отказался бы снимать фильм, жаловался бы в вышестоящие инстанции, но интеллигентность не позволяла Ромму саботировать запущенную в производство картину, и, несмотря ни на что, он продолжал работать…

И все же героиня тревожила его. Он много работал с Элиной Быстрицкой, но роль не шла: вероятно, ей просто не хватало жизненного опыта. Впоследствии она играла Аксинью у С. Герасимова и имела зрительский успех. А вот тут… взаимное непонимание, разная эстетика…

Сняли натуру, вернулись в Москву, обжили павильоны. Пошли игровые сцены, вернее, „не пошли“. В это же время заболевает Быстрицкая, кажется, инфекционной желтухой, у меня на глазах выскакивают ячмени. Съемки останавливаются… Ячмени мои наконец прошли, а вот Быстрицкую заменили Козыревой. Ромм ожил. Козырева, конечно, была гораздо ближе к этой роли…»

Свой уход из фильма Быстрицкая перенесла без особого драматизма. Сначала ей было не до этого — она болела, а по выздоровлении от грустных мыслей отвлекли более радостные события. По опросу читателей газеты «Советская культура» именно Элина Быстрицкая была названа лучшей актрисой 1955 года. А в декабре того же года ее включили в официальную делегацию, отправившуюся на первую Неделю советского фильма в Париж. В состав делегации, кроме Быстрицкой, были включены: Алла Ларионова, Людмила Целиковская, Николай Черкасов, Юлий Райзман, Сергей Юткевич, Сергей Бондарчук, Валентина Калинина и др.

В отличие от советских зрителей, французская публика довольно сдержанно приняла «Неоконченную повесть». Гораздо большим успехом у них пользовались экранизации классических произведений, в частности «Анна на шее» с Аллой Ларионовой в главной роли. Именно этой актрисе Быстрицкая во многом обязана тем, что ее дальнейшая кинематографическая судьба совершила еще один счастливый поворот. Во время той поездки Ларионова поведала Элине о том, что Сергей Герасимов приступает к съемкам «Тихого Дона» и ищет исполнителей главных ролей. А у Быстрицкой еще со времени работы в госпитале, где она читала раненым бойцам страницы этого бессмертного романа, зародилась мечта сыграть Аксинью. Поэтому едва она прилетела из Парижа в Москву, прямо из аэропорта позвонила Сергею Аполлинариевичу домой и попросила допустить ее к пробам. Ответ Герасимова ее ошеломил: «Приезжайте прямо сейчас — тут один Григорий Мелехов уже сидит». Далее послушаем воспоминания самой Э. Быстрицкой:

«У меня был опыт участия в отрывке из „Тихого Дона“ еще в институте. Но, по мнению моего тогдашнего педагога, Аксинья — роль не для меня. Дескать, мои роли — это романтические героини Шиллера… Но я очень хотела ее сыграть…

Ответ Герасимова поверг меня в легкий шок. Но я высчитала, сколько осталось времени до моего вильнюсского поезда, и приехала к Герасимову на квартиру. Он протягивает мне отрывок из „Тихого Дона“. Глянула, а это тот же самый, мой студенческий,

провальный. Чувствую, я не могу открыть рот. К тому же сидит рядом какой-то горбоносый актер из Орла с кучерявыми темными волосами и синими глазами. Какой же это Гришка? Он же сын турчанки! Он мне сразу не понравился. Но дело было не в нем, а в моем страхе повторения студенческого провала. И я сказала Герасимову, что не могу сейчас читать, что сначала подготовлюсь, а пока переполнена парижскими впечатлениями. Попрощалась я с ним, вышла за дверь — и в слезы. Я очень горевала тогда, предполагая отказ. То, что мне не понравился партнер, меня не смутило — опыт работы с Эрмлером меня убедил: ведь в „Неоконченной повести“ мне нужно было играть огромную любовь к герою в исполнении Бондарчука…»

Убежденная в том, что пробу она провалила, Быстрицкая уехала в Вильнюс. Но уже в первой декаде января следующего года из Москвы пришло приглашение участвовать в пробах в «Тихом Доне». Пробы длились вплоть до августа, и все это время Быстрицкой пришлось курсировать между Вильнюсом и Москвой. Причем до самого последнего момента было неизвестно, утвердят ли ее на роль. Дело в том, что помимо нее на Аксинью претендовали еще несколько актрис, среди которых были уже довольно маститые. Известен даже такой факт. Сыграть Аксинью захотела исполнительница этой роли в первой по счету экранизации романа в 1931 году — Эмма Цесарская. Но Герасимов поступил с ней довольно жестко: подвел к зеркалу, и все вопросы отпали.

С неменьшим энтузиазмом мечтала сыграть Аксинью и другая известная актриса — Нонна Мордюкова. Причем ее притязания имели под собой более реальную почву, чем у Цесарской. Мордюкова была выпускницей курса, который вел Герасимов, и ее дипломной ролью была именно Аксинья. Более того, Герасимов не только оценил игру Мордюковой на «отлично», но и… влюбился в нее. Поэтому когда та узнала, что ее учитель собирается снимать «Тихий Дон», у нее не было и тени сомнений, что именно ее он пригласит на роль Аксиньи. Но роль досталась мало кому известной Быстрицкой. По словам самой Мордюковой, для нее это был столь тяжелый удар, что она едва не наложила на себя руки. Позднее, встретив Быстрицкую на одной из киношных тусовок, Мордюкова без всякой злобы резюмировала: «У, проклятая, сыграла все-таки».

Чашу весов в пользу Быстрицкой перевесил сам автор романа — Михаил Шолохов. Однажды ему показали все отснятые пробы, и он, выбрав из них ту, в которой пробовалась Быстрицкая, воскликнул: «Так вот же Аксинья!»

Работа над этой ролью потребовала от Быстрицкой

неимоверного труда, как физического, так и духовного. Достаточно сказать, что ради этой роли она пошла даже на предательство. Какое? Был у нее пес по имени Волк, проживший с ней бок о бок более трех лет. Он был настолько предан своей хозяйке, что не мог прожить без нее не только нескольких часов, даже нескольких минут. В конце рабочего дня, когда она обычно возвращалась из театра домой, Волк выбегал на балкон и, взбираясь передними лапами на перила, оглашал окрестности радостным лаем. Все знакомые Быстрицкой поражались и завидовали существованию рядом с ней такого преданного существа. Но финал их дружбы был печален. Начались съемки «Тихого Дона», Быстрицкой пришлось надолго покинуть дом, а кроме нее, никто не мог справиться с Волком. И только в одном из литовских хуторов нашлись люди, которые согласились оставить Волка у себя. Но с условием — хозяйка никогда здесь больше не появится. И Быстрицкая согласилась.

Съемки фильма начались в августе 1956 года в павильонах студии. Снимать начали с объекта «курень Астаховых», чему больше всех была рада Быстрицкая: она все еще боялась встречаться в общих сценах с Глебовым, к которому питала какую-то непонятную неприязнь. В первый день сняли сцену избиения Аксиньи ее мужем Степаном Астаховым: тот возвращался со сборов и бил жену смертным боем за то, что она «загуляла» с Гришкой Мелеховым. Затем сняли эпизод вечернего прихода Евгения Листницкого к Аксинье (когда он соблазняет женщину, убитую горем после смерти малолетней дочери). Эпизод снимался очень долго, и это стало первым настоящим испытанием для молодых актеров. Шутка сказать, но Герасимов и оператор Владимир Рапопорт отсняли 15 (!) дублей. Как покажет будущее, эта сцена по количеству дублей станет рекордной в картине: все остальные будут сниматься после шести-семи дублей.

Глебов начал сниматься с эпизода, происходящего во фронтовой казачьей землянке (начало 2-й серии). Григорий спит в землянке, ему снится родной хутор, но тут входит Прохор Зыков (Вадим Захарченко) с листовкой и будит Мелехова. Тот спросонья бормочет: «Степь приснилась. Так замутило на душе… Осточертела царева службица!» Скажем прямо, не самая сложная сцена. Но она оставила на душе Глебова тяжелый осадок. По его словам: «Ощущение от первого дня съемки было отвратительнейшим. Я еще не успел опомниться от пережитого на пробах, как меня „окунули“ в биографию человека на крутом ее перекате. Я должен был играть молодого парня, уже познавшего тяготы войны, безумно рвущегося домой. А тут еще боязнь

ошибиться в тексте и в казачьем диалекте. Да и с обстановкой я еще не успел освоиться. Раздражает грим, нервирует костюм, давят декорации. Лежу с закрытыми глазами. Мне бы выключиться из окружающего… а мысли скачут прочь от сновидения Григория, от его хутора. Прислушиваюсь ко всему, что происходит в павильоне. В голову лезет всякая чепуха. Все не верится, что я… играю шолоховского Григория. Не сон ли это?.. Сам не пойму, как сыграл сцену. Выручило режиссерское умение встряхнуть актера. Но, честно говоря, по-настоящему уверовал я в себя только на натуре…»

До отъезда в экспедицию Глебову пришлось сыграть еще в нескольких павильонных эпизодах, причем из разных серий. То он молодой и горячий врывался с плеткой в дом к Степану Астахову, то ревновал Аксинью, не сыграв пока с Быстрицкой ни одной совместной сцены.

Павильонные съемки прошли ударными темпами: до конца сентября была запечатлена на пленку десятая часть трилогии. После этого группа стала готовиться к выезду в экспедицию. Выезд состоялся в начале октября. Адрес: город Каменск-Шахтинский. Хутор Татарский киношники раскинули там же, где снимали немой «Тихий Дон» — на территории Диченска. Чтобы понять, каким образом удалось так мастерски воспроизвести обстановку казачьего хутора, достаточно назвать хотя бы такие цифры: было использовано 4000 листов фанеры и 1600 метров готовых плетней. Хутор возводили 60 учащихся Каменской строительной школы № 1 под руководством опытного мастера. Их руками были построены базы и курени Мелеховых и Астаховых, площадь Диченска превратилась в «майдан» Татарского, с лавкой, домами Мохова и Коршунова. Даже церковь была воссоздана из фанеры (местные старухи никак не могли поверить, что она не настоящая). В трех километрах от Диченска строители воздвигли еще одну внушительную декорацию — усадьбу Листницких. Это был двухэтажный особняк с белой колоннадой и стрельчатыми окнами, со своей конюшней, хлевом, каретником и псарней.

Съемки начались не с диченской натуры, а под Каменском. Возле тамошней мельницы был снят эпизод «драка на мельнице» (это там казаки бились вусмерть с таврическими). Чуть позже, в степи, отсняли эпизод конной атаки казаков, а завершающие ее кадры были запечатлены на пленку в Каменске. В роли «казаков» (а это почти 100 человек) снимались местные жители — колхозные трактористы, комбайнеры, которым впервые в жизни пришлось взять в руки пики и шашки. Но благодаря стараниям военного консультанта фильма генерал-лейтенанта Н. Осликовского батальные эпизоды были отсняты без каких-либо

недоразумений.

Петр Глебов тоже участвовал в этой баталии, гарцуя на коне по кличке Диктатор. Вообще у актера на тех съемках было два коня: горячий Диктатор и флегматичный цирковой скакун. Последнего обычно снимали крупным планом, а с Диктатором артист ходил в атаку. Поскольку Глебов с детства был приучен к обращению с лошадьми, никаких проблем у него с ними на съемках не возникало. Хотя нет, одна накладка все-таки произошла. Это случилось в первые же дни съемок, во время эпизода «бой в галицийском городке». Увлеченный атакой артист на полном галопе слишком резко развернул Диктатора, тот поскользнулся и выбросил седока из седла. Глебов упал на землю и серьезно пострадал: повредил плечо. После этого в течение недели ему пришлось лечиться. А едва он выздоровел, как были досняты эпизоды боя: сняли общую атаку и взятие галицийского городка (это там Мелехов впервые убил человека — зарубил австрийского солдата).

К слову, именно эти кадры разрушили ту стену неприязни, которую Быстрицкая испытывала к Глебову. Причина для возникновения этой неприязни была, в общем-то, пустяковая — ей не понравился его нос с искусственной горбинкой. Да и сам Глебов казался ей старше, чем нужно (она даже специально высчитывала, сколько лет Григорию в романе). Однако, к счастью, Глебов не повторил судьбы Бондарчука (поскольку был Котом, а не Обезьяной), и их взаимоотношения с Быстрицкой по ходу съемок приняли дружеский характер. Вот как вспоминает об этом сама актриса:

«Я поначалу недоумевала: ну что это такое? зачем Герасимову понадобился актер из массовки, который никогда не снимался? И мало того, что так думала, я ведь и высказывалась! Но Глебов повел себя очень тактично: не обиделся на меня, ни разу не ответил…

Я изменила к нему отношение, когда увидела очередной отснятый материал: Герасимов регулярно нам его показывал. Это был эпизод, когда Мелехов зарубил австрияка, и Петр Петрович был в нем так психологически загружен, так актерски точен, так прекрасен, что я обомлела. До этого-то мы играли все больше шаловливые сцены. Словом, тут я его зауважала и сохранила это чувство до конца…»

Итак, от былого холода между Быстрицкой и Глебовым не осталось и следа. Тогда как раз на съемки в Диченск приехала жена Глебова вместе с детьми (артист уговорил их приехать пожить у него какое-то время), так Быстрицкая быстро с ней подружилась и с тех пор стала настоящим другом семьи

Глебовых.

Отметим, что сама Быстрицкая незадолго на начала съемок стала семейной — вышла замуж. Ее избранником стал человек другой профессии, который был старше ее на несколько лет и уже имел до этого опыт семейной жизни (Быстрицкая стала его четвертой по счету женой). По ее словам:

«В молодости мне чисто внешне очень нравился Жан Марэ. Романтичный герой. Но я понимала: влюбляться в артиста — то же, что читать романы Дюма. А в жизни… С будущим мужем, Николаем Ивановичем, меня познакомил его друг, работавший в ту пору в журнале „Советский экран“. Влюбилась я тогда со всей пылкостью своей натуры…

Обыватели и закоренелые сплетники утверждали, что он был генералом, чуть ли не родственником Н. С. Хрущева. А Николай Иванович работал в отделе переводов Министерства внешней торговли…

Через четыре дня после знакомства Николай Иванович сделал мне предложение, и я без колебаний приняла его. Я была свободна, он к этому времени разведен, так что помех для брака не имелось.

Жилось мне в те годы трудно, а после замужества стало легче. У Николая Ивановича был очень хороший вкус. Из своих поездок за рубеж привозил какие-то модные вещи, и я могла появляться изысканно одетой… Мой муж был интересным человеком. Мне нравилось с ним общаться, ходить по театрам и галереям, обсуждать увиденное, спорить. Своим формированием я во многом обязана ему. Сколько он всего помнил, сколько знал! Он очень любил историю…

Я была счастлива. Может, именно в те годы я осознала, как много значит для актрисы личная жизнь. В душе я надеялась на чудо: вдруг вопреки всем медицинским диагнозам у меня появится ребенок… Но если чудеса и случаются, то только не со мной…»

Но вернемся на съемки «Тихого Дона».

По сюжету ряд сцен романа происходил на железнодорожных станциях в разных частях страны. Для киношников снимать в разных местах было бы расточительством, поэтому все станции снимали в одном месте — в Каменске. Там снимали отправку казаков на фронт; митинг солдат, посвященный свершившейся революции; митинг на станции Нарва, где есаул Калмыков (Михаил Глузский) провоцирует солдат идти на Петроград, и прибытие на Новочеркасский вокзал представителей Военно-Революционного комитета.

После съемок на станции съемочная группа вернулась в

Диченск. Здесь надо было снять всю зимнюю натуру для всех трех серий. На дворе стоял ноябрь 1956 года. Но поскольку снега еще не было, решили снимать осенние кадры в усадьбе Листницких. Только взялись за работу… как пошел густой снег. Решили воспользоваться случаем и снять эпизод, где Григорий и Наталья пашут. Но только подготовились к съемке, как вместо снега уже пошел дождь. Пришлось киношникам руками зачерпывать остатки снега и кидать на актеров (по сюжету, они лежали на арбе, укрывшись тулупами, и на них падал снег).

Вообще со снегом тогда была настоящая беда — его почти не было. Из-за этого так и не удалось снять сцену расстрела Петра Мелехова, и ее пришлось воспроизводить на столичной натуре — возле киностудии «Мосфильм». Из-за этого в течение четырех дней снимали сцену избиения Листницкого Григорием. При этом декораторам то и дело приходилось подбеливать все вокруг белым порошком, имитирующим снег. Однако едва дул ветер, как порошок поднимался вверх, что крайне осложняло и без того трудные съемки. К слову, кадр, где Григорий бьет Листницкого кнутом, снимали хитро: приемом обратной съемки. То есть Листницкий-Дмитриев приложил конец кнута к щеке, после чего Григорий-Глебов взмахивал кнутом вверх. При монтаже этот кадр запустили в обратной последовательности.

Съемки на натуре длились до марта. Отсняв на реке Донец финал картины (Григорий бросает в прорубь винтовку и патроны), группа вернулась в Москву. Там в течение полутора месяцев работа шла в павильонах Студии имени Горького: снимали эпизоды в домах Мелеховых, Астаховых, Листницких. Поскольку за прошедшее время актеры уже успели друг к другу привыкнуть, эти съемки проходили без каких-либо трудностей. Даже любовные сцены Глебова и Быстрицкой были сыграны ими на одном дыхании. Правда, любовь игралась понарошку: никакого трепета друг к другу актеры на самом деле не испытывали. Более того, Быстрицкая согласилась сниматься в постельных сценах только при условии, если под одеялом между нею и Глебовым будет положено… скатанное одеяло.

В середине мая вновь отправились в Диченск на съемки уходящей весенней натуры. Причем в этом же поезде с киношниками возвращался к себе на родину и автор романа Михаил Шолохов. На протяжении всего съемочного периода он ни разу не приехал на съемки, хотя до их места ему было рукой подать. Вместо этого он присылал своих друзей, которые потом возвращались назад и делились с ним своими впечатлениями. И вот теперь, в поезде, члены съемочной группы впервые встретились с писателем. Воспользовавшись моментом,

Быстрицкая спросила у Шолохова, правда ли то, что ее героиня, Аксинья, до сих пор жива и живет где-то на Дону. На что Шолохов ответил: «Глупенькая, я это все выдумал». Для актрисы это признание было столь неожиданным, что она расплакалась.

Вторая экспедиция началась со съемок сцены встречи Григория и Аксиньи на берегу Дона. Затем сняли ночную встречу этих же героев — Григорий увлекает Аксинью в камыши. Потом сцену прихода Евгения Листницкого к Аксинье; возвращение изможденной Натальи домой. В начале июня сняли эпизод самоубийства Дарьи, драку во дворе Степана Астахова. Во время съемок последнего эпизода киношникам повезло: небо вдруг почернело, поднялся ветер. Этот тревожный фон как ничто лучше подходил для построения нужной мизансцены. Два дня ушло на съемки похорон Аксиньи. Поначалу Глебову никак не удавалось заплакать в кадре, как он ни старался. Но потом он спроецировал происходящее на себя — мол, это же я виноват в смерти Аксиньи, — и слезы сами брызнули из глаз.

Там же снимали сенокос, «рубку» Мелехова с матросами. Во время съемок последнего эпизода произошел неприятный инцидент. У Глебова в руках была деревянная шашка, однако он и ею рубил актера, исполнявшего роль матроса, осторожно, боясь причинить ему какой-либо вред. Но в кадре все это было видно. Тогда актер-матрос обратился к Глебову со словами: «Эх, рубака… Ты руби без оглядки…» В итоге Глебов так рубанул в следующем дубле, что чуть не сломал «матросу» плечо. Тот потом долго потирал ушибленное место и сетовал: мол, напросился на свою голову.

В августе экспедиция в Диченске закончилась, и группа вернулась в Москву. Но пробыла там недолго — почти сразу отправилась в Ленинград, где предстояло воспроизвести для второй серии события, происходившие в 1917 году в Петрограде. Там сняли приезд генерала Корнилова на Белорусский вокзал (снять этот эпизод на самом Белорусском вокзале не разрешили столичные власти, поэтому сцену перенесли в город на Неве, на Витебский вокзал); разговор Листницкого и Калмыкова в летнем ресторане (снимали во дворе Академической капеллы, где раньше располагался фешенебельный ресторан «Донон»); штурм Зимнего.

В сентябре группа была уже в Москве, где начался монтаж фильма. Герасимов торопился успеть сдать первые две серии «Тихого Дона» аккурат к 40-летию Великого Октября. Успел: фильм вышел в ноябре 1957 года. А спустя полгода на экраны вышла и 3-я серия.

Первые две серии фильма «Тихий Дон» вышли на широкий экран в октябре — ноябре 1957 года и имели грандиозный успех у

публики. Его посмотрели 47 млн. зрителей (1-е место в прокате). По опросу читателей журнала «Советский экран» фильм был назван лучшим фильмом года. В апреле 1958 года свет увидела и третья серия. В том же году картина собрала богатый урожай призов на различных кинофестивалях, в том числе в Брюсселе, Москве, Карловых Варах, Мехико.

Но вернемся на некоторое время назад.

В 1957 году Быстрицкая продолжала разрываться между театром и кино — играла в Вильнюсском театре и снималась в третьей серии «Тихого Дона». Ее мечтой было перебраться в Москву, в Мекку театральной и кинематографической жизни страны, однако все ее попытки осуществить это долгое время ни к чему не приводили. Например, осенью 1955 года в Доме кино ей посчастливилось познакомиться с Фаиной Георгиевной Раневской, и та порекомендовала режиссеру Театра имени Пушкина, в котором сама играла, взять молодую звезду в труппу. В Пушкинском тогда собирались ставить «Белый лотос», и Быстрицкой была обещана одна из ролей. Однако этим планам так и не суждено было осуществиться.

И все же в столицу Быстрицкая перебралась. Помог ей в этом кинорежиссер Юрий Егоров и его фильм о комсомольцах «Добровольцы», съемки которого проходили в 1957 году. У Быстрицкой там была главная роль — Леля Кайтанова.

Фильм вышел на широкий экран 20 октября 1958 года и принес его создателям огромный успех. Он собрал в прокате 26, 6 млн. зрителей (17-е место), что считалось неплохим результатом. После этого успеха Быстрицкая была замечена и получила приглашение перейти в труппу Малого театра — сначала по договору, а затем (в марте 1959 года) с зачислением в штат. Первой ролью Быстрицкой на сцене Малого стала леди Уиндермиер в спектакле по О. Уайльду «Веер леди Уиндермиер».

Несмотря на то что Быстрицкая была уже достаточно известной и популярной киноактрисой, карт-бланшем для легкого вхождения в коллектив прославленного театра это не стало. Наоборот, это обстоятельство даже в какой-то мере усложнило ей жизнь, потому что корифеи театра относились к кино с некоторым пренебрежением, как к чему-то несерьезному. Кроме этого, Быстрицкой пришлось доказывать свое право играть в труппе театра в жесткой конкуренции с другой киноактрисой, принятой в штат одновременно с ней, — Руфиной Нифонтовой, которая прославилась в 1957 году, сыграв роль Кати в кинотрилогии «Хождение по мукам». Конкурентная борьба буквально изматывала обоих. По словам самой Быстрицкой, первое время работы в Малом она никак не могла войти в стиль

этого театра и почти после каждой репетиции мчалась в медчасть принимать успокоительные таблетки.

И все же шаг за шагом ей в конце концов удалось доказать, что ее зачисление в штат Малого оказалось не случайным. В итоге за два последующих сезона (1960–1961) она сыграла сразу шесть ролей: Наталью в «Осенних зорях» В. Блинова, Нину в «Карточном домике» О. Стукалова, Кэт в «Острове Афродиты» А. Парниса, Клеопатру Гавриловну в «Почему улыбались звезды» А. Корнейчука, Катерину Ремиз в «Крыльях» того же автора и Параньку в «Весеннем громе» Д. Зорина. Однако затем в течение полутора лет она сидела без новых ролей. Почему? Причину этого следует искать в излишне прямолинейном характере актрисы.

В Малом тогда ставили спектакль «Мадам Бовари» и режиссером был Игорь Ильинский. Он взял на роль Эммы свою жену — актрису этого же театра Татьяну Еремееву. Когда Быстрицкая узнала об этом, она бросила в сторону Ильинского такую реплику: «Как вы можете дать роль Эммы Бовари Еремеевой, с ее фигурой?» Позднее Быстрицкая признается: «Наверное, следовало его пощадить, но ведь я искренне верила: чтобы играть, нужно как минимум быть в форме. Не то что я была глупа — я была, наверное, неосмотрительна, а возможно, и беспощадна в силу молодости…»

Эта фраза до глубины души оскорбила Ильинского. И он превратился (вместе со своей женой) в ярого врага молодой актрисы. В результате карьера Быстрицкой заметно осложнилась. В 1962 году, накануне премьеры спектакля «Маскарад», где она играла одну из главных ролей (баронессу Штраль), Ильинский выступил со статьей в одном из популярных изданий, в которой говорилось, что в театр приходят кинозвезды, которые ничего не умеют, — имея в виду и Быстрицкую, и Нифонтову (с Козой у Быка тоже не самые дружеские отношения). Далее на одном из партийных собраний он заявил, что Быстрицкая не актриса, а пошлая манекенщица. Однако словесной эквилибристики признанному мэтру, видимо, было мало, и он по мере возможности препятствовал карьере Быстрицкой на деле. Например, когда на телевидении собрались снимать спектакль «Касатка» с Быстрицкой в главной роли (по ее же словам — самая замечательная ее работа), Ильинский сделал все от него зависящее, чтобы эта съемка не состоялась. Кроме этого, Быстрицкой стали давать играть только на сцене филиала театра, практически лишив ее возможности выступать на главной сцене.

Заметим, что Ильинский был не последним человеком, с кем Быстрицкая испортила свои отношения в начале 60-х. Нечто подобное произошло у нее и с Михаилом Шолоховым. Дело было

так.

В 1962 году Быстрицкая снималась у режиссера Георгия Натансона в фильме «Все остается людям». Съемки проходили в Ленинграде, где в те же дни был и Шолохов (он участвовал в симпозиуме писателей). Узнав об этом, Быстрицкая захотела с ним встретиться (последний раз они виделись на съемках «Тихого Дона») и позвонила ему в гостиницу «Астория». И он предложил ей приехать немедленно. Знай актриса, что накануне у писателя всю ночь продолжалась шумная попойка, она, может быть, остереглась принимать это предложение. Но она этого не знала. В итоге, когда она пришла в апартаменты писателя и увидела, что гулянка по-прежнему в разгаре, ее охватило возмущение. И вот, пытаясь образумить собравшихся, она прокричала им в лицо одну-единственную фразу: «Вам, может быть, наплевать на Михаила Александровича Шолохова, но что вы делаете с русским писателем Шолоховым?!» И что же? В притихшем было зале внезапно раздался голос самого писателя. Возмущенный тем, что его вечеринку прервала какая-то молодая актриса, он принародно попросил ее… убираться вон. Причем сказал это в весьма грубой форме. С тех пор они больше не виделись.

Сама Быстрицкая довольно трезво оценивает свой бескомпромиссный характер и не боится рассказывать об этом журналистам. Приведу несколько отрывков из ее интервью по этому поводу:

«Как я отношусь к сплетням вокруг своего имени? Бывает больно, когда этого не ждешь от человека. И особенно если корят несправедливо. В первый момент я воспринимаю это яростно, могу наломать дров, вплоть до потери контроля над собой. Потом сожалею. Теперь стала осторожнее, стараюсь вовремя образумиться, прийти в себя. Однажды я накричала на одного человека и вдруг увидела, что у него задрожали губы. И дошло до меня: ведь я его обидела, оскорбила! И тут я испугалась. Со всей своей энергетикой могу навалиться на человека и принести ему беду…

Я по гороскопу Овен: всегда иду напрямик и, естественно, получаю синяки и шишки, но это меня не учит. Об одной интриге могу рассказать. Однажды мне стало известно, что некая актриса, которая могла претендовать на роль, полученную мною, подняла в своем кругу тост за мой провал. Почему? За что? Я же не ходила и не выпрашивала! Долго я думала, как поступить, чтобы ком ненависти не разрастался. Решила, что если меня не научились уважать — что ж, пусть опасаются. И провела с ней разговор таким образом… Нет, не могу рассказать. Короче говоря, друзьями мы, ясное дело, не стали, но интригу пресечь удалось.

Вообще я убедилась: неправда, будто можно безнаказанно творить зло. Я уважаю эту актрису за ее труд, но, по-моему, она не смогла выйти на тот уровень, который был ей предназначен…»

Вообще стоит отметить, что Быстрицкая могла и может поставить на место кого угодно — табели о рангах для нее не существует. К примеру, однажды она отказала во взаимности одному высокопоставленному чиновнику. Было это в 1967 году. Быстрицкая тогда отправилась по профсоюзной линии в Англию, и этот чиновник, будучи руководителем делегации, вызвал ее к себе в номер и попытался склонить ее к определенного рода отношениям. Но нарвался на такое сопротивление, которого не ожидал (видимо, в случаях с другими коллегами Быстрицкой у него осечек не было). И тогда чиновник пообещал Быстрицкой, что она навсегда забудет дорогу за рубеж. И действительно — в течение нескольких лет актриса была невыездной.

Еще об одном похожем случае рассказывает сама Э. Быстрицкая: «Как-то пришла к большому начальнику: что-то просить для одного из коллег. А начальник этак зашел сзади, положил мне руку на плечо, и ладонь как бы невзначай заскользила вниз — ну понятно, в каком направлении. Отрезвляющих физических действий я не применяла, просто отскочила в сторону и произнесла выразительный монолог. Жаль, вопрос, по которому я приходила, решен, разумеется, не был…»

Другой подобный случай произошел с актрисой во время съемок одной из картин. Дело было так. Натурные съемки закончились, и Быстрицкая возвращалась из Поти в Адлер, чтобы оттуда первым же самолетом вылететь в Москву. Ехала она в грузовой машине, в кабине с водителем, который работал в их съемочной группе. Остановились в Сухуми, где был забронирован номер в гостинице. Дело было вечером, и Быстрицкая, уставшая с дороги, собиралась уже лечь спать, когда внезапно в дверь постучали. Как выяснилось, это был тот самый шофер, который привез ее в гостиницу. Актриса, естественно, спросила: «Что вам надо?» А тот ничтоже сумняшеся отвечает: «Тебя хочу, кого же еще?» Быстрицкую поначалу охватил легкий шок, но затем она пришла в себя и послала «ходока» куда подальше, да еще вдобавок пригрозила, что, если он немедленно не уйдет, она расскажет обо всем руководству группы. Шофер хоть и был озабочен, но побоялся потерять работу.

Во многом из-за своего прямолинейного характера карьера Быстрицкой в кинематографе, по сути, не сложилась — с 1967 года она перестала сниматься в кино. Всего же в 60-е годы она записала на свой счет всего пять фильмов. Расскажем о каждом из них отдельно.

В 1959 году Быстрицкая получила приглашение от Григория Александрова сыграть молодую итальянскую графиню Марию Пандору Монтези в картине «Русский сувенир». Так как имя этого режиссера было вписано золотыми буквами в историю отечественного кинематографа, Быстрицкая посчитала за счастье работать под его началом. О чем вскоре пожалела. Дело в том, что, ознакомившись ближе со сценарием, актриса разочаровалась в сюжете. По ее мнению, это была достаточно прямолинейная агитационная картина на тему происков империализма. Быстрицкая попыталась отказаться от роли, но ее быстро поставили на место. «Не будете сниматься у нас — перекроем кислород на других фильмах». А так как Быстрицкая параллельно с работой у Александрова пробовалась на роль Евгении Гранде в одноименном фильме Сергея Алексеева, ей пришлось продолжить съемки. Если бы она знала, что там у нее ничего не выгорит (на роль Евгении Гранде в итоге взяли Ариадну Шенгелая), наверняка поступила бы в свойственной ей манере — ушла, хлопнув дверью.

В 1962 году у нее была прекрасная возможность сыграть в одном из зарубежных фильмов, но эта попытка сорвалась. Почему? Рассказывает сама Э. Быстрицкая:

«Западногерманская фирма прислала мне сценарный план по произведению Олдоса Хаксли „Гений и Богиня“ — огромный лист, где было название фильма, имена режиссера, партнеров и приписка: „Если у вас есть возражения, сообщите, мы подберем других людей“. Меня приглашали как звезду. Но здесь мне не то чтобы запретили, а просто не посоветовали ехать сниматься. Попробовала бы я после этого поехать. Если поедешь — останешься там. Для меня это было невозможно, и я нашла путь отказаться, написав, что не могу участвовать в фильме по сценарию мистика и мракобеса Олдоса Хаксли. Впрочем, через год его уже стали у нас печатать…»

Следующим фильмом в послужном списке актрисы стала уже упоминавшаяся картина «Все остается людям» (1963) Георгия Натансона. Быстрицкая снималась с удовольствием — играла свою современницу Ксению Петровну Румянцеву. Фильм занял в прокате 15-е место, собрав 23, 7 млн. зрителей. На Всесоюзном кинофестивале в Ленинграде в 1964 году картина была удостоена высшей награды.

Год спустя Быстрицкая снялась еще в одном фильме — «Негасимое пламя» Ефима Дзигана. В этом случае повторилась история с «Русским сувениром». Имя Дзигана в советском кинематографе было не менее известным, чем Александрова. Достаточно вспомнить его фильмы: «Мы из Кронштадта» (1936), «Джамбул» (1953), «Пролог» (1956). Короче, очарованная этим

именем, Быстрицкая согласилась сниматься. И вновь пожалела.

Съемки проходили в Сибири, на Енисее. Актеров поселили в ужасных условиях, на каком-то пароходе, напоминавшем дырявое корыто, да еще с крысами. Режиссер все время был пьян, а в конце съемок и вовсе исчез в неизвестном направлении. К счастью, у одного из актеров — Григория Оболенского — была с собой малокалиберная винтовка, и он ходил охотиться в тайгу. Приносил куропаток, которые тут же съедались оголодавшими участниками съемок. Если бы не Оболенский со своей винтовкой, актерам скорее всего пришлось бы охотиться на вконец оборзевших крыс.

В 1966 году Быстрицкая снялась в фильме «Дачники», который снял ее коллега по Малому театру и ее астрологический «родственник» Борис Бабочкин. Натуру снимали в Архангельском, Бехове и Поленове в июле — августе, и поначалу работа шла тяжело. Это видно по дневнику, который вел Бабочкин. Процитирую несколько отрывков:

«23 июля. Съемка в Поленове: Анненков, Велихов, Бабочкин. Кадр — 86, без начала и не кончили. Нифонтова отказалась сниматься: „не устраивает быт“. Скандал прямо на съемке…

26 июля. Дождь. Съемки не было. Костюм Ларионова оказался совершенно негодным. У меня рубашка не годится — ужас, бардак. Организация всей экспедиции ужасна!..

5 августа. Из-за позднего начала съемки не отснят эпизод Нифонтова — Подгорный. Группа и я с ней выехали на съемку в 8.15. Но г-жи Нифонтова и Быстрицкая приехали в 11.30. Начали снимать в первом часу…

Партгруппа в 9 вечера. Федорец читал мне нотацию, как себя вести…

18 августа. Выходной день. Профилактика камеры.

Вечером в Заокске встреча с активом района, поздравляли Руфину и Элину с народными (Э. Быстрицкой и Р. Нифонтовой в те дни присвоили звания „Народный артист РСФСР“. — *Ф. Р.*)…»

И наконец, пятым фильмом, в котором Быстрицкая снялась в 60-е, стала революционная лента «Николай Бауман» (1968) Семена Туманова. Она сыграла роль подруги Максима Горького, актрисы Марии Андреевой. Неплохая, в общем-то, картина, но сама Быстрицкая вспоминает о ней почему-то с неохотой.

На этом список ролей в большом кинематографе у героини нашего рассказа обрывается. Причем надолго — на 27 (!) лет. Почему у этой бесспорно выдающейся актрисы произошел такой длительный перерыв в кинематографической карьере? Причин здесь несколько. Но главная заключена в характере самой Быстрицкой. Наученная горьким опытом предыдущих неудач, она

стала так дотошно подходить к выбору ролей в кино, что большинство режиссеров в конце концов перестали приглашать ее на съемки. Какой толк, рассуждали они, приглашать Быстрицкую, если она все равно откажется. Именно поэтому в последующие два десятилетия Быстрицкая играла только в театре. Среди ее новых ролей отмечу следующие: Донна Анна в «Каменном хозяине» Леси Украинки, Панова в «Любови Яровой» К. Тренева, Чернобривцева в «Урагане» А. Софронова, Пелагея в «Фоме Гордееве» М. Горького, Кручинина в «Без вины виноватых» А. Островского, Юлия Филипповна в «Дачниках» М. Горького, Марья Ивановна в «Главной роли» С. Алешина, Эльза Хеедберг в «Герое фатерланда» Л. Кручковского, Глафира в «Волках и овцах» А. Островского, герцогиня Мальборо в «Стакане воды» Э. Скриба, Анна Петровна в «Иванове» А. Чехова, Софья Марковна в «Старике» М. Горького, Лидия Юрьевна в «Бешеных деньгах» А. Островского.

Кроме этого, ряд спектаклей с ее участием сняли для телевидения. Речь идет о следующих постановках: «Волки и овцы» (1973; Глафира), «Дом Островского», «Старик» (оба — 1974), «Признание» (1976; Анастасия), «Бешеные деньги» (1978; главная роль — Лидия).

В 1978 году Э. Быстрицкой присвоили звание народной артистки СССР.

Помимо творчества в жизни Быстрицкой были и другие занятия — например, общественная деятельность. В конце 60-х за активную работу во Всероссийском театральном обществе (она заведовала военно-патриотической комиссией) Быстрицкая была удостоена звания ударника коммунистического труда. В 1970 году она вступила в ряды КПСС. Причем случилось это в тот момент, когда в СССР остро встала «еврейская проблема»: Израиль объявил СССР «холодную войну», и миллионы советских евреев поддержали свою прародину и стали мечтать об отъезде из Союза. Быстрицкая заняла противоположную позицию и стала одним из активных пропагандистов советского образа жизни среди творческой интеллигенции еврейского происхождения. За это, кстати, многие соплеменники ее недолюбливали.

В 1975 году актрису избрали президентом Федерации художественной гимнастики СССР. Стоит отметить, что президентом Быстрицкая была не номинальным, а самым настоящим. Она регулярно посещала тренировки гимнасток, помогала им советами, конкретным делом. Благодаря стараниям Быстрицкой художественная гимнастика вскоре была включена в программу Спартакиады народов СССР. На посту президента она проработала без малого 18 лет. В 90-е годы к прежним

общественным должностям добавились новые: вице-президент Международного фонда охраны здоровья матери и ребенка, член Межведомственной комиссии при Совете Безопасности, член Общественной палаты при президенте.

Наверное, общественная деятельность занимала бы у Быстрицкой меньше времени, если бы она была по-настоящему загружена в театре. Но там с 1982 года у нее не было ни одной премьеры, почти все время — на заменах. И лишь спустя десятилетие она наконец вышла на сцену Малого с новой ролью — Москалева в «Дядюшкином сне» Ф. Достоевского. Еще спустя два года она должна была сыграть в спектакле «Волки и овцы», но из этой затеи ничего не получилось. Быстрицкая увидела в своей героине качество, которое ее предшественницы не находили. Но для этого рядом с ней должен был играть другой актер, моложе, способный вызвать определенные эмоции у стареющей дамы. Режиссер поступил по-своему, и Быстрицкая из спектакля ушла.

На телевидении в те годы были показаны два новых телеспектакля с ее участием: «Фома Гордеев» (1983; Пелагея) и «Без вины виноватые» (1985).

В начале 80-х распался брак актрисы с Николаем Ивановичем. Почему? К сожалению, супруг Быстрицкой оказался большим «ходоком» по женской части. Изменять актрисе он начал чуть ли не с самого начала их супружеской жизни, но Быстрицкая об этом долго не догадывалась. Прозрела она только в 60-е, однако в ЗАГС разводиться не побежала. Ей казалось, что откровенного разговора с мужем будет вполне достаточно. Тот действительно заверил ее, что больше такого не повторится. Но обманул. Многие его друзья, зная об этих походах «налево», поражались, ведь Быстрицкая считалась одной из первых красавиц советского кино, о ней грезили чуть ли не все мужчины Советского Союза. А ее муж бегал к другим женщинам, многие из которых даже в подметки не годились Быстрицкой. Короче, было чему удивляться. Но, с другой стороны, мы ведь не знаем, что происходило в семье актрисы, какие взаимоотношения были у нее с мужем.

Брак Быстрицкой с Николаем Ивановичем просуществовал 27 лет и распался в начале 80-х. По словам актрисы: «Конечно, было обидно и горько… Мне пришлось вновь обустраивать свою жизнь… Позже я поняла, что развод начал назревать еще тогда, когда Николай Иванович стал активно вторгаться в мое творчество. А я не могла позволить повелевать собою… Ему была нужна не я, а та атмосфера, которая складывалась вокруг меня. Его перестало интересовать все, кроме того, что он муж „той самой Быстрицкой“. Его не волновали ни мои заботы, ни мои

болячки, ни мои хлопоты, ни мои трудности. Ко всему этому он стал относиться равнодушно. У него появились свои интересы, которые сводились к встречам с „дамочками“. Женщин он любил больше всего. Слишком любил. Некоторые переносят, а я не смогла…

Думаю, многие знают, какое это трудное испытание — оставаться наедине с собой среди множества людей. Для актрисы это может обернуться трагедией. В моей жизни был случай, когда я десять часов просидела под дождем в лодке, решая, как мне дальше жить. Актриса, не познавшая любви и горького одиночества, никогда не будет искренней на сцене…»

Расставшись с мужем, Быстрицкая с тех пор замуж больше не выходила. Но она не унывала — отвлечься от грустных мыслей актрисе помогала активная общественная деятельность. В 90-е годы к ее прежним общественным должностям добавились новые: вице-президент Международного фонда охраны здоровья матери и ребенка, член Межведомственной комиссии при Совете Безопасности, член Общественной палаты при президенте.

В 1992 году, уже в новые, постсоветские, времена Быстрицкая вернулась на съемочную площадку. В фильме Виталия Дудина под названием «Прощальные гастроли» она сыграла небольшую роль — пассажирку поезда. Причем поначалу роль ей предназначалась главная (прима театра Нина Викторовна), однако по ходу работы у Быстрицкой произошел конфликт с режиссером, и эта роль досталась другой актрисе — Людмиле Гурченко.

Затем она сыграла еще две роли в кино: в фильмах «Бравые парни» (1993; Надежда) и «Саге древних булгар» (1999; княгиня Ольга).

В апреле 1998 года, в дни юбилея актрисы, на сцене Кремлевского Дворца состоялся ее бенефис. В спектакле по пьесе Фердинанда Брукнера Быстрицкая сыграла Елизавету Английскую.

Из интервью Э. Быстрицкой конца 90-х: «Так сложилась моя жизнь, что я одна… Выбор заключается в том, что можно было бы с кем-то быть, но для этого, с моей точки зрения, должны наличествовать определенные качества во взаимоотношениях. Мне ближе мудрость Омара Хайяма: „Уж лучше будь один, чем вместе с кем попало“. При чем тут гордая независимость? Мне необходимо сердечное увлечение. А все радости общения — это совсем другое. Брак ведь предполагает что-то еще… Конечно, я нахожу для себя дело каждый день и каждый час, но когда женщина говорит, что только в деле находит для себя самое главное, я… не поверю, что она счастлива. Женское счастье — это

все-таки радости патриархального быта: семья, дети…

У меня есть друзья, с которыми я общаюсь ежедневно, даже несколько раз в день, с ними я советуюсь. Мой круг — это мой круг, и я никого чужого не хочу туда пускать. Это тайна. Друзьями я не обделена. У меня есть все остальное, чтобы чувствовать себя комфортно. Мои учителя, мои партнеры по сцене, по фильмам драгоценны для меня. Но, к сожалению, некоторых уже нет в живых…

У каждого человека есть свои потребности. У меня это гантели. По полкило каждая. Для женщины больше не нужно. Есть у меня гимнастическая палка, обруч. Пока все это мне доступно. Форма еще не ушла. Конечно, я сегодня не та, какой была 25 лет назад. Я это понимаю. И не притязаю на исключительность в сохранении вечной молодости.

Я люблю играть в бильярд. Это увлечение идет от тех лет, когда для нас с двоюродным братом родители купили маленький бильярд, чтобы мы никуда не шастали, а забивали металлические шарики. За войну бильярдик пропал. Уже актрисой, отдыхая в санатории, я увидела большой бильярдный стол. Навыки точно бить по шару не пропали. А увлечения и азарта у меня было достаточно, и я начала играть с мужем. Поначалу проигрывала, а потом победила и воспряла. В санатории устраивали турниры. И когда мы с мужем в паре выходили в финал, вот тут азарт брал верх. Мне хотелось выиграть. И я выигрывала. Потом ездила одна в Архангельское, в санаторий, и выигрывала уже по-настоящему. И маршал Виктор Георгиевич Куликов подарил мне настоящий кий. До сих пор его берегу…

Но на деньги я никогда не играла. Я презираю это. Меня не деньги интересуют — меня влечет победа…

Я очень люблю своих учеников. Они бывают у меня, или мы ездим на природу. Когда я с ними общаюсь, мне хорошо, но частые встречи не удаются… Родители мои уже ушли. Практически близких у меня никого нет. Но в Москве мой причал…»

С тех пор минуло несколько лет, а Быстрицкая все такая же красивая и активная. Одевается она с иголочки, да еще завела себе собаку, пекинеса, которая придает ей особенный шарм. В Малом театре она играет несколько спектаклей, в том числе и в «Любовном круге», где у нее роль взбалмошной, блестящей и не стареющей душой леди Китти. Копия самой Быстрицкой.

Что касается ее взаимоотношений с кино, то они по-прежнему непростые — Быстрицкая очень дотошно подходит к выбору ролей. Поэтому, к примеру, в сериалах не снимается, да и большинство предложений сниматься в большом кино тоже

отвергает. В итоге в новом тысячелетии они записала на свой счет всего две кинороли, правда, обе были центральными. Так, она сыграла Элеонору в фильме «Бабий Яр» (2002), посвященном трагедии времен Великой Отечественной войны — расстрелам мирных граждан (в том числе и евреев) в Бабьем Яру под Киевом. А также снялась в продолжении фильма «Сага древних булгар» (2005) в роли княгини Ольги.

Летом 2009 года актриса дала очередное большое интервью одной из центральных газет («Московский комсомолец», номер от 11 июля, автор — Н. Черных), где поведала о своем повседневном житье-бытье следующее:

«В тапочках я хожу только дома. А на каблуках — всегда. Встаю утром и, прежде чем выйти на улицу, причешусь красиво, положу макияж, долго и придирчиво одеваюсь. Я даже мусор не могу вынести в халате. Есть какие-то вещи, которые прививались мне моими друзьями и коллегами. Когда я пришла в Малый театр, у нас в труппе были три актрисы, которые окончили Смольный институт. А у них — особая осанка, способ общения, в общем — способ жизни. На гастролях мы много говорили, и меня учила „женскому“ Елена Николаевна Гоголева, у которой было строжайшее дворянское воспитание. Эти дамы играли в массовых сценах, в эпизодах. Но как они ходили! Как выглядели, боже мой!..»

Укротительница тигров

Людмила Касаткина родилась в маленьком селе под Вязьмой 15 мая 1925 года в рабочей семье. Затем родители вместе с дочерью переехали в Москву. Чтобы понять, как родители воспитывали нашу героиню, следует привести один ее рассказ на эту тему: «Когда мне было 11 лет, я прибежала к маме зареванная: „У Тани новое платье, а я хожу вся штопаная-перештопаная“. Вот тогда моя мамочка впервые в жизни ударила меня по щеке, наотмашь. „Ты не радуешься, что ей купили новое платье, ты плачешь, значит, ты дрянь!“»

До 15 лет Касаткина посещала Московскую оперную студию имени Шацкого (хореографическое отделение) и подавала там большие надежды. Уже в 11 лет она дебютировала в детских танцевальных партиях, четыре года занималась балетом, но занятия балетом пришлось оставить, и родители отвели девочку в Дом пионеров в переулке Стопани. Ее педагогом там была Анна Гавриловна Бовшек.

В 1943 году Касаткина подала документы на актерский факультет ГИТИСа. По ее же словам, больших надежд попасть туда она не питала, так как считала себя девушкой некрасивой да еще маленького роста (в ней было всего лишь 159 сантиметров). Однако ее педагог А. Г. Бовшек перед экзаменами напутствовала свою ученицу: «Знаешь, сколько было в Венере Милосской? Всего 155 сантиметров! А в Аполлоне Бельведерском — 165! Так что выбрось эту дурь из головы и смело поступай!» Касаткина так и сделала.

На экзаменах она прекрасно прочитала «Итальянскую сказку» М. Горького. Читала так страстно, что кое-кто в приемной комиссии украдкой вытирал слезу. Короче, нашу героиню приняли без всяких вопросов. Ее преподавателями в институте были Г. Г. Конский и И. М. Раевский.

В 1947 году, закончив ГИТИС, Касаткина должна была вместе со своим курсом уехать из столицы — поднимать театр в одном из провинциальных городов. Но Людмила жуть как не хотела покидать Москву. Этого же не хотел и ее тогдашний жених (а в будущем муж) — студент ВГИКа 25-летний Сергей Колосов. Кстати, стоит сказать несколько слов о последнем. Он повторно поступил в ГИТИС в 1946 году (первый раз был принят в 1939 году, однако затем началась советско-финская война, и он ушел на фронт — сначала на финский, затем на германский), когда Касаткина его уже заканчивала. Там они и познакомились. О том, как это произошло, рассказывает сама актриса:

«Я была хорошенькой. У меня было много поклонников. Но меня называли девушкой из прошлого века. Потому что, если кто-то до меня дотрагивался руками, я бежала как оглашенная. Такая недотрога была. И поэтому, когда за мной начал ходить Колосов, вернувшийся с войны, пионы носить… Помню, его подвели ко мне в гитисовском дворике:

— Вот познакомься, это Людочка Касаткина. У нее сегодня день рождения.

— А можно мне сегодня зайти вас поздравить? — спросил он робко.

— Отчего же. Конюшковский переулок, 22, квартира 50.

И вот он надраил свои сапоги, начистил пуговицы на гимнастерке, приходит с пионами, а ему говорят: „Тут такой нет“. Это я пошутила над ним. Четыре года мы дружили до женитьбы. Я сказала ему: „Я должна проверить, люблю ли я тебя, а ты меня по-настоящему“. И за четыре года он откинул от меня всех моих поклонников. Чем он меня тронул? После четвертого курса мы поехали в разрушенный Севастополь от ЦК комсомола бригадой работать. Денег нет, нам только дорогу оплатили. Жара страшная, есть хочется. И вот я иду по улице и вдруг вижу, что у ларька, где продают виноград, стоит Колосов и считает на своей ладони копеечки, а потом приносит мне ветку винограда… Я видела, как он считал, где он купил…»

Но вернемся в год окончания Касаткиной ГИТИСа — в 1947-й.

Именно Колосов и посоветовал девушке показаться в Театр Советской Армии, где он в юности играл в массовке и был пленен творческой личностью режиссера и актера Алексея Попова. Касаткина тоже любила этот театр (она пересмотрела там многие спектакли: «Давным-давно», «Сталинградцы», «Учитель танцев», «Укрощение строптивой» и др.), однако предпочла выслушать еще одно мнение на этот счет — своего педагога Г. Конского. И тот внезапно сказал, что в ЦТСА ее, как актрису, совсем не будет видно, а вот в другом столичном театре — Сатиры — ей, с ее лирико-комедийным талантом, самое место. Касаткина вняла этому авторитетному мнению. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Я подошла к молодому и общительному педагогу ГИТИСа Андрею Александровичу Гончарову, который меня поздравлял после студенческого „капустника“, и попросила помочь мне показаться в Театре сатиры, где он тогда работал. Он не только помог, но и решил сам присутствовать, так как главный режиссер был болен, а откладывать просмотр было нельзя.

Итак, этот просмотр шел в присутствии директора театра Марии Трофимовны и Гончарова. Читаю рассказ Чехова. Через

минуту Гончаров начинает улыбаться. Потом довольно громко смеется. Но лицо директрисы ничего не выражает. Я продолжаю читать. Гончаров смеется еще громче. Это не нравится директору. Почему, не знаю.

— Достаточно, — обрывает меня эта полная и серьезная дама. — Спасибо… Вы нам не подходите.

Андрей Александрович выражает крайнее недоумение.

— А почему, собственно, она вам не подходит? — язвительно спрашивает он, с трудом сдерживая раздражение.

— У актрисы… Э… э… нет юмора… А это очень важно в нашем театре, — объясняет Гончарову Мария Трофимовна.

— Что вы говорите, Мария Трофимовна?! А я и не знал… Я посоветовал молодую актрису, уже показавшую себя в „капустнике“ и…

— Здесь не „капустники“ делают, а спектакли, Андрей Александрович. Спасибо, девушка. До свидания. Вам надо поискать театр… драматический, серьезного характера. Вот на Таганке есть Театр драмы и комедии, мне говорили, что они ищут молодую, драматическую… Вы им позвоните…

Звоню. Заведующий труппой просит меня приехать для встречи с главным режиссером Александром Константиновичем Плотниковым. Я приезжаю. Плотников встречает меня довольно радушно, предлагает присесть, проницательно всматривается в мое лицо и начинает беседу, часто опуская глаза и поглядывая на… мои ноги. Мне становится как-то неловко, и я подбираю ноги под себя.

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста. Я вам сейчас все объясню. Вы, конечно, читали „Как закалялась сталь“ Островского? Так вот. Понимаете, мы хотели бы начать спектакль такой трагической сценой. Сейчас объясню… Вот… нашел… Касаткина… Люда… Блондинка… Ноги… Повесить…

— Что-о?! — холодею я. — Как повесить?!

— Сейчас объясню. Это мои рабочие заметки. Так вот, дело в том, что мы хотим начать спектакль масштабной драматической, я бы сказал, трагической сценой. Красивую девушку, это вы, беляки хотят повесить. Мы стремимся отойти от штампов и сделать эту сцену максимально натуральной!

— Натурально повесить?! — пытаюсь понять я.

— Тут, конечно, все продумано. Петля будет изнутри закреплена твердым материалом и… Ее повесили! И только ноги, красивые ноги — у вас красивые ноги — раскачиваются ветром… и…

— И это все?!

— К сожалению, все. Но вы будете рано освобождаться!

Первая картина! Так сказать, пролог. Маленькая роль? Да. Но потом будут другие роли: Катерина, Антигона! Шекспир! Чехов! Куда же вы?! Люда Касаткина! Подождите! Людмила!..»

После этого рандеву Касаткина вняла уговорам своего жениха, Сергея Колосова, и показалась в Театр Советской Армии. И ее взяли, поскольку театру нужны были молодые актрисы для сцены бала в спектакле «Давным-давно». И зарплату Касаткиной положили мизерную. Но она и этому была рада.

В первые годы она в основном исполняла роли молодых героинь — веселых и жизнерадостных девушек или подростков. Ее амплуа тогда было лирико-комедийным. Видимо, поэтому, когда режиссер театра А. Д. Попов предложил ей роль Оксаны в пьесе М. Алигер «Первый гром», наша героиня расплакалась. Она посчитала, что не сможет справиться с такой серьезной ролью (Оксана была прообразом участницы краснодонского подполья Ульяны Громовой). Однако режиссер был настойчив. Результат удивил всех, кто до этого видел Касаткину только в лирических ролях. Эта победа молодой актрисы заставила поверить ее в свои силы, открыла новые возможности ее таланта.

В другом спектакле — «Океан» по пьесе А. П. Штейна — Касаткиной досталась роль медицинской сестры Анечки. Готовясь к этой роли, актриса пришла в районную поликлинику и попросила дать ей возможность провести несколько дней вместе с настоящими врачами. Отказать ей, конечно, не могли. В результате наша героиня полдня провела за окошком в регистратуре, после чего вместе с врачом отправилась навещать больных. И так — трое суток подряд.

Чуть позже, когда Касаткиной предстояло сыграть роль судьи в спектакле «Ковалева из провинции», она смело направилась в суд. Пришла и сказала: «Хочу понаблюдать за вашей работой». Ее прикрепили к 40-летней женщине-судье, и Людмила присутствовала на трех разных процессах с ее участием. Порой ей казалось, что судья судит неправильно, и она вступала с нею в спор. Судья ей тогда сказала такую фразу: «Только десять лет можно быть судьей, а затем сердце черствеет». Однако вернемся в своем повествовании немного назад.

В 1950 году в жизни героини нашего рассказа произошло важное событие — она вышла замуж. Ее избранником стал уже упоминавшийся выше Сергей Колосов. По словам Л. Касаткиной:

«На нашу скромную свадьбу Андрюша Попов (актер ЦТСА. — *Ф. Р.*) пришел с двумя большими тортами: в одной руке — от Алексея Дмитриевича Попова, в другой — от Марии Осиповны Кнебель. Пришла и Нина Антоновна Ольшевская с мужем, известным писателем-сатириком Виктором Ефимовичем

Ардовым, пришел родственник жениха — профессор, основоположник советского киноведения Николай Алексеевич Лебедев с супругой, пришел молодой композитор Кирилл Молчанов со своей очаровательной супругой Мариной Пастуховой-Дмитриевой, актрисой нашего театра. Андрюша Попов был со своей супругой, с которой прожил всю жизнь, режиссером Ириной Владимировной Македонской, в прошлом балериной Большого театра, красивой и образованной женщиной. А Андрей Петров, который был со своей женой актрисой Татьяной Ленниковой, принес стенгазету, в которой большими буквами было начертано: „Поздравляем Колосаткиных!“ Этот шуточный псевдоним сохранился по сию пору в среде друзей нашей семьи.

Моя мама произнесла очень глубоко прочувствованное поздравление, в котором сказала о трудностях жизни и ее, и нашего поколения, и пожелала нам счастья от себя и от папы. А через день у нас гуляли родственники, в основном Касаткины. Они все знали друг друга. Вася Касаткин читал Есенина, а все остальные пели народные песни, именно народные, а не массовые, хотя за войну песен прекрасных накопилось немало… Из Нового села прислали с поездом двух маленьких поросят. Вот было угощение!..»

Свой счастливый билет в кино Касаткина вытянула в 1954 году, когда попала на главную роль — Леночки Воронцовой — в картину режиссеров Александра Ивановского и Надежды Кошеверовой «Укротительница тигров». Об этих съемках сама актриса вспоминает следующее:

«Когда со мной подписывали договор, там ни слова не было о тиграх. Я играла укротительницу „в жизни“, а Рита Назарова, ассистентка Бориса Афанасьевича Эдера, снималась с тиграми… Мы отработали 8 месяцев, как режиссер вдруг заявил, что фильм не выйдет на экраны, если не будет снято мое лицо рядом с тигриной мордой. Чтобы спасти фильм, мне надо войти в клетку. И не нужно бояться — все меры предосторожности будут предприняты.

В тот день меня привезли на студию очень рано. У входа ждали Кадочников и Сергей Филиппов: „Эдер вчера не говорил, боялся, что вы спать не будете, но сегодня вы входите в клетку. Мы пришли за вас переживать“. Боже мой! Подходит Борис Афанасьевич: „Быстро в костюмерную!“ Я и помчалась. И вот все готово, в руках у меня заостренная палка и шамберьер. Эдер напоминает, что делать, и пихает меня в вольер, закрывает дверь. „Наступайте, бейте!“ — командует он. Я изо всех сил ударяю тигра. „Бейте еще!“ Тигр рычит, поднимается на задние лапы. „Ближе! Ближе!“ Приближаюсь настолько, что тигр ударом лапы

ломает палку, а другой лапой вырывает шамберьер. „Падайте!“ — кричит Эдер. Падаю, тигр перепрыгивает через меня. Вскакиваю, подбегаю к решетке, где мне должны передать другие палку и кнут. Тигр носится по вольеру и дважды так шарахает меня хвостом по сапогам, что я еле устояла. За прутьями стоит человек. „Ну где же шамберьер?!“ — кричу ему. Он: „Та шо ты волнуешься? Пошли-и же…“ Как выходила из клетки, не помню.

В другой раз было еще страшнее. Так как к четырем тиграм дрессировщик допустить меня не мог (он нес за нас, артистов, уголовную ответственность), поэтому сделали стекло в вольере: внизу оно доходило мне до колен и поднималось на вытянутую руку. Когда тигрица Рада стала кусать трех тигров, они начали так прыгать, что вся массовка заорала, решив, что они ко мне перемахнули. И в этот миг странная мысль и совсем неуместная посетила меня. „Надо же, — подумала я, — одна баба трех мужиков гоняет“. И как только я об этом подумала, разъяренная Рада разбила стекло и влетела в мой вольер. Эдер заорал: „Вода!“ Но никакой воды не было. И тогда Эдер сорвал замок и буквально вырвал меня из вольера…

Когда мы наконец сдавали картину на „Ленфильме“, то Эдер сказал при всех — битком было в зале: „Я, Эдер, делаю предложение Людмиле Касаткиной стать укротительницей тигров. У нее есть настоящий кураж. Я ей доверю 11 штук“. Я отказалась. „Ну что делать, я больше люблю людей“. Он еще тогда рассердился: „Неужели вы не почувствовали в клетке власть, сильнее которой нет ничего на свете?“ Власть? Нет — азарт».

Фильм «Укротительница тигров» вышел на экраны страны в 1955 году и занял в прокате 2-е место, собрав на своих сеансах 36,72 млн. зрителей. На следующее утро после премьеры Людмила Касаткина проснулась знаменитой.

На волне этого успеха режиссер Надежда Кошеверова (она снимала и «Укротительницу») в 1955 году приступила к съемкам новой комедии — «Медовый месяц». На главные роли в нем она вновь пригласила Людмилу Касаткину и Павла Кадочникова. Если бы не другие имена и профессии у героев этой картины, можно было подумать, что фильм является продолжением «Укротительницы тигров». Однако в этой картине все было иначе, чем в предыдущей: в ней не было легкости и общего зрительского ощущения, что ты находишься на празднике. Поэтому успехом у публики картина пользовалась умеренным, заняв в прокате 17-е место (26,5 млн. зрителей).

До конца того десятилетия Касаткина снялась еще в двух фильмах, причем в обоих играла главные роли. Это были

фильмы: «По ту сторону» (1958; Варенька) и «Хлеб и розы» (1960; Лиза Никитина). Обе картины снял режиссер Федор Филиппов. Однако с начала 60-х Касаткина практически прекратит сниматься у других режиссеров и станет главной актрисой своего мужа — режиссера Сергея Колосова, который именно в то время придет в большую режиссуру.

Свой первый фильм Колосов снял в 1958 году: это была военная драма «Солдатское сердце» (1959), где места для Касаткиной не нашлось, поскольку она в ту пору была… беременна. В итоге у них с Колосовым родился сын, которого счастливые родители назвали Алексеем в честь двух прадедов — Алексея Спиридоновича Касаткина и Алексея Владимировича Колосова.

В 1960 году Колосов взялся ставить на телевидении «Укрощение строптивой» В. Шекспира, и вот там на роль Катарины пригласил свою супругу, которая играла эту героиню на сцене ЦАТСа. О том, как актриса справилась с телевизионной ролью, можно судить по такому факту: на 2-м Международном фестивале телевизионных фильмов в Монте-Карло в 1961 году ей присудили первый приз — «Золотую нимфу» — за роль Катарины. С этого момента и началось плодотворное сотрудничество Касаткиной и Колосова.

Касаясь темы «семейственности» в кинематографе, сама Касаткина однажды так высказалась на этот счет:

«Обыватели думают, что все по блату, если муж режиссер. Но ведь из 11 фильмов (1960–1995) я ни одного ему не завалила. Рязанов однажды сказал: „Конечно, если бы у меня была такая жена, как у Колосова, я бы тоже сделал потрясающие картины“. Это его упрекали в том, что жена помогает уровень держать. А я считаю так, что если сложился творческий союз людей, учившихся у одного педагога и верящих в одну идею (то есть психологическую разработку, изучение материала эпохи, времени, людей), и такой союз выигрывает, — это гордость. Я что, его опозорила? Когда я слышу такие разговоры („Касаткиной повезло, муж снимает“), во мне рождается еще больший азарт. Желание победы. Не злость…»

Но вернемся в начало 60-х.

В 1963 году Колосов собирался снова экранизировать В. Шекспира, но из этой затеи ничего не вышло: в те дни руководство страны обратилось к деятелям культуры создавать побольше произведений о современности, и Колосова буквально обязали отказаться от Шекспира в пользу более современного автора. А он тогда делал для радио постановку по книге О. Горчакова «Вызываем огонь на себя», где речь шла о подвигах

партизан из Сещенского подполья. Причем одну из ролей в этом спектакле играла Касаткина — Лидку Тончилину. В итоге Колосову пришла в голову спасительная идея: перенести эту книгу и на экран. Так на свет родился первый советский телесериал из 4-х серий «Вызываем огонь на себя». И Касаткиной в нем досталась уже главная роль — героини Сещенского подполья Ани Морозовой, которая руководила группой партизан, которые организовывали взрывы немецких самолетов прямо на их авиабазе.

Когда муж предложил ей эту роль, актриса некоторое время колебалась. Вызвано было это тем, что впервые в ее кинематографической карьере ей предстояло воплотить в жизнь не вымышленный персонаж, а реально существовавшего человека. «Справлюсь ли я с такой задачей?» — задавала себе вопрос Касаткина. И в итоге решила рискнуть.

Мало кому известно, но на съемках этого фильма Касаткина едва не погибла. «В картине был эпизод, когда наши самолеты бомбят фашистский аэродром. На экране — хроника, а на земле пиротехники подкладывали взрывчатку. Но кто из них знал, куда пойдет волна? А волна пошла под мое корыто, которое было из очень толстой жести. Корыто разорвалось в куски, которые полетели прямо мне на голову. Меня рванул за руку осветитель. Секунда решала мою судьбу», — вспоминает Касаткина.

А вот как актриса вспоминает о том, как она непосредственно работала над ролью Ани Морозовой:

«Многое я почерпнула в беседах с врачом Анной Пшестеленец, той самой, которая в юности была еврейской девушкой „Женькой“ и пряталась в комнате Ани под кроватью, а через шесть месяцев была выведена в лес к партизанам. Пшестеленец рассказывала мне, что Аня смертельно боялась за судьбу своей семьи — родителей и трех сестер. Если бы Женю обнаружили, это повлекло бы за собой расстрел всех, включая Аню.

Интересны для меня были мелкие детали быта. Например, стирая белье немецким солдатам, героиня бережно сохраняла обмылки и благодаря этому обстирывала семью из шести человек. Окна в доме целый день были закрыты от посторонних глаз маскировочной шторой, чтобы не выдать присутствие Женьки. Она сумела, не вызвав подозрения немецев, вернуть в Сещу всю семью из деревни. Объясняла это необходимостью зарабатывать на пропитание, что соответствовало действительности, поскольку работа была только в зоне базы. На самом деле переезд был необходим для наблюдения за базой и организации группы антифашистского сопротивления, что и было ею полностью

выполнено.

Аня предупреждала соратников: если при выполнении задания придется ночевать в лесу, не спать у костра. Немцы контролируют все выходы из леса и… обнюхивают выходящих, стараясь уловить запах дыма, и осматривают одежду — нет ли на ней хвойных иголок. Если „результат положительный“, — партизан!

Соль. Ане соль доставалась так же тяжело, как и всем другим жителям Сещи. Это был самый дефицитный товар. Соль люди выменивали на любые ценности, но у Аниной семьи их не было, поэтому она меняла в ближних деревнях одежду (отец ее был портным) и всякие вещи на соль, а также на молоко и мясо.

Вот из таких невыдуманных подробностей плелась ткань ее жизни. Почти каждый день мой муж приносил мне только что полученную информацию, какие-то новые сведения об Ане, подробности, детали…».

А вот что вспоминает о тех съемках С. Колосов:

«Хочу рассказать о контактах с поляками, то есть с актерами, игравшими поляков-подпольщиков. Их было двое (еще двоих играли учившиеся в Москве польские студенты). Старший из них — Марьян Кочиняк из варшавского театра „Атенеум“ сыграл немало и в театре, и в кино, был ловок, подвижен, был внимательным и наблюдательным партнером, играть с ним было легко. Младший — Юзеф Дурьяш — человек не очень удачной театральной судьбы, но интеллектуал, это накладывало определенную краску на образ его героя Яна Маньковского. Его отец погиб в фашистском концлагере, и материал для его роли ему был тоже по-своему близок, но он, как и многие молодые поляки тех лет, не любил советские порядки, наш быт, нашу политическую жизнь. Однако это не мешало нам работать, и мы расстались друзьями…».

Премьера фильма по ЦТ состоялась в период с 18 по 23 февраля 1965 года. Вспоминает С. Колосов:

«В день показа московские зрители отчаянно торопились домой, чтобы успеть к началу. В городском транспорте, честно скажу, была настоящая давка. Людям хотелось успеть послушать и анонсированное выступление перед началом показа легендарного партизанского вожака, дважды Героя Советского Союза генерала А. Ф. Федорова.

Огромный интерес был к фильму! Ведь тогда сколько было еще молодых, но уже отвоевавших свое солдат и партизан. А у них семьи, разве могут они пропустить первый советский многосерийный телефильм, посвященный подвигу простых советских людей в Великой Отечественной войне?!

Начался фильм… Мы — основные создатели — сидели в одном из служебных помещений нового здания на Шаболовке. Смотрим, волнуемся невероятно. В это время кто-то приоткрывает дверь, что-то говорит, но мы машем руками, — не мешайте, мол. Человек переходит на шепот:

— Сергей Николаевич, можно вас на минуточку?

Поворачиваюсь. Выхожу. Это председатель Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Николай Николаевич Месяцев.

— С премьерой вас, Сергей Николаевич, — в глазах смешинка, — вот приехал поздравить… Пожелать успеха. — Стал серьезным. — А как у вас премьерная передача после четвертой серии готовится? Продумали, кто за кем? Сколько говорят? И кто будет?

— Во-первых, Николай Николевич, огромное спасибо за приезд, поздравление. Передачу продумали. Ведущим будет Игорь Кириллов… Все будет хорошо.

— Я с вами, если что, звоните, — опять глаза Месяцева весело смеются, — вместе победим!

— Вы побудете еще? Может, еще раз посмотрите с нами?

— Я пройдусь тут немного, посмотрю, что и как, а потом, возможно, посмотрю… Коллективу — привет, „Ане Морозовой“ — особый. (В роли подпольщицы Анны Морозовой снялась супруга Колосова актриса Людмила Касаткина. — *Ф. Р.*)

Улыбается, исчезает. Я бегу к коллективу, надо передать привет. Все приятно удивлены. Так не бывает. И больше не будет…»

Ажиотаж, который сопутствовал фильму по всей стране, был поистине небывалым. В результате было решено повторить сериал 9 мая, в дни празднования Дня Победы. В те же дни вышел указ Президимума Верховного Совета СССР о награждении Анны Морозовой званием Героя Советского Союза (посмертно). Партизанка погибла при выполнении очередного задания. В составе диверсионной группы «Джек» в 1944 году ее забросили в район ставки Гитлера «Волчье логово» в Восточной Пруссии. Но выполнить задание диверсантам не удалось. Когда группа находилась на одном из хуторов в Польше, она была выдана немцам хозяином хутора, окружена и уничтожена. Из одиннадцати человек в живых остались двое. Один из них — минчанин Наполеон Ридевский — и описал эти события в книге «Парашюты на деревьях». По его сведениям, Анна Морозова, окруженная фашистами, взорвала себя гранатой.

Столь бурная реакция на сериал «Вызываем огонь на себя» не была случайной. Во-первых, это было высокоталантливое

произведение искусства. Во-вторых, это был *первый* советский многосерийный телефильм. Чуть позже сходные ажиотажи будут сопровождать и другие советские телефильмы, такие, как «Майор Вихрь» (1967), «Операция „Трест“», «Угрюм-река» (оба — 1968), «Адъютант его превосходительства» (1970), «Тени исчезают в полдень» (1972), «Семнадцать мгновений весны» (1973), «Вечный зов» (1976–1983) и многие другие. На сегодняшнем российском ТВ о подобном можно лишь мечтать — на нем сериалы пекутся как блины, но почти все они (за редким исключением) мало волнуют зрителя и забываются после первого же показа. С советскими сериалами все было иначе.

Вспоминает Л. Касаткина: «Наступили счастливые дни, которые уже никогда не повторятся. Интерес зрителей к „Вызываем огонь на себя“ нарастал с каждым днем. Десятки телефонных звонков, сотни телеграмм, писем, телефонограмм из городов и сел, живое человеческое волнение… Звонят ко мне в театр (Касаткина всю жизнь играла и играет до сих пор, в Театре Советской Армии. — *Ф. Р.*). Приходят на мои спектакли с огромными букетами, охапками цветов и маленькими букетиками. Оставляют на служебном подъезде письма, открытки для меня. Просят выступить на заводе, в школе, в Доме пионеров, в воинской части… Руководство телевидения извещает нас, что фильм будет повторен в дни празднования 20-летия Победы, снова в хорошее время по первой программе. Предлагают продумать встречу не только с создателями фильма, но и с участниками исторических событий и готовы по окончании четвертой серии предоставить столько времени, сколько потребуется…»

После успеха сериала «Вызываем огонь на себя» Колосов был назначен председателем Всесоюзной комиссии телевидения в Союзе кинематографистов СССР.

Но вернемся к героине нашего рассказа.

В первой половине 60-х Касаткина сыграла несколько интересных ролей на сцене ЦТСА. Среди них были: Нила Снижко в «Барабанщице» (1962), Люба Василькова в «Объяснении в ненависти» (1964), судовая кухарка Мань в «Диком капитане» (1965).

В том же 1965 году последовал новый неожиданный поворот в судьбе героини нашего рассказа. Сергей Колосов предложил ей роль Ольги Семеновны в телевизионной экранизации «Душечки» А. П. Чехова. Традиционный образ этой героини никак не вязался с образом актрисы Касаткиной, с ранее сыгранными ею ролями. Однако и на этот раз наша героиня не побоялась бросить вызов устоявшимся стереотипам и вписала эту роль в список своих

побед.

В 1966 году последовала еще одна неожиданность. Актриса согласилась сыграть роль террористки Марии Захарченко-Шульц в новом 4-серийном телесериале своего мужа «Операция „Трест“» по роману Л. Никулина. Это была первая отрицательная роль в актерской карьере нашей героини. Но она согласилась на нее сразу — настолько была увлечена судьбой этой неординарной женщины, не пожалевшей своей жизни за идею.

На съемках этой картины с Касаткиной едва не случилась трагедия. Послушаем ее собственный рассказ:

«На „Операции“ моя лошадь перепрыгнула через барьер и неожиданно сделала „свечку“, потому что шел грузовик. Я не удержалась, упала спиной об землю. У меня — трещина в позвонке. „Скорая“. Больница. Два месяца лежу на доске. А спустя какое-то время приходит ассистентка и говорит: „Вы не можете нас выручить: листья опадают, а осень в фильме должна быть“. Я говорю: „Есть же дублерша“. — „Нет, важно ваше лицо, три камеры и галоп“. Она пошла уговаривать врача, но он сказал: „Как вы безжалостны, какая будет боль у нее, когда она сядет на лошадь, а тем более помчит галопом“. Короче, муж приезжает: „Может, не надо?“ — спрашивает он. „Конечно, надо. Осень кончается“. И вот на носилках меня в „рафик“ засовывают, на площадке лежа одевают, помогают забраться на лошадь. Я только успела оператору сказать: „Проверьте все стеклышки, я думаю, что второго дубля не будет“. В общем, когда я сползла с лошади после полуторакилометрового галопа, я выла так на земле, как воют звери от боли».

Сериал «Операция „Трест“» вышел на телевизионные экраны страны в мае 1968 года. Откликов в СМИ было много. Приведу два из них, которые касаются нашей героини. Критик Р. Соболев в журнале «Советское радио и телевидение» (№ 9, 1968) написал следующее:

«Среди многих актерских удач фильма особого внимания заслуживает роль Марии Захарченко в исполнении Людмилы Касаткиной. Казалось, что роль никак не подходит Касаткиной — актрисе лирических и душевно тонких переживаний, обладающей не искоренимым никакой ролью обаянием, умеющей с редкостной естественностью раскрывать внутреннюю жизнь и духовное богатство своих героинь. Касаткина не стала ломать свою индивидуальность, она нашла неожиданное решение. Ее Захарченко и женственна, и по-своему обаятельна, что не мешает видеть в ней опасную террористку, доверенное лицо самого генерала Кутепова».

А вот что написала другой критик — Т. Чеботаревская:

«Захарченко в исполнении Касаткиной — сильная натура, и она любит Россию. Касаткина серьезно и глубоко вживается в роль, находит мотивы поступков, чувств, отношений героини, складывает одну к другой живые черточки. И, соприкоснувшись с новым для себя материалом, возможность творческой реализации которого таилась в ней давно, Касаткина не отступила от своих принципов в искусстве… Касаткина задалась целью не оправдать Захарченко, но обнаружить, показать и объяснить нам отправную точку поступков героини, как верных, так и ошибочных, всех отношений — вообще с людьми, с друзьями, с врагами…»

Тем временем в апреле 1970 года поменялось руководство Гостелерадио СССР: вместо Николая Месяцева в кресло председателя сел Сергей Лапин. И тут же заметно осложнилось положение Колосова — у него начались трения с новым руководителем. Послушаем самого С. Колосова:

«В 1970 году, к моему огорчению, руководитель отечественного телевидения Н. Месяцев был освобожден от работы. Телевидение и радио в стране возглавил член ЦК КПСС С. Г. Лапин (кстати, Месяцев тоже был членом ЦК КПСС. — *Ф. Р.*).

Я попал под его „цензурную тележку“ буквально в первые дни его руководящей деятельности, и мои отношения с ним были испорчены на все последующие шестнадцать лет, причем взаимную неприязнь подпитывали новые столкновения…»

Первое такое столкновение произошло в том же 1970-м, когда Колосов работал над телефильмом «Свеаборг». Эта лента создавалась в содружестве с финскими кинематографистами, что сразу не понравилось Лапину — он обвинил режиссера в том, что тот снимает фильм в соавторстве с капиталистами. В итоге работа была приостановлена. Однако в дело вмешался политический советник посольства СССР в Финляндии В. Федоров. Он подключил свои связи, и эта история стала известна финскому президенту Кекконену, а через него — самому Леониду Брежневу. И последний дал указание: фильм снимать!

Но вернемся к Людмиле Касаткиной.

К началу 70-х она была уже одной из самых популярных актрис советского кино, ведущей примой своего театра — ЦАТСа. Ей недоставало только одного — звания народной артистки СССР. И она его вскоре получила.

В 1973 году Колосов приступил к съемкам полнометражного (а не телевизионного) совместного советско-польского фильма «Помни имя свое». Касаткиной в нем досталась главная роль — Зины Воробьевой. Если коротко, сюжет фильма таков: во время войны Зина теряет своего сына, затем все послевоенные годы ищет его и, наконец, находит. Финальная сцена — встреча

постаревшей матери и повзрослевшего сына — эмоционально самая сильная. Многие зрители во время нее плакали. О том, как актриса снималась в этом фильме, ее же рассказ:

«Я сказала Сереже, что не готова сниматься в сцене, когда у меня отнимают сына, и я не могла это пережить. (Отмечу, что у самих Л. Касаткиной и С. Колосова есть сын Алексей. — *Ф. Р.*) И тогда я нашла сторожа в концлагере, где мы снимали, и он мне открыл какой-то барак, где были свалены горы детских башмачков. И всю ночь… всю ночь я рассматривала детскую обувь: стоптанную, с запекшейся кровью, новенькую. Башмачки из всех стран. Я старалась угадать, кому принадлежали ботиночки — мальчику, девочке, сколько им было лет и сколько он пробыл в концлагере до своей гибели… Наутро, когда я услышала по мегафону: „В барак, на съемку“, я сказала: „Сегодня я могу сниматься, я сыграю, как у меня отнимали сына…“»

А вот что вспоминает о тех съемках С. Колосов: «Особенно трудными были съемки, связанные с проходом узниц по центральной лагерной дорожке по колено в грязи (фильм снимали на территории печально знаменитого концлагеря Освенцим в Польше. — *Ф. Р.*). Моим помощникам стоило немалого труда уговорить женщин — жительниц города Освенцим сниматься в таком эпизоде. Тадеуш Шиманский, бывший узник, основатель и первый директор музея, считал, что именно эта деталь — непролазная грязь лагерных дорожек — в наибольшей степени приблизит снятые кадры к реальности. В свое время убедить в этом польских кинорежиссеров, снимавших в Освенциме, ему не удалось. Да и технически это было сложно, поскольку миллионами ног посетителей земля была утоптана до крепости асфальта. Чтобы достичь нужной кондиции, городская пожарная команда по нашей просьбе размывала съемочную площадку в течение нескольких дней…

Съемки… У нас есть длинная панорама, когда во время возвращения узниц с работы Зинаида, то есть Касаткина, бежит в сторону бараков, чтобы успеть до отбоя взять у Надежды лекарство, которое та достала для больного Гены. Строй охраняется эсэсовцами с овчарками. Вдруг одна из собак вырывается и с лаем бежит за Касаткиной, пытается укусить ее за ногу и в конце концов прижимает к барачной стене и всей пастью впивается ей в ногу. Никогда не забуду отчаянный вскрик Люды!

Полное оцепенение съемочной группы. Никого нет рядом с тобой, так как все пространство было очищено от людей. Один из ассистентов пытается пройти через грязь и застревает в ней. И только тогда группа оживает. Одни бегут за врачом, другие к телефонам, третьи делают круг, чтобы добраться до тебя и

оказать какую-то помощь. Пока я на своей хромой ноге добирался до тебя, вдали раздались и стали приближаться звуки сирен „Скорой помощи“, а потом и полиции. Люда, бледная, лежала на земле и пыталась не кричать… Сделав какие-то уколы, прибывшие медики уложили ее в машину и в сопровождении полиции, пронзительно сигналящей, помчались в больницу. Для меня в машине места не нашлось. Приехал представитель польской администрации фильма…

Спасибо врачам городской больницы, быстро и качественно сделавшим операцию. Сколько часов я провел там! Но Люда выгоняла меня в гостиницу, мотивируя тем, что я не только прихрамывающий, но еще и не выспавшийся не смогу работать. На что, естественно, я отвечал, что без нее мне снимать нечего.

Утром съемочная группа собиралась довольно вяло. Все знали, что плановой съемки не будет. Приехав в Бжезинку, мы с оператором и художником ходили по лагерю в поисках каких-нибудь деталей, которые можно снять без Касаткиной как монтажный материал, который часто бывает необходим. Но все как-то не клеилось. Вдруг слышим полицейскую сирену. Вопит, хоть уши затыкай. Машины полиции и „Скорой помощи“ вкатываются на территорию и останавливаются возле меня. Мы в недоумении. Распахивается дверь „Скорой“, и перед нами является опирающаяся на палку Людмила Касаткина в игровом костюме и с обмотанной бинтами и пленкой ногой.

— День добрый, паньство! Почему не снимаем?

— У нас пани артистка заболела, — в тон Людмиле отвечает оператор Богуслав Лямбах.

— Они выздоровели, — парирует пани Касаткина. — Давайте снимать!

Мы тут же соображаем, что именно может снимать хромой режиссер с хромающей героиней. И… начинаем работать. Наши польские коллеги в конце дня устроили Людмиле овацию, а вечером в гостинице и поляки, и русские выпили по рюмке-другой за ее здоровье. Но утром к работе были готовы все!..»

Кстати, досталось тогда не только Касаткиной. В начале ноября 1973 года, когда съемочная группа вернулась из Польши в Москву, сердечный приступ сразил Колосова. Более того, тогда же в больницу угодил и их сын Алексей. А поскольку лежали они в разных больницах, расположенных в разных концах города, Касаткиной пришлось буквально разрываться: и спектакли играть, и навещать своих родных в двух разных больницах.

Колосов провел на больничной койке четыре месяца. Выписали его в конце февраля 1974 года, а 1 марта съемки фильма были возобновлены. В июле фильм «Помни имя свое» был

показан в конкурсной программе 1-го Национального фестиваля художественных фильмов в Гданьске. В итоге приз «Лучшая женская роль» был присужден Людмиле Касаткиной (среди мужчин-актеров победил Даниэль Ольбрыхский за роль в эпопее «Потоп»).

На советские экраны фильм «Помни имя свое» вышел 11 марта 1975 года. В прокате он занял 8-е место (35,7 млн. зрителей). На кинофестивалях в Гданьске (1974) и Кишиневе (1975) он получил почетные призы.

За три дня до премьеры картины — 8 марта 1975 года — Л. Касаткиной было присвоены звания народной артистки СССР и заслуженного деятеля культуры ПНР. По ее словам:

«Я не просила этих званий (заслуженная и народная). Когда мне дали звание народной СССР, я поняла, что что-то произошло, увидев глаза мамы, наполненные слезами. До этого я звания воспринимала как еще один камень, положенный на твои плечи. Зрителям-то плевать, какой ты артист, народный или антинародный. Выходите на сцену и будьте любезны играть. Хотя раньше за звание что-то прибавляли…»

Кроме названного выше фильма, в 70 — 80-е годы Касаткина снялась еще в целом ряде фильмов самого различного жанра. Напомню лишь некоторые из них: «Соло» (1970; Изюмина), т/ф «Свеаборг» (1972; режиссер С. Колосов; Вера Константиновна Емельянова), т/ф «Большая перемена» (директор вечерней школы Екатерина Семеновна), «Гроссмейстер» (мать Сергея Хлебникова) (оба — 1973), т/ф «Под крышами Монмартра» (1976; мадам Марселина Арно), т/ф «Диалог» (1978; режиссер С. Колосов; главная роль — Широкова), т/ф «Принцесса цирка» (мадам Каролина), «Мать Мария» (режиссер С. Колосов; главная роль — Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) (оба — 1983-й), т/ф «Дороги Анны Фирлинг» (1985; режиссер С. Колосов; главная роль — Анна Фирлинг, она же мамаша Кураж).

Как видим, это были разные фильмы и разные роли: от драматических (в «Свеаборге», «Диалоге» или «Матери Марии»), так и до комедийных (в «Большой перемене», «Под крышами Монмартра» или «Принцессе цирка»). Лично мне из перечисленных выше ролей Людмилы Касаткиной больше всего запомнилась роль директрисы вечерней школы в сериале «Большая перемена». Как мы помним, это она помогает новому учителю истории Нестору Петровичу обрести себя на педагогическом поприще.

Продолжала Касаткина играть и в театре, хотя после ухода в 1973 году режиссера А. Д. Попова (он перешел во МХАТ) новых ролей у Касаткиной стало меньше (всего на счету актрисы к тому

времени было более 40 ролей). «Что такое для актрисы играть, играть, играть, а потом бац — и перерыв. Не стало Попова, одни режиссеры, с которыми я работала, ушли, пришли другие. И дело не в возрасте: я очень плавно переходила от девочек к женщинам. И никогда не молодилась. Тут я согласна с теми мудрецами, которые говорят, что лучше уйти раньше, чем позже. И когда ждешь от премьеры до премьеры пять лет… Это же было, было. Двенадцать лет я играла „Орфей спускается в ад“. На аншлагах! Но двенадцать лет», — говорит Л. Касаткина.

Во второй половине 80-х актриса записала на свой счет всего лишь одну кинематографическую роль. В фильме своего мужа Сергея Колосова под названием «Радости земные» (1989) она исполнила главную роль — Наталью Лемехову.

После развала СССР в декабре 1991 года Касаткина, как и большинство ее коллег по искусству, практически ушла из большого кинематографа. В те годы она снялась лишь в одном фильме — у своего супруга в картине «Раскол» (1993; речь в нем шла об историческом расколе между большевиками и меньшевиками в 1903 году) она сыграла роль Александры Калмыковой.

Уйдя из кино, актриса в основном была занята в театральных постановках в родном ЦАТСА, где ее по-новому открыл режиссер Александр Бурдонский (кстати, внук И. Сталина). Актриса сыграла в трех его постановках: «Орфей спускается в ад», «Шарады Бродвея» и «Ваша сестра и пленница» (в последнем спектакле, премьера которого состоялась в мае 1995 года, актриса исполнила роль английской королевы Елизаветы).

Как в те годы складывалась жизнь нашей героини? Несмотря на то что в кино и театре у нее было не так много работы, она компенсировала это массой других обязанностей. Во-первых, она профессор, вела (и ведет до сих пор) большую преподавательскую работу в ГИТИСе. Являлась заместителем председателя правления ВТО. Во-вторых, она — счастливая бабушка. Сын Алексей (он профессиональный гитарист, кандидат искусствоведения, преподает теорию джаза в Гнесинском училище) подарил ей внучку, названную в честь бабушки Людмилой. И в-третьих, она верная и заботливая жена. Свою привязанность в течение вот уже полувека одному человеку Л. Касаткина объясняет так:

«Нет греха перед мужем, но столько цинизма кругом, что мне не поверят. Но я гордая и не могла допустить, чтобы за его спиной смеялись. Я помню, как наш артист Сошальский однажды сказал: „Ты не изменяешь своему Сереже. Тебе некого будет вспомнить перед смертью“. — „Почему? Я буду Сережу вспоминать“. Он махнул рукой и пошел. Моя вспышка, я

закричала на мужа — это грех. Но мое достоинство заключается в том, как он говорит, что я тут же прошу прощения».

На сегодняшний день звездная чета Касаткина — Колосов являет собой самую «долгоиграющую» супружескую пару в отечественном искусстве: вместе они живут уже свыше 60 лет. Как уже говорилось, их сын Алексей не пошел по стопам родителей — выбрал джазовую музыку.

Рассказывает Людмила Касаткина: «Отношения с женой Машей у сына не сложились. Она умная женщина, окончила полиграфический институт. Ее папа — генерал в отставке, мама — бывшая сценаристка. Но Алешу они воспринимали примерно так: ну что это такое — музыкант? Вот военный — совсем другое дело. Когда 6-летнюю Люсеньку приняли в музыкальную школу как девочку с абсолютным слухом, бабушка и дедушка сказали Маше: „У нас уже есть музыкант в семье. Ты что, хочешь еще одного?“ Люся прекрасно рисовала. Мы подарили ей роскошный мольберт, краски. Но все это давно заброшено по той же причине: „Зачем ей это?“»

В конце 90-х Касаткина вернулась в большой кинематограф. В 1999 году она снялась в очередном фильме своего супруга Сергея Колосова: в фильме «Судья в ловушке» исполнила главную роль — мисс Скуизем. После чего уже в новом тысячелетии нарушила свое давнее правило не сниматься в фильмах других режиссеров (в последний раз подобное случилось с ней в 1982 году, когда она снялась у Светланы Дружининой в «Принцессе цирка») и приняла предложение режиссера Карена Шахназарова сыграть роль Евгении Ивановны Холодовой в его фильме «Яды, или Всемирная история отравлений» (2002). А год спустя снялась еще в одном «немужнином» фильме — «Ищу невесту без приданого» Акима Салбиева (роль Веры Петровны).

В мае 2005 года, к 80-летию Л. Касаткиной, президент России В. Путин вручил ей орден «За заслуги перед Отечеством» III степени.

В конце того же года актриса прибавила к своим театральным ролям еще одну — 80-летнюю графиню Мод, в которую влюбляется… 20-летний юноша. Речь идет о спектакле Андрея Житинкина «Школа любви» по роману Коллинза Хиггинса «Гарольд и Мод». Касаткина рассказывает:

«Премьеру я играла больная. На репетиции упала на один металлический прибор и поранила ребра и к тому же простудилась. Между первым и вторым спектаклем лежала не вставая…

У нас действительно много общего с этой героиней. Она ведь хулиганка, которая любит всем кидаться на помощь — то

деревцу, то зверю, то этому несчастному мальчику Гарольду. И это свойство души всегда живет и во мне…

Работа над спектаклем была тяжелая, но мне страшно понравилось работать с Житинкиным. С ним очень легко (у них астрологическая гармония по месячным знакам. Как написано в гороскопе: „Телец и Скорпион хорошо понимают друг друга, поскольку между ними мало противоречий. Они тянутся друг к другу“. — *Ф. Р.*). Я бежала на репетицию каждый раз с удовольствием, а репетировали мы два месяца в авральном режиме, ежедневно, без выходных, иногда даже дважды в день, утром и вечером…»

Откликаясь на премьеру этого спектакля, журналистка «Комсомольской правды» А. Орлова написала следующее:

«Касаткина потрясающе — вне комплиментов! — выглядит. Стройная, подтянутая, аккуратная, спортивная: озорной пацан. Бегает в брючках, отбивает модный танец степ, курит кальян, учит своего юного друга правильно свистеть, стреляет из рогатки и шустро карабкается по декорации, изображающей дерево.

Знаете секрет?

Чувство юмора.

Это какой же веселой душевной легкостью нужно обладать, чтобы в свой юбилейный год появиться на премьерной сцене с первой репликой: „80 лет — прекрасный возраст, чтобы умереть. Ну, потому, что 70 — это слишком рано, а 85 — уже поздно…“!..

Спектакль получился абсолютно бенефисным, от актрисы невозможно оторвать глаз, хотя и Лариса Голубкина (она играла мать Гарольда. — *Ф. Р.*) чудо как хороша в роли главного оппонента нашей героини, женщины в высшей степени „правильной“, знающей, как жить по закону, желающей причесать под эту гребенку весь мир и, как следствие, куда менее счастливой…»

В 2006 году героиня нашего рассказа снялась сразу в двух фильмах. Речь идет о картинах «Все смешалось в доме» и «Потерянные в раю».

В мае 2010 года Л. Касаткина отметила юбилей — 85-лет со дня рождения. Торжество проходило в Центральном академическом театре Российской Армии, где юбиляр служит вот уже шесть десятков лет. Кстати, об этом торжестве не написало ни одно российское печатное издание за исключением газеты «Правда». Почему? Может, потому, что актриса не слишком уж жалует сегодняшнюю капиталистическую действительность. О чем она, кстати, не преминула сообщить гостям, пришедшим ее поздравить в тот день. А сказала она следующее: «Никогда не думала, что смогу жить при капитализме. Мне как-то больше

нравилось при социализме. Надеюсь, что мы победим этот капитализм».

В последнее время знаменитую актрису все чаще стало беспокоить здоровье. 26 октября 2010 года Касаткиной была сделана операция в Центре сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева — ей поставили кардиостимулятор. А в конце мая 2011 года у актрисы резко обострилась хроническая пневмония. И Касаткина вновь угодила в больницу. Как заявила ее невестка, Светлана Колосова: «Людмила Ивановна много курит, вот и легла в больницу проветрить легкие. Она находится в том возрасте, что болезни уже не новость. Но всем бы так выглядеть в 86 лет!»

Тандем Касаткина — Колосов распался в начале 2012 года: 12 февраля из жизни ушел Сергей Колосов. Случилось это в больнице, куда знаменитый режиссер угодил в начале рокового для себя месяца. И все эти дни рядом с ним находилась его супруга, которая до последнего надеялась на чудо. Но оно, увы, не произошло…

Любимая женщина космонавта и разведчика

Наталья Фатеева родилась в Харькове 23 декабря 1934 года. О своем детстве она вспоминает следующее:

«По материнской линии род у нас был домовитый, зажиточный, крестьянский. А вот по линии отца у всех была склонность к творчеству, лицедейству. Папа мог подобрать любую мелодию на фортепьяно, вообще был натурой артистической, сестры его пели в церковном хоре. Меня тоже Бог слухом и голосом не обидел. В детстве и юности не вылезала из оперного театра, все арии знала наизусть. Помню, за две пары сапог выменял для меня отец пианино, стала я заниматься музыкой, вокалом. Но с педагогами ни в музыкальной школе, ни позже в Харьковском театральном институте не повезло…»

В театральный институт Фатеева поступила в 1952 году с первого же захода: у нее одной из всех абитуриентов по всем экзаменам были отличные оценки. Кроме этого, она была очень спортивной девушкой еще со школьных времен: ее первые места на школьных соревнованиях по прыжкам в воду, бегу и даже толканию ядра говорят сами за себя. Вообще Фатеева всегда была очень целеустремленной. Под одной из своих фотографий в альбоме она, например, сделала примечательную подпись: «Великое будущее»… И, как оказалось, не ошиблась.

В начале 50-х творческая судьба студентки Фатеевой складывалась неплохо. За отличную учебу она стала получать именную стипендию, ее (как одну из самых красивых и талантливых студенток) пригласили работать диктором на местное телевидение. Тогда же она в первый раз вышла замуж — за своего сокурсника Леонида Тарабаринова, от брака с которым у нее родилась дочь. Однако семейная идиллия продлилась недолго — всего два года. После чего в семье разразился скандал, который вынудил Фатееву покинуть Харьков: оставив дочь на попечение своих родителей и мужа, она отправилась покорять Москву. Покорение удалось — она с первого же захода поступила во ВГИК (мастерская Сергея Герасимова и Тамары Макаровой).

Свою первую роль в кино Фатеева сыграла еще, будучи студенткой второго курса — в 1955 году режиссер Виктор Ивченко пригласил ее на небольшую роль в картину «Есть такой парень». Скажем прямо, впечатления о тех съемках у актрисы остались не самые радужные. По ее словам:

«Я уехала из Харькова в Ялту в августе, а съемки продлились

до ноября. А снимать нам нужно было на берегу моря. Холод ужасный, все в теплых шапках и пальто. Режиссер понимал, что я замерзаю, приглашал меня в автобус, давал мне выпить что-то из термоса. Я даже не знаю что, но это было спиртное. И когда я поднималась на съемочную площадку, мы с партнером оба оказались такими „хорошими“, что снимать нас было просто невозможно! К тому же я начала бесконечно есть, свежий воздух, море, опять же выпивка этому способствовали. Спиртных напитков становилось больше, когда мы перебирались с одного места на другое — из Ялты в Сочи, а потом в Гагры.

За время съемок мой вес вырос с 56 килограммов до 70. Мы не смогли вовремя закончить фильм, а у меня в договоре был пункт такой: если мы вовремя не закончим съемки, то доплачивать за дополнительные дни я буду из своего кармана! И мне родители присылали деньги, чтобы я их отдавала… С горем пополам картину досняли. Я даже не знаю, как ее монтировали из-за моего постоянно меняющегося веса. Этот фильм я посмотрела всего один раз и просто мечтала о том, чтобы его больше никто и никогда не посмотрел!.. После той роли я поползла как на дрожжах и пару картин толстая была…»

Эта «пара картин» — «Капитан „Старой черепахи“» (1956; Катя) и «Дело „пестрых“» (1958; подруга следователя Коршунова, студентка театрального института Лена). О съемках в последнем фильме у Фатеевой тоже остались не самые светлые воспоминания. Вот ее рассказ:

«Эту картину я не люблю. Для меня съемки в ней прошли как в тумане. Снимали мы сцены в основном ночью — меня усталую привозили с занятий во ВГИКе, гримировали, и я выходила в кадр, хотя больше всего на свете хотелось просто лечь и заснуть. Но атмосфера в группе была замечательная…

„Дело пестрых“ я ненавижу и никогда не пересматриваю. Нет, к самой ленте у меня отношение вполне нормальное, но на себя я там просто смотреть не могу. Я в нем просто на себя не похожа. Слишком располневшая, так как до этого неправильно питалась…»

Это самоедство актрисы вполне логично — оно четко укладывается в характер человека, рожденного в год Собаки. Точно такой же самоед, к примеру, Марина Неелова — еще одна Козерог-Собака, рассказ о которой у нас еще пойдет впереди. А пока вернемся к Фатеевой.

Во второй половине 50-х произошли изменения в личной жизни Фатеевой — она познакомилась и вышла замуж за кинорежиссера Владимира Басова, который был старше ее почти на 11 лет (он родился 28 июля 1923 года). Отметим, что до этого

Басов уже был однажды женат — на молодой актрисе Розе Макагоновой, но та семья просуществовала недолго. К моменту знакомства с Фатеевой те отношения у Басова уже сошли на нет, поэтому его роман с Натальей был вполне закономерен. Он случился в 1957 году, когда Фатеева снималась в его фильме «Случай на шахте восемь» (роль Аллы Краевой). А 9 февраля 1959 года в молодой семье на свет появился мальчик, которого назвали в честь отца Владимиром. Но рождение ребенка не уберегло молодую семью от развода. Актриса вспоминает:

«Около трех лет я работала на договоре в Театре имени Ермоловой. Сыграла Дашу в пьесе Назыма Хикмета, Патрицию Хольман в „Трех товарищах“. Меня приглашали в штат, обещали серьезные роли, но я не могла разорваться на части. В то время уже посыпались приглашения в кино, а ведь надо было еще на своих плечах тянуть дом, содержать семью. Мой тогдашний муж Владимир Басов усиленно пил, маленького ребенка не на кого было оставить. В этой ситуации было не до репетиций…

В театре, кроме этого, сменился главный режиссер, начались интриги, возникли враждующие группировки, пришлось бы к кому-то примыкать, с кем-то бороться. Мне это всегда было чуждо. А тут еще на какие-то курсы марксизма-ленинизма меня пытались воткнуть… В общем, из театра я ушла…

Что касается Владимира Басова… Этого человека я очень любила. Термос ему носила на съемки. Меня восхищала его одержимость. Когда мужчина любит свое дело и выкладывается, его не ревнуешь к этому делу… Но вот он… Он ревновал меня к моей внешности, нервно реагировал на робкие успехи в кино и театре. Вы не поверите, но он любил мрачно приговаривать: „Когда же ты постареешь, когда тебе будет наконец тридцать лет…“ Я очень долго не решалась расстаться с Басовым, он душу мою привязал к себе, но так меня мучил в последнее время, что я на это скрепя сердце пошла… Он же и после развода не успокоился, бегал по киностудии, хлопотал, чтобы меня больше не снимали… И при этом сына своего не видел целых десять лет, хотя мы и жили на одной улице…»

В 1960 году Фатееву пригласили сниматься сразу в двух картинах: к/ф «Убить человека» (главная роль — мисс Сетлиф) и «Битва в пути» (главная роль — инженер-технолог Тина Карамыш). О последнем фильме Н. Фатеева вспоминает:

«Особенно обидно было видеть на экране фильм „Битва в пути“, в котором у меня при благоприятном стечении обстоятельств могла бы состояться интересная роль. В картину меня пригласил режиссер Захар Аграненко. Мы с ним замечательно понимали друг друга. Но, к несчастью, во время

съемок он умер (24 октября 1960 года. — *Ф. Р.*), и закончить картину пригласили Владимира Басова, с которым мы тогда уже разводились. Вдобавок приближался какой-то там очередной съезд партии, а эта экранизация нашумевшего романа Г. Николаевой числилась в „программных“.

Опекать ленту взялась сама Екатерина Фурцева. После каждого ее наезда на студию картину без конца переделывали. В итоге вся вторая часть книги, в художественном плане самая интересная, из фильма ушла. От многих сцен с моим участием во второй половине фильма остался один монолог, да и тот я потом четыре раза переозвучивала, и все четыре раза — с абсолютно разным текстом…»

Несмотря на значительное сокращение роли, Фатеевой, в общем-то, повезло. Могло быть и хуже. Ведь Басов, встав у руля съемочного процесса, уволил всех актеров, которых набрал до него Аграненко. Единственные, кого он оставил из «бывших», были Михаил Названов и Наталья Фатеева. Правда, поговаривали, что последнюю он тоже собирался из группы отчислить, но что-то его остановило.

В 1961 году в послужном списке актерских работ Фатеевой появилась роль в фильме мэтра отечественного кино Ивана Пырьева — телятница Лиза Горловая в картине «Наш общий друг». Однако фильм оказался провальным. Как писал критик Р. Юренев:

«Ни обаяние артиста В. Авдюшко, ни красота и естественность актрисы Фатеевой, ни несколько комедийных штрихов и персонажей спасти фальшивый в своей основе фильм не смогли. Пресса дружно осудила фильм, доходя до утверждения, что зрители, возмущенные, покидают кинотеатры. Такой критики Пырьев не подвергался никогда, даже в молодости…»

Эта неудача не обескуражила Фатееву. «В нашей профессии главное — ждать!» — повторяла она про себя и ждала лучшей роли. И дождалась. В 1962 году режиссер Генрих Оганисян пригласил ее на одну из главных ролей — Зои — в картину «Три плюс два». Режиссер подходил ей астрологически идеально: как по месячным знакам, так и по годовым (Собака и Лошадь из одной команды).

Вспоминает Н. Фатеева: «Прочитав сценарий, тут же поехала в Ригу. Пробы были на побережье. Потом мне позвонил режиссер: „Мы хотим, чтобы вы играли не Зою, а Наташу“. Зою бы сыграла Лиля Алешникова (тоже популярная в те годы актриса, ставшая известной после роли Глаши в картине 56-го года „Они были первыми“). Я сказала, что роль актрисы Наташи мне не нравится,

лучше я вообще не буду сниматься. И меня утвердили на Зою».

Дуэту двух самых красивых актрис советского кино (причем обе — Наташи) — Фатеевой и Кустинской в этом фильме противостояло трио обаятельных мужчин — Геннадий Нилов, Евгений Жариков и Андрей Миронов. Последний играл ветеринара Романа, который был влюблен в героиню Фатеевой. Самое интересное, но эта любовь в итоге перекинулась и в реальную жизнь — между актерами начался роман. Но ничего хорошего из него не получилось.

Вспоминает Н. Фатеева: «С Андреем мы очень подружились. Он был именно хорошим другом, были долгие и теплые отношения, после тяжелого разрыва с Басовым он мою душу очень отогрел. Вот Андрюша, хоть и не имел тогда такого богатства, опыта душевного, — с ним было очень хорошо, он интеллигент настоящий, прекрасный сын своих родителей, я ему за многое благодарна…»

Можно предположить, что в начале этих отношений у Фатеевой могла возникнуть мысль женить на себе Миронова. Но эта идея, судя по всему, не долго задержалась в сознании актрисы. И дело здесь было в следующем. Миронов был младше Фатеевой на семь лет, к тому же звезд с неба в ту пору еще не хватал («Три плюс два» были всего лишь второй его картиной), поэтому продвигать карьеру Фатеевой был не в силах (Козероги по натуре большие карьеристы). Была надежда на его мать, Марию Миронову, но она испугалась впускать ее в свое семейство, где она была безраздельной хозяйкой. Все это в итоге и оттолкнуло Фатееву от Миронова. Тем более что на ее горизонте нарисовалась более выгодная партия.

Вспоминает киношная подруга нашей героини по фильму «Три плюс два» актриса Наталья Кустинская:

«Во время съемок меня поселили с Фатеевой в одном номере, а Андрюша Миронов жил на другом этаже. Я параллельно снималась еще в одной картине. Приходилось мотаться из Крыма в Ленинград. И вот возвращаюсь через два дня и прямо-таки обалдела: Андрей переселился в наш номер! Так что напрасно говорят, мол, он долго ее добивался. Ничего подобного, они очень быстро нашли общий язык. Правда, потом все время ссорились, кто будет рассчитываться за номер: ведь часть денег за проживание в гостинице выделяла киностудия, а добавлять приходилось из своего кармана.

8 марта (1963 года. — *Ф. Р.*) у Андрюши был день рождения, мы тогда еще продолжали сниматься. Утром Фатеева говорит: „Не подарю ему ничего, пока он меня не поздравит с женским днем“. Андрей принес презент только под вечер — деревянную статуэтку

и пригласил нас в ресторан. А Наташа его так и не поздравила, ей не понравился его подарок.

А бросила Фатеева Андрюшу потому, что безумно влюбилась в киноактера из ГДР Армина Мюллерштраля (советскому зрителю он знаком по главной роли Криса в вестерне „Смертельная ошибка“. — *Ф. Р.*). Он приезжал к ней в Москву, и она жила у него в номере. Я хорошо знаю немецкий язык. Вот Наташа и названивала мне, спрашивала, как сказать по-немецки то одно слово, то другое.

Фатеева говорила мне: „Я очень хочу выйти замуж за Армина. Он популярный в ГДР артист, может, он и мне поможет стать известной на Западе“. Но ее планы разрушила Тамара Семина, когда в Берлине проходила Неделя советских фильмов. Фатеева очень хотела туда поехать, но отправили представлять наше кино меня, Семину и режиссера Романа Тихомирова, снявшего фильм „Крепостная актриса“. Через Тамару Фатеева передала Армину гостинцы: икру и еще какие-то деликатесы. Семина понравилась Мюллерштралю, и у них случился роман, правда, на одну ночь. Приехав в Москву, я рассказала Наталье о некрасивом поступке ее жениха. После этого случая они расстались…»

Заметим, что Кустинская вполне могла стать «могилой» и похоронить эту историю в себе. Она предпочла сказать подруге горькую правду. То ли из принципа, то ли из завести. Судя по всему, их дружба уже тогда была из разряда зыбких.

Фильм «Три плюс два» вышел на экраны страны в 1963 году и занял в прокате 4-е место, собрав на своих сеансах 35 млн. зрителей. По сути, именно с этого фильма и взяла свой старт всесоюзная слава Натальи Фатеевой.

В 1964–1966 годах она снялась в нескольких фильмах: «Палата» (Тамара), «Эстрадная фантазия» (Лена) (оба — 1964), «Я — „Береза“» (1965; главная роль — советская разведчица «Береза»), «Здравствуй, это я!» (Люся), «Дети Дон Кихота» (директор кинотеатра «Аэлита» Марина Николаевна) (оба — 1966).

Из всех перечисленных картин широкий успех у зрителей имели «Я — „Береза“ и „Дети Дон Кихота“. Однако сама актриса своей любимой ролью называет Люсю в фильме Фрунзе Довлатяна „Здравствуй, это я!“.

В 1965 году Фатеева впервые съездила в США (первый ее заграничный вояж состоялся тремя годами раньше). Во время этой поездки наша героиня побывала в Голливуде. Вот что она вспоминает об этом:

„Мы попали на площадку, где снимался фильм „Кто боится Вирджинии Вулф“. Ричард Бартон и Элизабет Тейлор снимали эту

картину и никого не пускали. Но к нам вышли. И мы с ними разговаривали. Я помню, что Тейлор очень маленького роста. Я сама невысокого роста, метр шестьдесят пять, но рядом со мной стояла женщина на высоких каблуках, которая была мне под подбородок…“

В личной жизни наша героиня не испытывала недостатка от внимания мужчин. По ее же словам: „Бывало, на фестивале танцуешь с замминистра, и он шепчет в ухо: „Я тебе все-все сделаю, все куплю, ни в чем нуждаться не будешь…“ А я притворяюсь глухой…“

В те годы у Фатеевой случился роман с оператором Павлом Арсеновым. Но он закончился достаточно быстро (Арсенов потом женился на актрисе Валентине Малявиной, с которой тоже потом расстался).

Что касается Фатеевой, то и ей в личной жизни не везло. Хотя в ЗАГС ей тогда пойти все-таки пришлось. Причем замуж она вышла за человека достаточно известного, но не из киношного мира. Ее избранником стал летчик-космонавт Борис Егоров, который был младше ее почти на четыре года (родился 26 ноября 1937 года). 12–13 октября 1964 года (в те самые дни, когда в Кремле смещали с поста Н. Хрущева) он совершил полет в космос на корабле „Восход“ и получил за это звание Героя Советского Союза (как и два его напарника: Владимир Комаров и Константин Феоктистов). Незадолго перед полетом Егоров женился на враче Элеоноре Мордвинкиной, и в апреле 1962 года у них родился сын, которого в честь отца назвали Борисом. Однако семейную жизнь космонавта нельзя было назвать по-настоящему счастливой. К концу 60-х их семья была уже на грани краха. В этот момент Егорову и повстречалась Фатеева, причем опять это был брак из разряда… векторных. Только теперь „слугой“ в нем предстояло уже выступать Егорову. Но он-то про это не знал!

Знакомство космонавта и актрисы произошло совершенно случайно — благодаря подруге нашей героини, которая встречалась с приятелем Егорова. Однажды она решила провести у себя дома вечер и попросила своего знакомого привести с собой какого-нибудь друга. Взамен обещала пригласить на вечер подругу со своей стороны. Этой парой и оказались Фатеева и Егоров. Так состоялось их знакомство, которое вскоре завершилось свадьбой.

Как видим, противоречий между знаками здесь хватало выше крыши, поэтому паре не стоило бы связывать жизнь друг с другом, но они связали. Что двигало влюбленными, сказать трудно. Вполне вероятно, Егоров был очарован красотой Фатеевой, а та… его статусным положением в обществе.

Напомним, что Козерог в большей степени, чем любой другой зодиакальный знак, склонен жениться или выходить замуж по меркантильным соображениям.

Свадьбу отмечали с большой помпой в престижном ресторане „Арагви“, что на улице Горького. В 1969 году у них родилась дочка, которую назвали Наташей. Но до развода звездной четы было уже рукой подать.

В те годы Фатеева была настолько увлечена личной жизнью, что на съемки в кино времени у нее почти не оставалось. Поэтому во второй половине 60-х она записала на свой счет всего два фильма: „Исход“ (1968; Варя Федорова) и „День ангела“ (1969; певица Симона Валери). В последнем события происходили на борту пассажирского теплохода, где начался пожар и судно едва не затонуло. К счастью, это было только кино. Однако в реальной жизни „течь“ начал давать новый брак Фатеевой. По ее же словам:

„Когда мы с Егоровым познакомились, он мне показался надежным, спокойным. Пока „завоевывал“ меня, вел себя очень достойно, я бы даже сказала, красиво. Но стали мы с ним жить — и тут… Разные мы люди оказались, разные стремления у нас были, даже книги по-разному мы с ним читали. Его любимая тема для разговоров была — машины и их лошадиные силы, часами мог об этом говорить… Когда мы разводились, от его благородства не осталось и следа. Он утащил у меня машину, отсудил квартиру — я потом жила в коммуналке. Все это я бы могла ему простить. Но то, что он свою дочь, которой сейчас 24 года, в последний раз видел в двухлетнем возрасте, этого я понять не могу. В голове не укладывается: что же за мужья у меня были, что же за отцы из них получились…“

Странное отношение Егорова к своей дочери объяснялось просто: он не считал ее своей. Говорят, он даже собирался сдать кровь на анализ, чтобы доказать свою правоту, однако так этого и не сделал. Когда девочка попала в больницу, он ни разу не навестил ее, а на все уговоры близких твердил: „Это не моя дочь!“

Противоречия векторного союза быстро разрушили брак Фатеевой и Егорова. Супруги откровенно тяготились друг другом и при любой возможности смотрели „на сторону“. Например, в 1969 году Егоров увлекся подругой Фатеевой Натальей Кустинской. Причем увлекся всерьез, невзирая на то что актриса в ту пору тоже была замужем (ее супруга звали Олег, он работал во Внешторге). Егоров познакомился с ней случайно — она зашла к Фатеевой за книгой, а он вернулся домой раньше обычного. Они сразу понравились друг другу. Затем семьями встречали новый, 1969 год, а через несколько месяцев Егоров пришел к Наталье домой один, когда муж отсутствовал. Он вычистил до блеска все

кастрюли, вымыл холодильник. Затем домой вернулся муж Кустинской, и они втроем сели обедать. Буквально через пару дней после этого Олег уехал на рыбалку на Север, и Егоров вновь навестил Наталью. И в тот же день сделал ей предложение.

По словам Кустинской, оно явилось для нее полной неожиданностью. Ведь у Егорова и Фатеевой недавно родился ребенок, и внешне они являли собой крепкую пару. В то же время Егоров ей очень нравился, а жизнь с нынешним мужем была уже в тягость. В итоге в мае 1969 года Кустинская забеременела от Егорова и 18 января 1970 года родила мальчика, которого назвали Димой. Однако, несмотря на это, Егоров не сразу ушел от Фатеевой.

Судя по всему, Фатеева прекрасно догадывалась об этом романе, поэтому в свою очередь тоже не теряла времени даром. Вскоре после рождения ребенка у Кустинской — в марте 1970 года — она уехала в Румынию на съемки фильма „Песни моря“, где она играла главную роль — Нину Денисову, которая приехала в Румынию, чтобы отобрать тамошних артистов для международного музыкального фестиваля в Сочи. В итоге она знакомится с красавцем Михаем — руководителем музыкального студенческого коллектива. Эту роль исполнял популярный румынский певец Дан Спатару. По словам самой Фатеевой: „Спатару — блистательный актер, совершенно уникальный человек, там как раз все самое интересное осталось за кадром…“

Приличное расстояние, отделяющее Бухарест от Москвы, видимо, не помешало недоброжелателям актрисы сообщить о ее „романе“ с певцом законному супругу (согласно легенде, весть об этом принес поэт Роберт Рождественский, который писал тексты к песням из этого фильма и был приятелем Егорова). Эта весть стала удобным поводом для космонавта расторгнуть отношения с Фатеевой и жениться на Кустинской. Увы, но и этот брак не принесет космонавту подлинного счастья, поскольку тоже окажется векторным — это был „клон“ его первого брака, где жена, как мы помним, также была Тигром. А в векторном браке не спасает даже гармония месячных знаков. В итоге он тоже распадется, но это совсем другая история. А мы вернемся к Наталье Фатеевой.

Фильм „Песни моря“, несмотря на всю свою непритязательность, принес Фатеевой новую волну популярности, сравнимую с тем, что она испытала в начале 60-х, когда на экраны вышли „Три плюс два“. В прокате 1971 года фильм занял 8-е место (36,7 млн. зрителей), а песня „От зари до зари“ в исполнении Дана Спатару стала всесоюзным шлягером.

После развода с Егоровым у Фатеевой возникло подозрение,

что бывший муж захочет претендовать на их квартиру. Чтобы этого не произошло, практичная актриса вызвала из Харькова свою дочь от первого брака и прописала ее у себя. Но вскоре выяснилось, что в планы космонавта дележка имущества не входила, после чего дочь была отправлена обратно в Украину, к отцу.

В 70-е у Фатеевой было несколько скоротечных романов. Причем не только с коллегами-артистами. Например, одно время она встречалась с разведчиком Михаилом Любимовым (отцом известного ныне телеведущего Александра Любимова). Послушаем ее собственный рассказ:

„В Англии я познакомилась с советником по культуре нашего посольства Михаилом Любимовым. Между нами начался роман, который продолжался год или два. Потом, когда его объявили персоной нон грата (в 1971 году. — *Ф. Р.*), мы общались в Москве. Тогда я не знала, что Любимов — резидент советской разведки, и не могла понять, чем же он меня раздражает. Вроде бы интересный собеседник, близкий мне человек, но какой-то закрытый, застегнутый. Я никак не могла к нему пробиться, чувствуя некое эмоциональное отторжение. Он был словно вещью в себе. Выдерживать это было невозможно, общение с ним превращалось в пытку. Он молчал, как Зоя Космодемьянская. И при том, что он был мне мил и симпатичен, я покинула его. И вдруг через много лет открываю какую-то газету (это было уже время свободной прессы) и вдруг, о боже! — Михаил Любимов — резидент! Приехали…“

В 70-е годы творческая биография Фатеевой пополнилась новыми ролями. Среди них были: учительница литературы в телефильме „Тигры на льду“ (1971), дочь профессора-археолога Людмила Мальцева в „Джентльменах удачи“, Любовь Смурова (главная роль) в телефильме „Табачный капитан“ (оба — 1972), председатель колхоза Павлина Козанец (главная роль) в „Летних снах“ (1973), мама Паши Антонина Алексеевна в „Москва — Кассиопея“ (1974) и „Отроки во Вселенной“ (1975), Алла Гребешкова (главная роль) в телефильме „Обретешь в бою“ (1976), Татьяна Алехина (главная роль) в „Обычном месяце“, завуч Калерия Георгиевна в „Розыгрыше“, мачеха Валентина в телефильме „Судьба барабанщика“ (все — 1977), администратор гостиницы Ксения Ковалева в „Сумке инкассатора“ (1978), Мария Матвеевна Строгова (главная роль) в телефильме „Соль земли“, Ирина Соболевская в телефильме „Место встречи изменить нельзя“ (оба — 1979).

В Театре-студии киноактера, куда в те годы пришла работать Фатеева, у нее случилась лишь одна по-настоящему удачная роль:

госпожа де Реналь в спектакле „Красное и черное“ Стендаля.

Почему же у актрисы такого уровня, как Фатеева, было так мало актерских удач? Критик А. Блинова отвечает на этот вопрос следующим образом:

„Наталья Фатеева, на которую буквально сыпались предложения режиссеров, не получила ролей, необходимых для ее индивидуальности. Нет, не потому, что красива. Заметьте: разве Руфина Нифонтова не играла свои роли? А Элина Быстрицкая? Обе — красивые. Причем они даже не киноактрисы, а театральные. Значит, не красота помешала Фатеевой. А губительная черта скромного женского характера, которая называется нерешительностью и отсутствием напора, того поистине адского напора, благодаря которому Быстрицкая получила роль Аксиньи в „Тихом Доне“, эпохальную роль.

Фатеевой не помешала, а помогла бы ее внешность, но актриса отодвигала ее на второй (на третий!) план, стремясь к характерным ролям, тогда как роли, необходимые для нее, — это яркие образы из мировой и отечественной классики…“

Сама Фатеева о своей творческой судьбе высказывается следующим образом:

„Пика популярности“ у меня никогда не было. Я не относилась к „модным“, „престижным“ артистам, никто меня в звезды не выводил, в лауреаты не толкал. В моде был серый цвет. К моей красоте с каким-то презрением относились. И мне приходилось постоянно доказывать, что я не только красива, но что я еще и что-то собой представляю… Я всегда много работала. Не было больших ролей — бралась за маленькие, возникала пауза между съемками — ехала с концертами, выступлениями на Урал, в Сибирь, Казахстан…»

Стоит отметить, что немалую роль в «изоляции» Фатеевой играла ее оппозиционность. Многие ее коллеги по артистическому цеху делали себе карьеру, вступая в партию, стремясь попасть в президиумы различных собраний, выступая с пламенными речами. Нашей героине это все было чуждо. Она, конечно, соблюдала все внешние приличия, в открытую никогда не ругала существующую власть, однако в душе ее, мягко говоря, не любила. Людям-Собакам свойственны поиски справедливости, а поскольку мир несовершенен и этой справедливости в природе не существует, люди этого знака часто остаются разочарованными. И свое разочарование перекладывают на окружающую их действительность. Вот и Фатеева превратилась в тайную диссидентку. По ее же словам:

«Я начала ездить за рубеж начиная с 1962 года, много где побывала, много чего повидала. „Оттуда“ мне и стала видна

лживость нашей системы…» (Видимо, актриса увидела лживость лишь одной системы по одной причине: вторую она видела издалека, наездами. — *Ф. Р.*).

Самое интересное, но власти прекрасно знали об этом антисоветизме актрисы, но относились к нему снисходительно. Более того, в 1980 году Фатеевой было присвоено звание народной артистки РСФСР (в 46 лет!). Актриса не стала «лезть в бутылку» и звание «народной» от ненавистной ей власти приняла. Как говорится, пригодится.

Можно себе представить следующую картину: днем Фатеева в торжественной обстановке получает диплом народной артистки, а вечером включает приемник и, настроившись на волну «Голоса Америки», с трепетом слушает сочащиеся ядом комментарии «забугорных» советологов. Причем слушает не одна, а со своим… сыном-подростком. Вот как сам Владимир Басов-младший вспоминает об этом:

«Я фантастическим антисоветчиком был всегда. Меня в школу вызывали к директору, я хамил, лез на рожон. Чуть ли не плевал в Мавзолей. И научила меня всему этому мама. Она же мне подсовывала Солженицына и рассказывала, какая это страшная страна. Мы с ней слушали Би-би-си и „Голос Америки“. Она меня так настраивала…»

Между тем факт остается фактом: именно советская власть позволила скромной харьковской девчонке получить бесплатное образование, да не где-нибудь, а в самой Москве, во ВГИКе. Именно советская власть раскрутила ее славу до небывалых высот, хотя могла бы с таким же успехом и не раскручивать, а просто отказаться от ее услуг — благо талантливых и красивых девушек в СССР всегда было в избытке. Но Фатеева, видимо, не считает за честь быть чем-то обязанной советской власти: мол, это я ее осчастливила своим существованием, а не она меня.

Но вернемся к творчеству Фатеевой.

В 80-е годы она добавила в свой послужной список съемки в еще десятке картин. Среди них были: «Расследование» (1980; организатор преступления Галина Петровна Резникова), «Личная жизнь директора» (Люся), «Под одним небом» (Ирина Ивановна), телефильм «С вечера до полудня» (жена Кима Алла), телефильм «Синдикат-2» (Любовь Ефимовна Дереналь) (все — 1981), «По законам военного времени» (1982; мать Лели), «Из жизни начальника уголовного розыска» (учительница Татьяна Георгиевна), «Люди и дельфины» (главная роль — Евгения Старостина), «Хроника одного лета» (председатель совета РАПО) (все — 1983), «Прежде, чем расстаться» (1985; главная роль — Лариса Андреевна), «Анна Павлова» (1986; Матильда

Кшесинская), «Человек с бульвара Капуцинов» (1988; жена индейского вождя), «Закон» (1989; старая большевичка, жена Пиотровского) и др.

Что касается личной жизни, то она у актрисы так и не сложилась: еще дважды Фатеева выходила замуж и оба раза неудачно. Почему? Сама она так отвечает на этот вопрос:

«Все мои браки были примерно одинаковой продолжительности. Три года люблю, два года терплю. Пятилетка, все по-советски. В браках я была обычной женой. И носки стирала, и готовила, все как у всех. Быт советский — это пытка. А в моей профессии — так и вдвойне: мне же надо следить, чтобы руки не страшные были, чтобы лицо не старело…

К каждому своему избраннику я относилась со всей привязанностью, на какую была способна. Предавала профессию из-за любви. Но потом чаще всего оказывалось, что своим „суженым“ я нужна была для самоутверждения. В качестве красивого дополнения к их комфортному существованию. А жить в равнодушии, а тем более в ненависти, я не могла и не хотела. Это несчастье, приходить домой и видеть человека, который тебе не друг. Дальше продолжать такую жизнь — глупо, для меня лично. Это невозможно. Я очень терпеливо доходила до сознания, что это невозможно. А потом все летело со страшной силой. И в этом было мое избавление. Я четыре раза разводилась. Этого достаточно. Это были тяжелые разводы, они мне стоили жизни, здоровья, каждый раз приходилось начинать сначала…

Самое интересное, что, когда я еще только расписывалась с тем или иным мужем, я всегда наперед чувствовала, из-за чего и когда мы разведемся. Так оно, увы, и случалось. Я наделена некими мистическими свойствами. Басову, например, предрекла всю его будущую жизнь. Не в смысле „наколдовала“, но в смысле „провидела“. Мой папа, например, часто болел, периодически у него бывали инфаркты, но я каждый раз определенно знала: он выздоровеет, все будет хорошо. В 1980 году позвонила мне мама из Харькова сказать об очередной болезни отца — и у меня в ту же секунду сердце буквально упало: я поняла, что это последний год его жизни. Я гнала от себя эти мысли, молила Бога заступиться за отца, но он мои молитвы не услышал…

Был еще случай. В трудные для меня времена некая актриса много мне вредила. Я это знала — и про слухи, и про клевету, — но мстить ей не хотела. Это не мое. И вот выступаем мы вместе в киноконцерте, она за кулисами проходит мимо — и меня как ударило: я чувствую, что сейчас ей помимо моей воли за все отплатится! Не дойдя до гримерной, она падает в обморок. Я перепугалась страшно…»

Заметим, что Фатеева благополучно пережила двух первых своих мужей: 17 сентября 1987 года ушел из жизни Владимир Басов, 12 сентября 1994 года от сердечного приступа скончался 56-летний Борис Егоров.

Не слишком благополучно складываются отношения Фатеевой с обоими детьми: сыном Владимиром и дочерью Наташей. Владимир рос без отца и с детских лет был предоставлен самому себе. С 5-го класса начал курить тайно, с 8-го — открыто. В 1972 году мать пристроила сына в кино — он снялся в фантастическом фильме «Москва — Кассиопея». Через год — в его продолжении, в картине «Отроки во Вселенной». В 18 лет надумал жениться на дочери дипломата Ольге Никольской, привел ее в родительский дом (заметим, что мама-антисоветчица проживала в 113-метровой квартире). Та не одобрила их брака и попросила молодых жить отдельно. Какое-то время они скитались по снимаемым квартирам, и тогда первым, кто протянул им руку помощи, оказался Владимир Басов — отец Владимира: он согласился оплачивать снимаемую ими квартиру (напомним, что отец и сын оба были Свиньями, а те всегда дружат друг с другом). Молодые супруги выдержали все испытания и, к счастью, не расстались. В 1984 году у них родился сын Иван — внук Фатеевой. В 1992 году Басов-младший снял свою первую полнометражную картину под названием «Бездна. Круг седьмой». Страшная, мистическая история, где в главной роли снялся Андрей Соколов.

Что касается дочери Фатеевой, то и в ее отношениях с матерью тоже было далеко до идиллии. По сути, она повторила путь своего старшего брата, а в чем-то и вовсе опередила его. В последнем случае речь идет о рождении ребенка в 17 (!) лет. Эта «лав стори» случилась весной 1985 года, когда Наташа вместе с мамой приехала отдохнуть в Дом творчества в Болшево. Там девушка познакомилась с 19-летним сыном известного кинооператора, который и стал отцом будущего ребенка. Правда, рожала Наталья без него: той же осенью парня забрали в армию, а ребенок появился на свет 22 декабря — как раз накануне дня рождения Натальи Фатеевой (ей исполнился 51 год).

Но что же младенец? Поскольку молодая мама должна была продолжать учебу в школе, а бабушка вечно моталась по экспедициям, было решено пристроить его… в Дом малютки. После окончания школы Наталья трижды поступала в институт (хотела стать журналистом), но все три раза проваливалась на экзаменах. В конце концов устроилась работать в инофирму. Естественно, ребенка забрала жить к себе, то есть к матери.

Но вернемся к творчеству Натальи Фатеевой.

На рубеже 80 — 90-х годов она, как и многие ее коллеги-артисты, не желающие сниматься в «чернухе», была выброшена из кино. Хотя назвать настоящим кино то, что в те годы в большинстве своем снималось, не поворачивается язык. Мафия, проститутки, наркоманы — вот те герои, которые властвовали тогда на широком экране. Естественно, представить себе Фатееву в таком окружении было невозможно. Особенно тяжелым выдался 1991 год. В одном из своих тогдашних интервью (март 1992 года) актриса так описала свое тогдашнее состояние:

«Мне очень страшно. Как жить, как играть? В Театре киноактера — раздоры, свары и отсутствие зрителей. В кино — неизвестно, когда и что будет… Я не вписываюсь в новые времена, тут все чужое. У меня впервые в жизни начались депрессии. Я очень трудно сейчас живу и стараюсь больше быть одна. Где-то я прочла: жизнь надо пережить, а не перестрадать. Нельзя зацикливаться на страданиях, распускаться… И я держусь…»

В том 92-м Фатеева снялась всего в одном фильме — «Тайна» (роль — Элен Штеммер), а также стала играть в так называемом театре Арт-центр: вместе с Анатолием Кузнецовым, Валентиной Малявиной и Игорем Ясуловичем была занята в спектакле «Сюрпризы семейного уик-энда».

Как и большинство россиян, Фатеева какое-то время не чуралась политики, внимательно следила за всем происходящим в стране. О своих пристрастиях в этом плане она рассказывала журналистам следующее:

«В Горбачеве мне не нравилось то, что он так часто врет, никогда прямо не отвечает на вопросы… Мужчина проверяется экстремальной ситуацией, а Горбачев и на знаменитой форосской пленке играет, мне кажется…

Жириновский — исчадие ада. Как психически неполноценному человеку, ему дано природой магнетическое обаяние, как бы в компенсацию. Я не знакома с ним. Но на встрече Нового политического года я видела, как трясла ему руки Бабкина, Сергей Крылов говорил с ним. Я подошла: „Сережа, о чем можно с ним говорить?“ Он: „А вы слышали, о чем мы говорили?“ Да не обращать на него внимания!

Когда я выступила на том вечере, Жириновский через какое-то время пошел в мою сторону, помощники быстро подскочили к нему, сказали, что я там, он повернулся и пошел прочь.

Я их не боюсь. Что они могут со мной сделать? Они не могут лишить меня моего образа мыслей. То, что я есть, я выстрадала своей жизнью…»

Отвергнув перечисленных выше политиков, Фатеева в то же

время сошлась с другими — с молодыми реформаторами Анатолием Чубайсом, Егором Гайдаром и К°. Их почему-то она не посчитала исчадием ада, хотя для миллионов россиян они именно таковыми и были. Причем по гороскопу и Чубайс (как и Горбачев, Коза), и Гайдар (Обезьяна) Фатееву-Собаку устроить в качестве друзей не могут. Но здесь, судя по всему, в дело вступила элементарная меркантильная целесообразность. Ведь эти люди в те годы были вершителями судеб, входили в ельцинскую команду и «рулили» Россией. Поэтому близость к ним была выгодна Фатеевой, которая в начале 90-х, как мы помним, изрядно настрадалась и от своей человеческой неустроенности, и от творческой невостребованности. Да и ее знак, Козерог, нацелен на то, чтобы вести своего обладателя по пути выгоды. Также напомним характеристику Козерога-Собаки: «Она может изменить свои взгляды и морально-нравственные принципы, если в этом есть необходимость, если она чувствует, что новый хозяин будет лучше старого». И еще из того же гороскопа Собаки: «Иногда она встает на защиту глупых дел. Правда, это случается редко».

Сдвинулась с мертвой точки и творческая карьера актрисы. В итоге в 1994–1999 годах она снялась в семи фильмах, причем в нескольких играла главные роли. Вот эти ленты: «Осенние соблазны» (1994; главная роль — Наташа), «Дорога на край жизни» (1995; главная роль), «Крестоносец», д/ф «Бродвей моей юности», «Страницы театральной пародии» (все — 1996), «День полнолуния» (1998; обходчица), «Умирать легко» (1999).

Во второй половине 90-х Фатеева уже мало походила на ту растерянную женщину, какой она была совсем недавно, в начале десятилетия. Короче, она вновь расцвела. А ведь в том самом «именном» 94-м она справила свое 60-летие. Многие, глядя на нее, удивлялись: как ей удается так прекрасно выглядеть? Сама актриса объясняла это следующим образом:

«Секреты очень простые: я слежу за собой всю жизнь. Не ем мяса, практически не употребляю спиртного (изредка стаканчик красного вина не в счет), не курю… В юности занималась легкой атлетикой, долгие годы бегала, плавала, ходила на лыжах. Сейчас вот посещаю бассейн, делаю по утрам гимнастику по системе йогов. Кроме того, слежу за лицом: регулярно делаю массаж, пользуюсь хорошими кремами — не теми, что продаются в магазинах, а специально подобранными составами. Их делают для меня люди, знающие в этом толк. Еще один секрет: несмотря на все передряги жизни, я всегда исповедовала философию действенного добра, оптимизма. Как ни странно, это тоже благотворно отражается на внешности…

Я очень люблю дисциплинированно жить. То, что я есть, я выстрадала своей жизнью. Я считаю, я прожила достойно. Мне не стыдно за мою прожитую жизнь…»

В среде киношников Фатеева всегда считалась большой любительницей животных. Когда она появляется в Болшевском доме отдыха кинематографистов, персонал уже знает, что в свой номер она обязательно будет приводить несчастных животных, ухаживать за ними. Однажды в ее номере жили сразу шесть бездомных собак! И это тоже закономерно: кому как не Собаке ухаживать за бездомными собаками, которых в новой капиталистической России стало в сотни раз больше, чем за все годы советской власти. Впрочем, разве только собак: а бомжей, беспризорников, нарокоманов, проституток? И что самое интересное, прямая вина за это ложится на тех же Чубайса и Гайдара, родивших на свет «бандитский капитализм» и с которыми Фатеева сошлась в 90-е. Только ни разу из ее уст не сорвалось ни слова упрека по их адресу, как это было, например, двадцать лет назад, когда она слушала «Голос Америки» и кляла «треклятых коммунистов».

В мае 1997 года российские СМИ взбудоражили общественность сообщением о том, что Фатеева едва не погибла в Германии. Что же произошло?

Как оказалось, в том мае Фатеева вместе со своими друзьями отправилась на отдых в Германию. Все шло вполне благополучно, пока кто-то из попутчиков актрисы не решил купить себе новый автомобиль. Покупку произвели в Мюнстере и, чтобы довезти ее до Берлина, решили использовать прицеп. Но, видимо, закрепили автомобиль небрежно, что едва не привело к трагедии. На огромной скорости машина съехала с прицепа и врезалась в джип, в котором находилась Фатеева. Дикая боль в позвоночнике свалила ее. Между тем это несчастье оказалось далеко не последним для российской актрисы на немецкой земле.

В больнице, куда ее привезли, врачи отнеслись к ней с пренебрежением, поставили неправильный диагноз и начали лечить несуществующую болезнь. Тем временем «друзья» актрисы развернули лихорадочную деятельность по сбору доказательств в свою пользу, лишь бы не лишиться своего дорогого автомобиля. В конце концов суд над водителем, который взял Фатееву третьим пассажиром в двухместный джип, вынес решение не в пользу россиянки. Вернувшись в Москву, актриса заявила: «Много времени и сил я потратила просто на то, чтобы стереть из памяти людей, которых раньше считала добрыми приятелями».

Начало нового тысячелетия Фатеева встретила в работе: в 2000–2001 годах она снималась в сериале Светланы Дружининой

«Тайны дворцовых переворотв», где играла роль Дарьи Меншиковой. В 2004-м снялась еще в одном сериале — «Кавалеры морской звезды» (роль Джейн).

В декабре того же года Фатеева справила свое 70-летие. Скажем прямо, выглядела она отнюдь не на свой возраст — моложе. А ведь многие ее коллеги-одногодки (а также и более молодые) уже ушли из жизни, так и не сумев принять «капиталистический рай». А Фатеевой хоть бы что. Она и многих своих мужчин пережила: как уже говорилось, Владимир Басов ушел в 87-м, Борис Егоров — в 94-м. А в сентябре 2004-го, на 65-м году жизни, скончался и румынский певец Дан Спатару, с которым у Фатеевой был страстный роман в ее «именном» 1970 году. В последний раз Фатеева публично вспоминала о нем в декабре 2000 года, когда давала интервью радиостанции «Эхо Москвы». Она рассказала следующее:

«К сожалению, я не знаю, какая у него сейчас судьба, я его слышала последний раз по телефону, когда была ситуация с Чаушеску (руководителя Румынии расстреляли в конце 1989 года. — *Ф. Р.*). Он тогда как раз был в Кишиневе и позвонил мне оттуда.

Вы знаете, у нас сейчас на улице очень много молдаван, которые продают что-то, и я их несколько раз спрашивала: „Скажите, а у вас по телевидению не показывают Дана Спатару?“ Одна говорит: „Не знаю, не помню“. А другая сказала: „Да, я его видела по телевизору. Он стал такой старенький“. И мне стало так обидно, ведь я же старше его. Он — замечательный парень, прекрасный актер, замечательный певец, и у меня с ним был замечательный роман».

В 2007 году Фатеева снялась в очередном сериале. Речь идет о фильме Юрия Кары «Королев. Главный Конструктор», где актриса сыграла мать «отца советской космонавтики» Сергея Королева. Фильм имел откровенно антисоветскую направленность — в основу сюжета был положен эпизод, где Королев в конце 30-х был арестован органами НКВД и отправлен в лагерь. Фатеева согласилась сниматься в нем практически сразу, что вполне естественно, учитывая ее махровый антисоветизм, берущий свое начало еще в далеком советском прошлом. По ее же словам: «Я не играла, я жила этой ролью. Мне не надо было учиться не любить тогдашнюю власть. Это и так сидит во мне…»

Что тут скажешь? Бедная актриса, 15 лет нет советской власти, а ненависть ее к ней так и не прошла. До сих пор придает ей силы и утоляет жажду творчества. Однако, на мой взгляд, все антисоветские выпады Фатеевой продиктованы только одним:

сделать из себя этакую героиню сопротивления. Хотя никакого героизма ею проявлено не было, а было сплошное мимикрирование и приспособленчество. То есть комариные укусы выдаются за фронтовые раны. Например, замуж актриса всегда стремилась выйти выгодно (то за известного режиссера Владимира Басова, то за космонавта, Героя Советского Союза Бориса Егорова), жила за их спинами безбедно и вполне припеваючи. Никаких репрессий против нее никто не устраивал, из профессии не выгонял, лишая куска хлеба. Просто выгодно сегодня быть антисоветчиком, вот и стараются бывшие советские интеллигенты приспособиться к ситуации — благо они это делать умеют. Глядишь, и приголубят нынешние сильные мира сего. И ведь голубят: как уже говорилось, Фатееву очень уважают в некогда правящей партии СПС. Типично прозападной партии, сторонники и члены которой и ввергли нынешнюю Россию в пучину многих бед и страданий.

Но хватит о политике — поговорим о личном.

В январе 2009 года в «Комсомольской правде» была опубликована заметка, где утверждалось, что у Фатеевой объявился… очередной воздыхатель. Им оказался видный ученый, дипломат, вице-президент Международной ассоциации нобелевского движения РАН Семен Драгульский. Эта связь обнаружилась случайно — автор заметки журналистка А. Велигжанина побывала в Доме кино на вручении нобелевским лауреатам общественной награды «Гордость России» и там заметила возле Фатеевой интеллигентного мужчину. И взяла у него интервью.

«Драгульский: Я влюблен. И признался ей в этом. Я очень давно люблю Наталью Николаевну — еще со времен фильма „Три плюс два“. Признаюсь, ревновал ее к Андрею Миронову. Потом следил за ее судьбой. Несколько раз мы пересекались на вечерах в театре. Я издалека любовался ее красотой. Она была с мужем… У нее была своя жизнь, и я считал некорректным в нее вмешиваться. Не искал встреч. Хотя втайне надеялся…

Я был женат. Точнее, до сих пор еще не развелся. Но фактически я давно живу один, свободен. Наталья Николаевна не замужем. Мы с ней случайно встретились на одном мероприятии. Оказались рядом, разговорились. А что нас ждет дальше — как Бог даст…

Я готов на дальнейшее развитие событий. Мечтаю об этом. Но все зависит от Натальи Николаевны. С моей стороны все серьезно. Любви, как известно, все возрасты покорны! Мне бы очень хотелось, чтобы она откликнулась на мое чувство…»

В декабре 2009 года Фатеева отметила 75-летие. Торжество

проходило в кинотеатре «Художественный». Почему там, а не в Доме кино, где обычно проходят такие мероприятия у кинематографистов? Дело в том, что перед этим в Москве проходил очередной Съезд кинематографистов России, где либеральная фронда во главе с Марленом Хуциевым была разгромлена «патриотами» во главе с Никитой Михалковым. Поскольку Фатеева всегда была либералкой, то в чевствовании в Доме кино ей было отказано. Журналист А. Князев в еженедельнике «Мир новостей» так описывал это торжество:

«На сцене кинотеатра суетились многочисленные поклонники творчества кинодивы. Режиссер Валерий Лонской прочитал посвященную ей оду, включив в произведение несколько монологов, в том числе от имени актрисы Валентины Титовой. Именно к ней в свое время ушел второй муж Фатеевой Владимир Басов. Но особо рьяно „зажигал“ художественный руководитель „На-На“ Бари Алибасов. „Я всегда считал, что ты, Наташа, намного моложе меня, и не только сейчас, когда ты так юно выглядишь, но и будучи двадцатипятилетним пареньком“, — любезничал Каримович, разменявший недавно седьмой десяток. А когда продюсер сообщил, что хочет подарить 75-летней Фатеевой сучку, зал вообще возмущенно загудел — мол, как он смеет ругаться при столь интеллигентной публике? Как выяснилось позже, Алибасов просто не смог выговорить слово „штучка“. Продюсер подарил имениннице статуэтку ручной работы, сделанную на Филиппинах…».

А вот еще одна публикация о Фатеевой — в газете «Твой день» от 27 февраля 2010 года: «Наталья Фатеева улетает на лечение в Китай. Народная артистка России отправляется на остров Хань Янь, где под наблюдением восточных терапевтов ей проведут ряд процедур по восстановлению позвоночника.

— Я лечу туда уже не в первый раз, — рассказала „ТД“ 75-летняя Наталья Николаевна. — Мне нравится местный климат и опытные врачи. Возвращаюсь оттуда как будто помолодевшая».

Любимая женщина режиссера Якина

Наталья Кустинская родилась в Москве 5 апреля 1938 года в семье эстрадных артистов. Ее отец — Николай Андреевич — был куплетистом-чечеточником, читал с эстрады фельетоны. Мать — Марина Вдовенко — была певицей. Естественно, их дочь не могла остаться в стороне от родительских пристрастий. Сначала она пошла по стопам матери — поступила в музыкальное училище имени Гнесиных на класс рояля (педагог Е. Ф. Гнесина). Однако, закончив его в середине 50-х, она вдруг изменила свое решение и решила стать актрисой. Причем, зная о том, что ее родители вряд ли одобрят ее выбор, она осуществила его в их отсутствие: когда те были на гастролях, Наталья подала документы сразу в два учебных заведения — Театральное училище имени Щукина и во ВГИК. К экзаменам абитуриентку готовил известный актер Владимир Зельдин. Судя по всему, подготовил не плохо, поскольку девушку приняли во ВГИК.

Первую серьезную роль в кино Кустинская сыграла будучи студенткой: в 1958 году режиссер Григорий Рошаль пригласил ее в третью часть своей кинотрилогии «Хождение по мукам» под названием «Хмурое утро». Она играла юную революционерку Марусю, влюбленную в офицера Рощина (эту роль играл Николай Гриценко).

Кустинская считалась одной из самых красивых студенток ВГИКа, и вполне естественно, что за ней пытались приударить многие, в том числе и участники фильма. Однако режиссер, полностью оправдывая свой знак (Собака), стоял на страже нравственности в своем коллективе, не позволяя маститым актерам даже приблизиться к дебютантке. При этом он ни на шаг не отпускал Кустинскую от себя — даже когда она была свободна от работы, он забирал ее с собой на съемочную площадку. Как говорится, от греха подальше.

И все же, едва закончились съемки, юная красавица вышла замуж. Правда, ее избранником стал человек, не имевший к фильму «Хмурое утро» никакого отношения, но он был из того же киношного мира. Речь идет о 29-летнем режиссере Юрии Чулюкине. Скажем прямо, характер у него был непростой. Сложности эти начали давать о себе знать еще в юности. Будучи внебрачным сыном знаменитого мхатовца Михаила Астангова (мама Юрия училась у него в ГИТИСе), Юрий в подростковом возрасте связался с хулиганской компанией и угодил в тюрьму. И хотя до суда дело так и не дошло и его выпустили на свободу, однако здоровье свое он в заключении подорвал — ему отбили

почки.

В начале 50-х Чулюкин поступил на режиссерский факультет ВГИКа, а в 1958 году пришел на «Мосфильм». Его первой работой стала комедия «Неподдающиеся» (1959), где в главной роли блистала актриса Надежда Румянцева. Этот фильм сразу сделал ее создателя знаменитым. В том же году Чулюкин женился на Кустинской.

Их знакомство произошло за несколько лет до свадьбы. И оно не оставило в памяти актрисы приятных воспоминаний. Увидев ее в первый раз, Чулюкин засмеялся и сказал своим приятелям: «Это что за худышка? Разве из нее может получиться актриса?» Кустинская тогда была сильно уязвлена и с тех пор боялась встречаться с Чулюкиным. Но однажды он сам остановил ее в институтском коридоре и предложил роль в своем новом фильме. Наталья обещала подумать, а Чулюкин взял у нее домашний адрес и уже через день принес сценарий. Так началось их знакомство, которое длилось… всего два дня. На третьи сутки Чулюкин сделал Кустинской предложение, которое она… с ходу приняла.

В тот же день Чулюкин повез показывать ее своей матери. Та выбор сына одобрила, хотя до этого браковала всех девушек, которых ее отпрыск приводил домой. Чулюкин не стал говорить матери, что собирается в ближайшее время жениться на Кустинской. Видимо, опасался, что та опять будет этому препятствовать. Он держал мать в неведении вплоть до дня свадьбы, но даже когда все-таки решил открыться, сделал это не сам, а с помощью своего приятеля — оператора Германа Шатрова, который позвонил матери Чулюкина и… пригласил ее на свадьбу сына.

После «Хмурого утра» она привлекла к себе внимание других режиссеров и в течение трех последующих лет снялась еще в трех фильмах. Это были: «Сильнее урагана» (1959; Катя Беляева), «Первые испытания» (1960) и «Годы девичьи» (1961; главная роль — Настя).

В последнем фильме Кустинская играла девушку, влюбленную в мотоциклиста-гонщика Гната (актер Эдуард Кошман). Тот отвечал ей взаимностью, они женились, но потом их жизнь разладилась. В итоге Гнат уходил к другой девушке — Ганне. Короче, классический любовный треугольник.

В 1961 году Кустинская могла сыграть роль-мечту, причем в фильме собственного мужа, но судьба распорядилась по-своему. Что же случилось?

В том году Чулюкин начал работу над очередной комедией — фильмом «Девчата». Зная об этом, Кустинская с надеждой ждала,

что ее благоверный предложит ей главную роль — поварихи Тоси. Однако тот снимать свою жену в данной роли не хотел, отдавая предпочтение все той же Надежде Румянцевой. Однако и отказать жене в открытую режиссер тоже не мог. Поэтому поступил в соответствии со своим знаком — по-змеиному хитро: сделал с ней пробу и показал ее своим худрукам в лице Юлия Райзмана и Михаила Ромма. Те Кустинскую забраковали. После этого Чулюкин со спокойной совестью утвердил на роль Румянцеву, а жене предложил другую — красавицы Анфисы. Но та закатила мужу скандал и от участия в картине отказалась. (На роль Анфисы она сама посоветовала взять Светлану Дружинину, которая тогда маялась без работы.)

Пока муж снимал «Девчат», Кустинская тоже без дела не сидела — съездила летом в Севастополь, где сыграла пусть небольшую, но весьма колоритную роль молодой мещанки Кати Федоровой, которая по сюжету была школьной подругой главной героини фильма Жени (актриса Ариадна Шенгелая). Последняя, попав в затруднительное положение (потеряла казенные деньги), приходила к подруге попросить у нее в долг, а та, хоть и не отказала, но повела себя так, что брать у нее эти деньги сразу расхотелось.

Однако вернемся к Наталье Кустинской.

Пережив непростой для себя 1961 год, она в следующем году вновь была приглашена на главную роль. Речь идет о картине Михаила Ершова «После свадьбы» (1963; роль Тони). Однако всесоюзная слава пришла к Наталье Кустинской благодаря другому фильму. Речь идет о комедии Генриха Оганесяна «Три плюс два», где нашей героине досталась роль, по сути, самой себя — киноактрисы по имени Наташа. Поскольку именно эта картина сделала героиню нашего рассказа знаменитой, расскажем о ней более подробно.

Эта история началась с того, что в конце 50-х известный баснописец Сергей Михалков написал веселую пьесу «Дикари» о том, как трое друзей-холостяков отправляются отдыхать на юг и знакомятся там с двумя девушками. В итоге многочисленных забавных приключений на свет появляются две крепкие и любящие семьи. Поставленная сразу в нескольких советских театрах, пьеса имела большой успех и вскоре обратила на себя внимание кинематографистов, испытывавших острую нужду в грамотно скроенных сюжетах. В итоге Киностудия имени Горького обратилась к Михалкову с просьбой об экранизации его пьесы. Тот согласился. В апреле 1962 года на студии был принят литературный сценарий и делу был дан ход.

В качестве постановщика картины сам Михалков выбрал

режиссера Генриха Оганесяна. Несмотря на свой уже достаточно солидный возраст, за его плечами было всего две картины, но обе были комедиями: «Девичья весна» (1960, с В. Дорманом) и «Приключения Кроша» (1962). Именно во время работы над второй Оганисян познакомился с Сергеем Михалковым (в фильме снимался его младший сын Никита Михалков).

29 мая 1962 года стартовал подготовительный период картины. Начались интенсивные поиски актеров на главные роли. Несмотря на то что героев было, в общем-то, немного — всего пять человек, — однако искали их мучительно долго, перепробовав не один десяток актеров, как в столице, так и за ее пределами. Причем здесь у режиссера и автора пьесы возникли творческие разногласия. В пьесе героям было за тридцать, а Оганисян захотел сделать их лет на десять моложе. Михалков был категорически против, но на сторону режиссера встала студия, что и определило исход спора.

Пробы проходили на Рижской киностудии, которая взялась помогать студии имени Горького в постановке этого фильма (для рижан это была только 4-я по счету полнометражная лента). Однако на молодой киностудии не оказалось цветной кинопленки, что затянуло подготовительный процесс на две недели. В итоге только к началу августа все утряслось: был сформирован творческий коллектив, выбраны актеры.

Мужская половина выглядела следующим образом. На роль Сундукова был утвержден ленинградский актер Геннадий Нилов (отец нынешнего «мента» Алексея Нилова), у которого это была первая главная роль в кино, на дипломата — Евгений Жариков (вторая главная роль после «Иванова детства», 1962), на Рому Любешкина — Андрей Миронов (вторая главная роль после «Моего младшего брата», 1962).

Вспоминает Г. Нилов: «На роль хмурого физика Сундукова пробовались несколько человек. Я был в паре с Татьяной Конюховой, которая хотела играть Зою. Мне сказали „спасибо“ и отправили обратно в Ленинград. Долго не было вестей. Я уже решил, что сыграть не суждено, и вдруг получаю телеграмму: „Поздравляю. Не бриться. Остаться дикарем. Оганесян“. Телеграмма до сих пор у меня хранится…»

На роли девушек пробовались многие известные актрисы и даже манекенщицы, но режиссер остановил свой выбор на двух Натальях: нашей героине и Фатеевой. Обе снимались в кино с конца 50-х и имели за плечами куда больше ролей, чем их коллеги из мужской половины. Так, у Фатеевой были роли в фильмах: «Есть такой парень», «Капитан „Старой черепахи“», «Дело „пестрых“», «Случай на шахте № 8», «Убить человека»,

«Битва в пути». Правда, против кандидатуры Фатеевой выступал сам автор пьесы, считавший, что она недостаточно спортивна (по сюжету, Зоя была циркачка) и перед камерой держится «как пионервожатая» (то есть заторможенно). Но студийное начальство хорошо относилось к Фатеевой и утвердило ее на роль.

В роли Наташи первоначально должна была сниматься популярная актриса Лилиана Алешникова (стала известна после роли Глаши в картине 1956-го года «Они были первыми»), но в итоге ей перебежала дорогу Кустинская. Последняя вспоминает:

«Бытует мнение, что женам режиссеров в профессии легче. В моем случае такого не было. И в „Три плюс два“ я снялась лишь по большой случайности. На пробы в Ригу меня пригласил знакомый оператор. Когда я приехала, увидела там известных актрис, манекенщиц, балерин. Отснялась и уехала в Ленинград, где играла главную роль в фильме „После свадьбы“. Месяц проходит — никаких известий. Я уже и забыла о пробах, когда случайно зашла в дирекцию киностудии. Оказалось, там уже давно лежала для меня телеграмма. В тот же день вылетела в Крым на съемки…»

Из-за проволочек с цветной пленкой, актерских проб и плохой погоды в Риге подготовительный период был продлен на две недели. Наконец 11 августа съемочная группа выехала в Крым, в Судак. Там, на территории завода шампанских вин возле Нового Света, была размещена съемочная площадка будущего фильма. Место было просто райское: теплое чистое море, восхитительная прибрежная полоса. Правда, асфальтовая дорога была ужасная, да и бытовые удобства были минимальные: воду приходилось греть на электроплитках, мыться в тазиках. Жила группа во дворце князя Голицына, прямо над подвалами завода шампанских вин. Мужчины были в восторге, поскольку литровая кружка шипучего напитка стоила 45 копеек. Чтобы перелить шампанское из бочки, его надо было отсасывать, как бензин. Поэтому актеры соблюдали очередность, чтобы окончательно не спиться.

Съемки начались 16 августа с эпизодов с участием трех дикарей-мужчин. Женщин пока не снимали, поскольку там был недокомплект — Кустинская все еще снималась в Ленинграде. К тому же задержалось прибытие и двух автомобилей — «Волги» и «Запорожца», игравших в фильме не последнюю роль. 18 августа случился первый простой — оказалась не готова декорация «лагерь». 27–28 августа съемки не велись из-за поднявшегося сильного ветра.

Ближе к концу августа в Новый Свет приехала Кустинская, и

съемки пошли в полную силу. Начали снимать знакомство мужчин-дикарей с девушками. Помните, дамы заставили мужчин копать землю в поисках бутылки из-под шампанского (кстати, это была бутылка, накануне распитая группой), где содержалось письмо, в котором указывалось, что место на берегу навечно закреплено за подругами-красавицами? Затем снимали морские сцены. К слову, в студийном реквизите так и не удалось отыскать пары достойных купальников для актрис, и художница по костюмам искала их среди… отдыхающих. В итоге один такой удалось найти. Другой одолжила жена Оганесяна, за что ей было уплачено 17 рублей «за амортизацию». К концу съемок выяснится, что костюм стал негоден и его придется выбросить.

Практически весь сентябрь съемки шли без простоев (только 27 и 29 августа съемки пришлось отменить из-за облачности). Актеры снимались легко и непринужденно, хотя было трудно: фильм снимался в двух вариантах (для широкого экрана и обычный формат), поэтому одну и ту же сцену приходилось играть дважды. Но все это компенсировалось замечательной обстановкой, сложившейся на съемочной площадке. Кое-кто даже пытался перенести эти отношения в реальную жизнь. Например, Евгений Жариков предпринял попытку ухаживаний за своей киношной половиной — Натальей Кустинской. Но та его «отбрила». Кроме того, супруга актера — тренер по фигурному катанию — была поблизости, приехав на пару недель к мужу на побывку. Жена страшно ревновала Жарикова к Кустинской и в перерывах между съемками устраивала бурные сцены — например, швыряла в «соперницу» бутерброды. Все это отрицательно сказывалось на съемках, и режиссер, в конце концов, должен был объявить жесткие санкции — жену Жарикова на съемочную площадку больше не пускали.

Совсем иначе вела себя жена Геннадия Нилова Галина, которая приехала к мужу, чтобы провести с ним медовый месяц (они только поженились). Она готовила актерам нехитрую еду и была, что называется, тише воды ниже травы. Впрочем, может, потому, что ее муж никаких поводов для ревности не давал.

Заметим, что Кустинская «отбрила» и автора сценария — именитого поэта Сергея Михалкова. Тот приехал на съемки всего на четыре дня и сразу заявился в номер к Кустинской в надежде, что она не откажет ему в его ухаживаниях. Но актриса оказалась неприступной. В итоге Михалков ушел из ее номера ни с чем, не забыв бросить на ходу фразу: «Если передумаешь — позови». Актриса не передумала.

Съемки в Новом Свете продолжались три месяца — до 19 ноября. Затем там резко похолодало, и пришлось срочно менять

дислокацию — переезжать в Алушту. Там в течение двух недель снимали последние натурные кадры фильма. 2 декабря группа вернулась в Москву. В течение двух недель шел монтаж отснятого материала, после чего он был показан руководству двух киностудий: имени Горького и Рижской. Снятое понравилось и тем, и другим.

Между тем надо было снимать павильоны, а Рижская киностудия никак не могла построить нужные декорации: «палатку» и «салон автомобиля „Волга“». Чтобы не простаивать, группа с 19 декабря начала снимать в Москве мелкие объекты: Лужники, парикмахерскую, колхоз (это там герой Миронова лечит коров).

В начале января 1963 года группа выехала в Ригу для съемок в павильонах. Они начались 14 января. Спустя две недели группа выехала в Ленинград, чтобы в тамошнем цирке снять несколько эпизодов: Зоя на арене с тиграми; «дикари» в цирке.

Вспоминает Н. Фатеева: «Я снималась с настоящим тигром, которого дрессировал Вальтер Запашный. Мне сказали, что тигру шесть месяцев. Смотрю, а это зрелый, довольно большой зверь. У меня — шок. Самое обидное, что вся моя храбрость — как я облокотилась на тигра, как я его гладила и даже приударяла кулаком — не вошла в фильм. Эти кадры забраковали, так как в них попала рука Запашного, который держал тигра за ошейник…»

Съемки в Ленинграде продолжались до 4 февраля, после чего группа вернулась в Ригу, чтобы доснять павильоны. Последний съемочный день фильма датирован 28 февраля. Затем два месяца шел монтаж. И здесь снова возник конфликт с Фатеевой.

Вспоминает Н. Кустинская: «Фатеева требовала, чтобы ее имя первым поставили в титрах (сказывался козерожий практицизм. — *Ф. Р.*). Оганесян меня тогда вызвал, говорит: „Наташа, вы не обидитесь, если я Фатееву в титрах первой поставлю?“ А я: „Да ради бога, ставьте!“ А он: „Ну ладно, я на широком экране поставлю, фильм покажут неделю, и все. А вас поставлю на узком, по телевидению фильм 40 лет будет идти!“ И точно — столько лет уже этот фильм популярен…»

Гонорары артистам за работу над фильмом были выплачены следующие: Н. Фатеева — 2295 рублей 60 копеек, Е. Жариков — 2450 руб., Н. Кустинская — 2330 руб., А. Миронов — 2252 руб., Г. Нилов — 1948 руб.

Фильм сдавался два раза: 13 апреля 1963 года приняли широкоформатный вариант, 13 мая — обычный. На студии фильм был встречен без особого восторга, за что и был удостоен только 2-й группы по оплате. Однако прокат внес свои коррективы. До конца 1963 года «Три плюс два» собрали на своих сеансах 35

миллионов зрителей, что позволило авторам добиваться пересмотра категории. В итоге ему дали 1-ю, а актерам заплатили по 300 рублей премии каждому.

Как ни странно, но после феерического успеха в этом фильме роли не посыпались на Кустинскую, как из рога изобилия. В итоге в последующие три года она снялась всего лишь в одном фильме, да и то не в главной роли. Речь идет о комедии «Спящий лев» (1965), где наша героиня сыграла роль своей современницы и тезки Натальи Цветковой. Фильм снял режиссер Александр Файнциммер.

Многие в киношном мире удивлялись: вроде бы Кустинская замужем за известным режиссером, а он ее в свои фильмы не приглашает. Однако такое приглашение все-таки случилось в 1966 году, когда Чулюкин взялся снимать фильм на спортивную тему «Королевская регата». В нем именно Кустинской предстояло сыграть главную женскую роль — стюардессу-красавицу Алену. По сюжету, в нее был влюблен статный спортсмен-байдарочник Василий, в роли которого снялся Валентин Смирнитский.

Картина вышла на широкий экран в ноябре 1966 года, однако большой славы не снискала. Во всяком случае, с двумя безусловными хитами Чулюкина — «Неподдающимися» и «Девчатами» — она, как говорится, и рядом не лежала. Кроме того, эта лента окончательно развела режиссера и Кустинскую. По ее словам, она узнала, что у ее мужа есть другая женщина. Наталья закатила скандал и поначалу хотела даже отказаться от продолжения работы. Но, подумав, что в таком случае может вообще распрощаться с кинематографом, она благополучно довела съемки до конца.

Вспоминает Н. Кустинская: «Любопытство взяло верх над приличиями, и я решила повидаться с той самой блондинкой, которая, оказывается, уже поселилась у Юриной мамы в Москве. Пришла, увидела ее в Юрином халате и услышала обидное: „Неужели вы не понимаете, что Юра вас жалеет, а меня — любит?“ Оставила я ему записку с наилучшими пожеланиями в личной жизни и уехала…»

Так распался союз актрисы и режиссера.

Пережить горечь разрыва Наталье помогла работа — она много гастролировала по стране и за границей. Кустинская считалась тогда одной из самых красивых актрис советского кинематографа, и многочисленные ухажеры буквально не давали ей прохода. Среди них были и достаточно именитые люди: например, Иннокентий Смоктуновский, Владимир Наумов.

Тогда же на актрису положил глаз популярный певец Муслим Магомаев. Они познакомились в Минске, куда Кустинская

приехала с творческими встречами, а Магомаев — на гастроли. Певец настолько сильно увлекся актрисой, что даже предложил ей руку и сердце. Но актриса отказала, сказав, что она уже замужем.

Кустинская не врала — на тот момент ее мужем был работник Внешторга Олег. Однако с ним она прожила недолго — меньше трех лет. После чего на горизонте Кустинской появился другой мужчина, который оказался еще круче, чем супруг-внешнеторговец. Речь идет о Герое Советского Союза, космонавте Борисе Егорове, который входил в когорту первых космонавтов СССР. Свой полет он осуществил вскоре после гагаринского: 12–13 октября 1964 года (в те самые дни, когда в Кремле смещали с поста Н. Хрущева) вместе с Владимиром Комаровым и Константином Феоктистовым.

Первой супругой Егорова была врач Элеонора Мордвинкина, которая была ровесницей Кустинской — она тоже родилась в 1938 году. Однако семейную жизнь космонавта нельзя было назвать счастливой — между супругами царило недопонимание. И к концу 60-х ситуация в их семье оказалась на грани краха. В итоге космонавт ушел из семьи, женившись на… подруге Кустинской Наталье Фатеевой. Но и там жизнь космонавта достаточно быстро не заладилась. Именно в этот момент на горизонте Егорова возникла Наталья Кустинская.

С ней Егоров познакомился случайно: зашла к Фатеевой за книгой, а Егоров в тот день вернулся домой раньше обычного. Они сразу понравились друг другу. А когда они семьями встречали новый, 1969 год, Кустинская окончательно пленила Егорова, исполнив на рояле его любимые произведения — «Элегию» Рахманинова и этюды Шопена.

Однажды Егоров пришел к Наталье, когда ее мужа не было дома. Вычистил до блеска все кастрюли, вымыл холодильник. Затем пришел муж актрисы, и они втроем… сели обедать. Буквально через пару дней после этого Олег уехал на рыбалку на Север, и Егоров вновь навестил Кустинскую под благовидным предлогом: мол, забыл у них зонтик. Он пригласил ее в ресторан у Речного вокзала, где и сделал ей предложение. Сказал: «Наташа, я тебя люблю. Ребенком во сне я видел именно такую девочку, как ты. Как любовница ты мне не нужна. Выходи за меня замуж».

По словам Кустинской, оно явилось для нее полной неожиданностью. Ведь у Егорова и Фатеевой недавно родился ребенок, и внешне они являли собой крепкую пару. В то же время Егоров ей очень нравился, а жизнь с нынешним мужем была уже в тягость. В итоге в мае 1969 года Кустинская забеременела от

Егорова и 18 января 1970 года родила мальчика, которого назвали Димой. Однако, несмотря на это, Егоров не сразу ушел от Фатеевой.

Судя по всему, Фатеева прекрасно догадывалась об увлечении своего мужа, поэтому в свою очередь тоже не теряла времени даром. В марте 1970 года она уехала в Румынию на съемки фильма «Песни моря», где закрутила роман с исполнителем главной мужской роли в фильме — популярным румынским певцом Даном Спатару. Однако приличное расстояние, отделяющее Бухарест от Москвы, не помешало недоброжелателям актрисы сообщить о ее «романе» с певцом законному супругу (согласно легенде, весть об этом принес поэт Роберт Рождественский, который писал тексты к песням из этого фильма и был приятелем Егорова). Эта весть стала удобным поводом для космонавта расторгнуть отношения с Фатеевой и жениться на Кустинской.

Свою жилплощадь Кустинская и Егоров оставили своим бывшим половинам, поэтому жить им поначалу было негде. На первых порах их пустил в свою квартиру будущий ведущий «Клуба кинопутешественников» Юрий Сенкевич, но попросил их вести себя как можно тише, чтобы никто об этом не узнал. Однако буквально через несколько дней об их романе узнали все. Сенкевич тогда сделал для себя вывод, что актрисы есть актрисы: всегда хотят быть в центре внимания, даже в жизни.

Вспоминает Ю. Сенкевич: «Досталось тогда Боре здорово: из обманутого мужа он превратился в монстра, который опять бросил семью (в 66-м Егоров ушел от своей первой жены Элеоноры к Фатеевой, после чего стал первым разведенным космонавтом в стране. — *Ф. Р.*). И не просто бросил, а еще и поссорил близких подруг. Хотя, с моей точки зрения, повод для развода дала сама Фатеева: ее роман с румынским певцом Егорова очень сильно расстроил. Однажды я, проезжая по набережной, лично видел, как Боб, сидевший в машине, палил из пистолета в воду…»

Супруг Кустинской, Олег, тоже очень сильно переживал разрыв с любимой. На этой почве он пытался даже отравиться. К счастью, врачам удалось его спасти. Кустинская была в шоке, буквально дневала и ночевала у него в больнице, после чего опять вернулась в семью. Но Егоров не сдавался: он поселился у нее под дверью прямо на лестничной площадке и каждые десять минут звонил в дверь и просил ее выйти к нему.

Какое-то время Кустинская разрывалась между двумя мужчинами, но потом решилась — навсегда ушла к Егорову.

Тем временем в начале 70-х звезда Кустинской на небосклоне

советской кинематографии постепенно закатывалась. Свои последние главные роли она сыграла в самом начале того десятилетия. Это были фильмы: «Десять зим за одно лето» Валериу Гажиу (1970; главная роль — Валентина) и «Весенняя сказка» Юрия Цветкова (1971; главная роль — Елена Прекрасная).

Еще одним режиссером в жизни Кустинской мог стать Алексей Баталов, который, неровно дыша к ней, предложил роль в своем фильме «Игрок» (1973). Но актриса не приняла его ухаживаний и в «Игроке» в итоге не сыграла.

Вспоминает Н. Кустинская: «У меня не было романов с режиссерами, хотя я сыграла в 40 фильмах. Только однажды, признаюсь, пришлось лечь в „режиссерскую“ постель, хотя роль тогда все равно не получила. С тех пор „испытание постелью“ никогда больше себе не позволяла, даже если режиссер мне и нравился…»

В 1972 году Кустинская сыграла небольшую роль в фильме о Гражданской войне «Кочующий фронт» (роль Веры Турчаниновой), режиссером которой был Барас Халзанов.

Но главный (и последний в ее карьере) успех поджидал Кустинскую в 1973 году, когда на экраны страны вышла картина выдающегося комедиографа Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Наша героиня хоть и сыграла в нем небольшую роль блондинистой любовницы кинорежиссера Якина, однако именно она на какое-то время вернула Кустинской былую славу. Фильм стал лидером проката, собрав на своих сеансах 60, 7 млн. зрителей (3-е место по сборам).

После этого Кустинская продолжала сниматься, но ролей было очень немного, да и фильмы с ее участием не имели того успеха, который сопутствовал тому же «Ивану Васильевичу…». Среди этих картин были: т/ф «Авария» (1974; дама в автомобиле), «Стажер» (1977; Светлана), «Пробивной человек» (1980; Ирина), «Гражданин Лешка» (гид у канадских лесорубов), «Мой папа — идеалист» (Сильва) (оба — 1981), «Шофер на один рейс» (Маша), «Просто ужас» (хозяйка кота) (оба — 1982).

Кустинская вновь шумно напомнила о себе широкому зрителю в 1984 году, когда на экраны страны (теперь уже на телевизионные) вышел третий сезон сериала «Вечный зов» режиссеров Владимира Краснопольского и Валерия Ускова.

Скажем прямо, роль у Кустинской там была не самая положительная. Она играла взрослую дочь главного злодея сериала — жандармского офицера Лахновского Полину, которая выходила замуж за подручного своего отца Полипова. Но этот брак нельзя было назвать по-настоящему счастливым — скорее, это было мучение.

Кстати, в такое же мучение превратился к тому времени и брак Кустинской с Егоровым. С ним она прожила 18 лет. Причем, в первые несколько лет это была вполне благополучная пара. В их роскошном доме в Спиридоньевском переулке (гостиная 60 метров и четыре комнаты по 25) собирались известные люди (среди них: Юлиан Семенов, Роберт Рождественский, Юрий Сенкевич, космонавты), и шумные застолья продолжались до утра.

Вспоминает Наталья Кустинская: «Каждая женщина посчитала бы за счастье выйти замуж за Егорова, быть его любимой. Красивый, мужественный, с тонким юмором — словом, широкой души человек. Он увлекался альпинизмом, подводным плаванием, серфингом, дельтапланеризмом, мотоциклами, гоночными машинами.

Он научил меня ездить на мотоцикле, а уж про гоночные машины мне до сих пор и говорить страшно! Борис привязывал меня к сиденью машины в 4 утра, а уже к вечеру мы были с ним в Крыму…

Однако с женами космонавтов особой дружбы у меня не было. Хуже всех ко мне относилась, не могу понять почему, Валентина Терешкова. Правда, ходили слухи, что ей тоже нравился Егоров. На одном из приемов в Кремле мне преподнесли огромный букет красных гвоздик. Терешкова стояла рядом, я разделила букет пополам и половину цветов протянула ей. Реакция была неожиданной — она резко отвернулась и сказала: „Не возьму!“ На что Андриан Николаев, ее муж, локтем ткнул ей под ребро и прошипел: „Бери!“ Невзлюбила меня и жена космонавта Елисеева. А вот с женой космонавта Филипченко Лизой у нас были теплые отношения…»

В 1984 году состоялся дебют сына Кустинской Дмитрия в большом кинематографе: в фильме Ролана Быкова «Чучело» он сыграл одну из главных ролей — именно его герой заступается за Лену Бессольцеву в исполнении Кристины Орбакайте. Увы, но эта роль оказалась единственной в карьере юного актера.

В конце 80-х с Кустинской случилось несчастье. Она пошла выгуливать собаку, но в подъезде та внезапно рванулась вперед, и женщина не удержалась — упала с лестницы. В итоге она оказалась в институте Склифосовского с диагнозом «перелом основания черепа». Пока она лежала в больнице, у мужа появилась другая женщина. Когда Кустинская узнала об этом, она подала на развод, хотя муж убеждал ее, что исправится и больше никогда не позволит себе подобного. И все же семья распалась. Сын Дмитрий остался жить с отцом (он жил с ним несколько лет, пока Егоров не женился), а Кустинская вышла замуж за нового

мужчину — Геннадия Хромушина, преподавателя Академии общественных наук ЦК КПСС. А Борис Егоров в 1991 году скончался от инфаркта.

За год до этого Кустинская сыграла свою последнюю роль в уже умирающем советском кинематографе: в фильме «Светик» (1990; мать Веры). Снял картину режиссер Олег Бандарев. После этого Кустинская вновь скрылась от взоров широкой общественности.

В марте 1998 года о Кустинской вспомнил сценарист Виктор Мережко и пригласил в качестве гостьи в свою передачу «Мое кино». Актриса пожаловалась на свою безработицу и поведала о том, с какой надеждой она ежедневно ждет телефонного звонка от любого режиссера с приглашением сниматься. Ведь для актера нет хуже пытки, чем жить без ролей.

С тех пор мало что изменилось — Кустинская по-прежнему нигде не снимается. Правда, внешне она уже почти ничем не напоминает ту блондинку-красавицу, фотографии которой когда-то украшали обложки советских и зарубежных журналов. К тому же актриса пережила личную трагедию — у нее погиб ее единственный сын Дмитрий.

Когда-то он подавал большие надежды как актер, снявшись в «Чучеле», но его карьера в кино так и не заладилась. Он окончил МГИМО и в 21 год женился. Его первая жена Наташа работала у Иосифа Кобзона заведующей юридическим отделом. У них родился сын, однако в возрасте семи месяцев он скончался. Супругов это горе подкосило: оба стали пить, а потом развелись. (Позже Наталья вышла замуж за помощника Чубайса.)

Вспоминает Н. Кустинская: «Митя после смерти Бориса в 1991 году очень изменился, снова стал пить. У него появилась новая девушка, Ольга. Она, как и первая Митина жена, была юристом. Ольга пила сама и постоянно подталкивала к этому Митю.

В связи с этим изменился и Митин круг общения. У них в доме стали появляться какие-то случайные люди. Однажды в ссоре Ольга пробила каблуком Мите голову. Он мне ничего не сказал, но я сама все узнала. Известный нейрохирург Саша Коновалов тогда его просто спас.

Вообще, все последние годы Митю преследовали очень горькие события. Он купил квартиру на улице Фадеева, а потом продал ее, ничего мне не сказав. А деньги решил отдать мне, но попросил сделать это своих новых „друзей“. Больше мы ни их, ни денег никогда не видели… Купил машину „Рено“ (у него всегда были прекрасные машины, отец баловал), дал приятелю прокатиться. Тот через пять минут разбил машину вдребезги.

Митя на этой машине и ездил-то всего пять дней…

В начале 2003 года Митя погиб. В последний день его жизни я с ним поссорилась. Просила его не уходить из дома (как чувствовала!). Но он сказал мне тогда: „Мы обещали пойти в гости“. И ушел с Ольгой. О том, что Митя умер, мне сообщила не Ольга, а милиция. В заключении написали: „Сердечная недостаточность“. И лишь когда Митя лежал в гробу, я обнаружила у него на виске рану. Но я была тогда в таком растерянном состоянии, что ни о чем не могла думать. Наташа Варлей, которая была его крестной мамой, очень помогла мне пережить это горе…

Ольга после смерти Мити была у меня всего один раз, да и то пришла пьяная. У меня в это время сидели Митины друзья, и она им сказала: „Митя умер не своей смертью. Только ничего не говорите Наталье Николаевне. Я ей завтра сама все расскажу“. Но я об этом ничего не знала и тем же вечером выгнала ее из дома. С тех пор я Ольгу не видела…»

Об этой трагедии Кустинская поведала широкой публике в документальном фильме, показанном в 2008 году по одному из центральных телеканалов. Название у него было весьма характерное для общей судьбы Кустинской — «Расплата за любовь».

«Не виновата я!..»

Светлана Светличная родилась в городе Ленинакане Армянской ССР 15 мая 1940 года. Но прожила она там недолго, после чего ее семья переехала на Украину, в город Мелитополь, что в Запорожской области. По словам Светланы:

«Моя мама была донской казачкой с дивной фигурой! И даже в то непростое время, когда страна была разрушена после войны, оставалась большой модницей и мастерицей — умела создавать свой гардероб фактически из ничего, из подручного материала. И меня с самого раннего возраста старалась наряжать модно, красиво. Я всегда ходила в ярких бантиках, изящных платьицах с рюшечками, каких ни у кого больше не было…»

Кстати, именно мама настояла на том, чтобы ее дочь стала артисткой. По словам Светланы: «Мама так и сказала: „Собирай чемодан, дочка, и езжай!“ И правильно сделала, что настояла, потому что сама я ехать в незнакомую Москву боялась. Но во ВГИК я поступила с первого раза…»

На дворе стоял 1959 год. Именно тогда на экраны страны вышел фильм Григория Чухрая «Баллада о солдате», в котором главную роль сыграл Владимир Ивашов. Он родился в Москве 28 августа 1939 года в рабочей семье. Его отец был простым рабочим на авиационном заводе, мать — швеей на фабрике. Рабочая закваска с малых лет была присуща нашему герою — он умел и шить, и столярничать, и готовить. Во дворе он был хоть и не самым сильным мальчишкой, однако никого не боялся и всегда умел за себя постоять.

Закончив школу в 1956 году, Ивашов подал документы во ВГИК и был принят на курс, который вел Г. М. Козинцев. Учеба давалась нашему герою легко, хотя нельзя было сказать, что он уж очень сильно выделялся среди своих однокурсников. Глядя на него тогдашнего, никто из людей, близко знавших его, и не предполагал, что всего лишь через год имя этого юноши будет знать вся страна.

В 1958 году режиссер Григорий Чухрай, год назад покоривший Канн фильмом «Сорок первый», задумал снимать новую картину. Называлась она «Баллада о солдате». На главную роль — солдата Алеши Скворцова — режиссер по старой памяти взял того же актера, что снялся в его предыдущей картине — Олега Стриженова. А в партнерши ему выбрал актрису Лилиану Алешникову. Однако против этих кандидатур выступил директор «Мосфильма» Иван Пырьев. Этот актерский тандем ему не нравился. Но Чухрай оказался более настойчив и от своего

решения не отступил. Короче, съемки фильма вскоре начались с утвержденными ранее актерами.

Работа началась ранней осенью 1958 года с натурных эпизодов, которые снимались под Владимиром. Снимать начали с эпизода, где Алеша едет на машине в отпуск, а навстречу ему, к фронту, движутся колонны автомашин с солдатами (в массовке снимались местные военнослужащие из в/ч 07008). Однако работа остановилась, едва начавшись. Во время съемок проезда машины оператор Эра Савельева расположилась на капоте с ручной камерой «Конвас», а Чухрай сел на капот слева, свесив ноги. Когда киношная машина поравнялась с грузовиком, в кузове которого находились солдаты, последний внезапно потерял управление и ударил съемочный автомобиль по капоту. От удара Чухрай свалился на землю и получил серьезные повреждения: у него была сломана ключица и голеностопный сустав. Его немедленно отвезли в военный госпиталь.

После этого инцидента впору было рвать на себе волосы, поскольку травмы режиссера грозили длительным простоем. Но, как показало будущее, это сослужило фильму самую лучшую службу. Именно в госпитале Чухрая вдруг осенило: он вдруг понял, что пригласил на главные роли не тех актеров. Стриженов и Алешникова ну никак не тянули на целомудренных юношу и девушку, к которым пришла первая любовь. Убежденный в своей правоте, Чухрай заставил врачей выписать его раньше срока и с костылем и в гипсе заявился на «Мосфильм». Однако едва он заикнулся руководству студии о замене актеров, те наотрез отказались даже обсуждать эту тему. «Да вы в своем уме: менять актеров, когда съемки уже начались! Это же неслыханно». — «Я не знаю, слыханно это или неслыханно, но в моем фильме будут сниматься другие актеры», — продолжал гнуть свое режиссер. «У вас ничего не выйдет. Даже если мы согласимся, на это не пойдут сами актеры». — «Об этом я сам как-нибудь позабочусь», — ответил Чухрай и отправился уговаривать актеров.

Первым был Стриженов. Его уговорить отказаться от роли оказалось не столь сложно. Дело в том, что актер был признателен Чухраю за то, что тот не побоялся взять его на главную роль в «Сорок первом», тем самым пойдя на открытый конфликт с Пырьевым, который видел в этой роли только Юрия Яковлева. Другое дело Алешникова, которая Чухраю ничем обязана не была. Но и ее режиссер сумел уговорить, педалируя в основном на ее возрастные данные и на то, что Стриженов от роли уже отказался.

После этого Чухрай засел за актерские картотеки, пытаясь в них выловить именно тех актеров, которые ему необходимы. Ему

это удалось. На роль Алеши он пригласил студента 2-го курса ВГИКа Владимира Ивашова, на роль Шуры — первокурсницу Школы-студии МХАТ Жанну Прохоренко, которая пробовалась в «Балладу» на роль в массовке.

Но если с привлечением Ивашова никаких проблем не было, то с Прохоренко дело обстояло сложнее: руководство Школы-студии категорически запрещало своим студентам сниматься в кино. Ослушников ждало немедленное отчисление. Зная это, Чухрай пошел обходным путем. Он сначала уговорил саму Прохоренко уйти из училища и перевестись во ВГИК, а потом обработал ее маму. Ей он сказал следующее: мол, у вашей дочери небольшой рост, а это значит, что в театре ей главные роли наверняка не светят. Зато в кино, после участия в его фильме, ей от предложений отбоя не будет.

По итогам всесоюзного проката 1960 года фильм «Баллада о солдате» собрал свыше 30 миллионов зрителей и занял 12-е место. После этого к Ивашову пришла всесоюзная слава. Режиссер Станислав Ростоцкий по этому поводу писал:

«Различно складываются творческие биографии актеров. Одни заслуживают признание неоправданно поздно, другие завоевывают его от роли к роли. Но иногда успех приходит к актеру в самом начале пути, актерская индивидуальность раскрывается в первой работе, и дебютант, особенно в кино, быстро становится популярен и любим. Именно так, очень счастливо, начался актерский путь Владимира Ивашова».

После съемок в картине Ивашов вернулся в стены родного ВГИКа. Правда, из-за пропусков занятий ему пришлось опуститься на курс ниже (этот курс вел М. И. Ромм). Однако и в этом случае он вытянул счастливый билет: именно здесь судьба свела его с будущей женой — 19-летней Светланой Светличной. По ее словам:

«Когда Володя в первый раз пришел к нам в общежитие, он мне очень не понравился — не понравилось, как он пел и как вел себя. И вообще, тогда за мной ухаживал Володин однокурсник — совсем другой парень… (одно время за Светланой активно ухаживал и будущий известный сценарист Геннадий Шпаликов. — *Ф. Р.*). Но когда я посмотрела фильм „Баллада о солдате“, я поняла, что такие парни, как главный герой картины Алеша Скворцов, очень мне близки, и было бы здорово, если бы я связала свою судьбу с таким человеком. Мне очень повезло, что из-за съемок фильма Володя остался на второй год и попал ко мне на курс… Меня очень любил Михаил Ильич Ромм и давал мне интересные роли. Я играла Катюшу Маслову, Анну Каренину. А моим партнером был Владимир Ивашов…

Однажды на одной из репетиций спектакля „Казаки“ по Льву Толстому по сценарию мы должны были с ним целоваться. Когда Володя меня поцеловал, меня как током ударило. Я вдруг почувствовала, что целует он не героиню спектакля, актрису, партнершу, а меня — Свету Светличную. То есть по-настоящему! Значит, я ему нравлюсь. А вскоре, провожая меня в общежитие, где я жила, Володя неожиданно признался: „Светка, мне кажется, что я тебя люблю!“ Я тогда очень обиделась за это „мне кажется…“. Но все равно была на седьмом небе от счастья. Побежала звонить родителям в Мелитополь: „Ма-а-ама! Я, кажется, скоро выйду замуж!“ — „За кого?“ — „Смотрите „Балладу о солдате“. Я выхожу замуж за Алешу Скворцова!“ Потом мама наказала: „Доченька, скажи точно, когда вы приедете, чтобы мы успели приготовить котлеты и самогон“…»

Свадьбу молодые сыграли 16 января 1961 года. В качестве подарка молодоженам родители невесты отдали им кровать и стол, так как сами купить эти предметы молодые тогда не имели возможности. Кстати, свадьбу гуляли на родине невесты — в Мелитополе. По словам С. Светличной:

«Размах нашей свадьбы поразил и Володю, и его семью, и весь наш курс. Особенно то, что на юге Украины есть буквально все: и сало, и мясо, и печеные гуси, и фрукты… Москвичи же привыкли все покупать по 50 граммов, а у нас еда измерялась тазами, вино — бочками. Мы катались на тройках лошадей, по городу ходили ряженые… Молодые, счастливые. Еще бы — вся жизнь впереди!..»

Первое время молодожены жили у родителей Ивашова и, надо сказать, жили непросто. Как это обычно бывает, у невестки не складывались отношения со свекровью, и дело порой доходило до шумных разбирательств. Наш герой, как мог, пытался эти конфликты погасить, но у него это плохо получалось. В конце концов терпение родителей иссякло, и в один из дней они оставили на столе записку: «Просим освободить нашу жилплощадь!» И это при том, что невестка была уже беременна и в скором времени должна была родить. К счастью, соседи Ивашовых оказались людьми гостеприимными и уступили молодым одну из своих комнат.

В отличие от семейной жизни творческая деятельность «звездной» пары складывалась в те годы более успешно. Ивашов, все еще будучи студентом ВГИКа, снялся сразу в нескольких фильмах: «Леон Гаррос ищет друга» (Федя), «Тучи над Борском» (Генка Бочарников), «Евдокия» (Павел Чернышев) (все — 1961), «Семь нянек» (1962; главная роль — Виктор), «Тетка с фиалками» («Альманах „Юность“»; главная роль — Володя; в этом же фильме

снималась и Светличная — роль Светы), «Хоккеисты» (журналист Саша Морозов) (оба — 1964), «Я — „Береза“» (1965; летчик).

Наибольшую известность из всех перечисленных ролей принесла Ивашову роль принципиального рабочего часового завода Виктора, который входил в число тех самых «семи нянек», которые взвалили на себя нелегкую ношу — перевоспитать трудного подростка Афанасия Полосухина.

Что касается Светланы Светличной, то она дебютировала в кино в эпизодической роли Натки в картине «Колыбельная» (1960), а затем получила одну из главных ролей — Надя Колчина — в фильме режиссера Татьяны Лиозновой «Им покоряется небо». Как писал критик Я. Кушнирский:

«Роль Нади Колчиной — программная в творчестве актрисы. При всех издержках, которые, конечно, были и которые объясняются определенной драматургической слабостью всего произведения в целом, этой работой Светличная начала исследование характера молодой женщины, нашей современницы…»

Сама актриса так вспоминала об этой роли: «Я играла жену летчика, которого играл Рыбников. Меня старили — его омолаживали. Но получилась очень хорошая пара. Я защищала диплом, и мне Михаил Ильич Ромм за эту работу поставил „отлично“…»

После окончания ВГИКа в 1963 году Ивашов и Светличная стали актерами труппы Театра-студии киноактера. Они были молоды, счастливы и верили, что впереди их ждет блестящее будущее. К тому же они стали родителями — у них родился мальчик, которого в честь героя фильма «Баллада о солдате» назвали Алешей.

В 60-е годы Ивашов и Светличная продолжали сниматься в кино, причем у Светличной ролей получилось больше — девять против трех у ее супруга. Назовем эти фильмы Светличной: «Стряпуха» (главная роль — Павлина), «Тридцать три» (телеведущая Нина Светлова) (оба — 1966), «Герой нашего времени» (девушка-контрабандистка), «Чистые пруды» (Катя-Русалка), «Не самый удачный день» (Надя Степанова) (все — 1967), «Бриллиантовая рука» (красавица-блондинка Анна Сергеевна), «Новые приключения неуловимых» (дама-красотка в ресторане «Палас»), «Неподсуден» (стюардесса Вика) (все — 1969).

Самыми известными ролями из перечисленных оказались две: в «Стряпухе» и «Бриллиантовой руке». И это при том, что в первом фильме Светличная сыграла главную роль, а во втором — эпизодическую.

В «Стряпухе» наша героиня исполнила роль поварихи Павлины, в которую влюблен ее односельчанин Степан Казанец в исполнении актера Ивана Савкина. Девушка поначалу держит себя с ним весьма неприступно, хотя в глубине души тоже любит.

В «Бриллиантовой руке» Светличная сыграла роль пособницы преступников, которые охотятся за бриллиантами, спрятанными в гипсе, наложенном на сломанную руку Семена Семеновича Горбункова. Представляя из себя эффектную блондинку, героиня Светличной пытается обольстить Горбункова, в роли которого снялся Юрий Никулин.

«Бриллиантовая рука» стала самым кассовым фильмом в биографии Светличной (он собрал на своих сеансах 76,7 млн. зрителей). Несмотря на то что актрисе в нем достались всего лишь несколько эпизодов, однако их вполне хватило, чтобы Светличная вошла в историю советского кино в качестве первой советской актрисы, показавшей на экране стриптиз с обольщением. А пронзительный крик ее героини: «Не виновата я, он сам пришел!» — навсегда ушел в народ. Мало кто знает, но одно время, во время демонстрации фильма по телевидению, этот эпизод вырезали по приказу высокого руководства.

Как мы помним, одним из партнеров Светличной был Андрей Миронов, игравший роль одного из контрабандистов — Геннадия Козадоева. По сюжету, Геша пытается ухаживать за красавицей-блондинкой, но та сразу же его «отшивает». А вот о том, что происходило между актерами вне пределов съемочной площадки, Светличная вспоминает следующее:

«После окончания съемок (они проходили летом 1968 года в Крыму. — *Ф. Р.*) мы с группой отметили это событие шампанским, я на радостях чуть-чуть перебрала. И мы с Андрюшей Мироновым пошли купаться на море. Заплыла я далеко, было жарко — и мне стало плохо. В результате я едва не утонула, и Миронов меня спас — помог выйти на берег. Я его благодарила, целовала, в ответ он меня целовал… И все, кроме вот тех поцелуев, ничего у нас не было. Хотя разговоры такие пошли. И на дубляже мне все твердили: „Это правда?“…»

Что касается Ивашова, то он, как уже говорилось, снялся во второй половине 60-х годов в трех фильмах. Это были: «Герой нашего времени» (1967; главная роль — Григорий Печорин), «Железный поток» (1968, адъютант Алексей Приходько), «Новые приключения неуловимых» (1969, адъютант Кудасова поручик Перов). В последнем фильме обнаружилась еще одна грань таланта Ивашова — он прекрасно пел под гитару. Песня «Русское поле» в его исполнении навсегда стала его визитной карточкой.

В те годы личная жизнь наших героев складывалась непросто.

Был момент, когда их брак вполне мог развалиться. Как считает сама Светличная: «Первые десять лет — потрясающие: мы — Ромео и Джульетта. Потом — сложная середина…» В те годы кто только ею не увлекался. Например, среди ее симпатизантов оказался первый космонавт Земли Юрий Гагарин. Актриса вспоминает:

«Юрий Алексеевич Гагарин был… не то что поклонником, он просто симпатизировал мне. Перед поездкой в составе советской делегации в Чили меня пригласили в ЦК комсомола Украины на инструктаж, а там оказался и Юрий Алексеевич. Во время обеда он все шутил, обращаясь к своему другу, первому секретарю ЦК Юрию Ельченко: мол, когда его отправляют за рубеж, начальство подсовывает ему в делегацию „серых мышек“, а вы себе вон какую кралю отхватили. „Юр, — говорил, — оставайся, а мы со Светкой в Чили полетим!“ После возвращения из Сантьяго нас отправили в один из домов отдыха ЦК комсомола. И Гагарин тоже поехал. Мы играли в баскетбол, волейбол, прекрасно проводили время. Позже он пригласил нас с Володей к себе в загородный дом. Все время говорил: „Володя, как тебе повезло, что у тебя такая красавица жена“. И мне это очень льстило…»

Чуть позже Светличной увлекся известный режиссер-сердцеед Андрей Михалков-Кончаловский, и его ухаживания могли увенчаться успехом. Однако не сложилось.

В 1973 году в семье наших героев родился второй ребенок — и вновь мальчик, которого назвали Олегом. Светличная рассказывает:

«Снимали меня тогда мало, так складывалось, что работа уходила на второй план, а на первом была семья. Мы решили иметь второго ребенка… Я могла родить и больше детей, если бы не профессия — у нас было бы пять или шесть сыновей. Дочерей я не хотела. Говорят, когда рожают девочек, мамы толстеют. А от парней — нет. Я очень быстро возвращала форму…

По-настоящему детей воспитывал Володя. А я их била. Причем всем, что под руку подвернется. Меня, между прочим, папа тоже лупил. Сейчас я думаю, что можно было бы найти какие-то иные способы воздействия на сыновей, но они меня простили… Володя детей не бил, находил подход, отвлекал, действовал личным примером…

Дети верили чуть ли не до семи лет, что Дед Мороз приносит подарки. И Володя проводил проволочки, вешал под елку подарок. В полночь он обрезал эту нитку — и с боем курантов подарок падал вниз. У меня бы в жизни на подготовку терпения не хватило. Он всю квартиру украшал. Рисовал. Меня нарисовал, как Брижит Бардо, на фоне Эйфелевой башни — я все время

мечтала съездить в Париж. Бабу Катю, мою тетю, он нарисовал с ребенком на руках, а ребенок держал молоток. Это баба Катя помогла мне вырастить обоих сыновей…»

Если в 60-е годы Светличная обгоняла своего супруга по части востребованности в кинематографии, то в 70-е годы все поменялось — теперь уже Ивашов вышел в лидеры по этим показателям: он снялся в 21 фильме, в то время как его жена всего в двенадцати. О том, почему ее так мало снимали, сама Светличная рассказывает следующее:

«Могла быть причиной невостребованности в советском кинематографе моя несоветская внешность. Я ездила за рубеж очень часто. Нонну Мордюкову не брали. Я же была в Мексике, Чили, во Франции, Швеции… Да практически объездила полмира! При этом самым странным и страшным для меня было то, что я ездила туда в качестве „русской красавицы“, как „украшение“ этих делегаций, но с чужими картинами. На главные роли-то меня не брали. Снимали других, а мной только хвастались!.. Сколько я нажила себе врагов! Я как-то еще умудрялась хорошо одеваться, так как в продаже у нас ничего не было. Я ухитрялась. Я надевала купальник, чтобы была открытой спина, и что-то присандаливала вниз…

К тому же я очень часто попадала к режиссерам, у которых жены были актрисами. А кинопробу художественному совету должны были предоставлять минимум из трех претендентов. В эту тройку входила я. Но всегда играли жены. Какие? Называть не хочу, так как жены еще живы…

У меня тогда были обиды на Володю, мне казалось, что он повинен в этом. Мне хотелось, чтобы он закончил Высшие режиссерские курсы. Но он был до конца своей жизни актером. Он не мог без этой профессии жить…»

Что же это были за фильмы, в которых тогда снимались звездные супруги? Так, в первой половине 70-х это были: у Ивашова — «Корона Российской Империи, или Снова неуловимые» (адъютант Кудасова поручик Перов), «Дорога домой» (главная роль — Николай Мальцев) (оба — 1970), «Люди на Ниле», «Путина» (Федор Ильин) (оба — 1972), «Синее небо» (1973; главная роль — Андрей Таран), «Совсем пропащий» (1974; полковник Шернборн), «Пламя» (партизан Александр Король), «Фронт без флангов» (капитан Афанасьев) (оба — 1975).

Светличная в тот же период записала на свой счет следующие ленты: «Корона Российской Империи, или Снова неуловимые» (1970; дама в ресторане), «Держись за облака» (1972; главная роль — Милли Вимерфорд), т/ф «Семнадцать мгновений весны» (1973; Габи Набель), «Закрытие сезона» (Зоя Морено), «Скворец и

Лира» (Генриетта) (оба — 1975).

В 1974 году С. Светличной было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

Несмотря на то что Ивашов снялся в первой половине 70-х чуть в большем количестве фильмов, чем его супруга, однако запоминающихся широкому зрителю ролей в этом списке не было. Зато у Светличной такая роль случилась. Речь идет о роли Габи в культовом телесериале (12 серий) «Семнадцать мгновений весны». Попала в эту картину Светличная не случайно — режиссером фильма была та самая Татьяна Лиознова, которая еще в 1962 году сняла ее в главной роли в своей картине «Им покоряется небо».

В 1975 году Ивашов сумел догнать свою жену по части популярности — он заполучил в свои руки ту самую роль, которая на долгие годы станет его визитной карточкой. Парадоксально, но это была роль… все того же советского разведчика Максима Исаева, только более молодого (периода 20-х годов). Речь идет о фильме «Бриллианты для диктатуры пролетариата» (1976). Кроме этого, Ивашов снялся во второй половине того десятилетия еще в нескольких фильмах: «Когда наступает сентябрь» (Володя Кондриков), «Ярослав Домбровский» (Андрей Потебня) (оба — 1976), «Корень жизни» (главная роль — Андрей Барбу), «Юлия Вревская» (генерал), «Отец Сергий» (все — 1978), «Дознание пилота Пиркса» (Гарри Браун), «По улицам комод водили» (следователь) (оба — 1979).

У Светличной ролей было меньше — всего семь. Это были фильмы: «Когда дрожит земля» (1976; Ирина), «Ты — мне, я — тебе» (1977; Валя), «Корень жизни» (Сабина), «Эти невероятные музыканты», «Отец Сергий» (барыня) (все — 1978), «Недопесок Наполен III» (Меринова), т/ф «Место встречи изменить нельзя» (Надя, сестра Груздевой) (оба — 1979).

В 1978 году впервые серьезно дала о себе знать язва желудка у Ивашова. Он должен был лечь в одну из столичных клиник, однако жена внезапно узнала, что в Кургане есть хирург, который лечит эту болезнь по какой-то оригинальной методике. И наш герой отправился к нему. Операция прошла успешно, и после нее в течение более полутора десятков лет боль не давала больше о себе знать.

В 1980 году В. Ивашову было присвоено звание народного артиста РСФСР.

В те годы Светлана Светличная и Владимир Ивашов считались одной из самых красивых супружеских пар в советском кинематографе. Причем большинство людей считали их еще и горячо любящими друг друга людьми. На самом деле настоящей

любви в этой семье уже не было. Правда, об этом стало известно уже в наши дни, когда сама Светличная раздала массу интервью, в которых поведала о том, что скрывалось за красивой оберткой ее звездного брака. Цитирую:

«То, что мы так и не расстались, была не моя заслуга, а Володи. Он понимал, что я — человек очень эмоциональный, даже, может быть, непостоянный, и у меня могут быть какие-то „закидоны“, но он был однолюб, умел прощать…

Володя был очень красивым, и у него тоже были романы, — вспоминает Светличная. — Он возвращался со съемок, и я чувствовала, что у него нет той радости, которая должна быть при встрече, что он что-то скрывает. И я ревновала, могла броситься как кошка. Однажды оцарапала его, приревновав к Ларисе Лужиной. Снимались на Дальнем Востоке, Лариса играла его жену, и мне показалось, что между ними что-то было… Володя тогда сказал мне: „Светка, руки надо чаще мыть, а то инфекцию внесешь“. И собрал чемодан. Он несколько раз уходил…

Я ревновала и — в отместку — устраивала романы себе… Однажды в меня влюбился журналист из ФРГ. Его звали Петер, и он был похож на Алена Делона. Я с ним поцеловалась… и не один раз, а Володя меня после этого не бросил…

В моей жизни был один серьезный и очень красивый роман с одним высокопоставленным чиновником. Он имел при советской власти высокое положение, великолепную квартиру, иномарку. Он любил меня настолько, что пошел в ЦК КПСС и рассказал о своих чувствах ко мне. И ему разрешили развестись. Но я так и не решилась расстаться с Володей…

Я была противной. Володя был степенный. Он был, как Каренин, очень мягким. Если бы я вышла замуж за другого, наверное бы, у меня был бы не один муж. Выдержать мои „закидоны“ трудно… Я всегда делала глупости. Если кто-то не так отзывался обо мне, я начинала беситься: „Вот гад! Вот зараза!“ В очередях, бывало, вступала в перепалки. А еще так бывает, придешь домой, думаешь: „Надо было вот так еще сказать! А вот это я не сообразила!“ Мне Володя всегда говорил: „Остановись. Промолчи. Нельзя так — от тебя искры летят“. И ему от меня доставалось…»

Роман с чиновником длился у Светличной шесть (!) лет. Актриса летала к своему возлюбленному в Сочи, в Прибалтику, за границу — куда угодно, где они могли бы побыть вдвоем. Как уже говорилось, он был женат, и его вторая половина была прекрасно осведомлена об изменах мужа. Но… закрывала на это глаза, успокоенная тем, что любовница мужа тоже женщина несвободная. Знал об этом романе и Ивашов. И… тоже мирился.

Вспоминает С. Светличная:

«Как ни странно, но после случившегося наша семья стала прочнее — мы с Володей даже обвенчались. И потом у меня ни разу ни с кем не было даже легкого флирта…»

В февральском номере журнала «Советский экран» за 1983 год была помещена большая статья Г. Сухина, посвященная творчеству Ивашова. В ней критик писал следующее:

«Владимир Ивашов работает много и успешно. И все же порой создается впечатление, что некоторым режиссерам нужен не он сам, а его внешность — хорошо знакомая зрителям, его обаяние, сразу располагающее нас к его героям, его популярность, служащая залогом интереса к фильму.

А между тем каким разным, каким непредсказуемым может быть на экране Владимир Ивашов — актер, пользующийся неизменной любовью зрителей!»

Я привел этот отрывок не случайно. В нем, пускай и в мягкой форме, верно подмечена беда многих актеров, которые могли бы играть роли самого серьезного плана, однако, в силу разных причин, вынуждены были довольствоваться ролями-однодневками. Сыграв на заре своей актерской карьеры Алешу Скворцова, Ивашов в последующие годы так и не встретился с ролью, равной по масштабам этой. А ведь еще в начале 60-х, сразу после триумфа «Баллады…», один из американских журналов писал: «Голливудским звездам, готовящим юных актеров, следовало бы сесть со своими питомцами на первый самолет в Москву и устроить их в московский институт, раз там делают таких актеров из девятнадцатилетних юнцов».

Даже в Театре-студии киноактера, где Ивашов проработал 30 лет, у него случились лишь две стоящие роли: Ставрогин в «Бесах» Ф. Достоевского и Автор в пьесе А. Блока «Здесь на синей земле».

С середины 80-х годов Ивашова и Светличную все реже приглашают сниматься в кино. Так, Ивашов за все десятилетие снялся в одиннадцати фильмах (большая их часть выпала на первую половину того десятилетия), а Светличная — всего в трех. Назовем все эти ленты: у Ивашова — «Утренний обход» (1980; Олег), «Звездный инспектор» (1981; главная роль — Сергей Лазарев), «Конфликтная ситуация» (главная роль — Антон Павлович Солуянов), «Право на выстрел» (главная роль — Алексей Нилыч Никитин), «Через Гоби и Хинган» (главная роль — майор Матвеев) (все — 1982), «Жил-был Петр» (1984; Володя), «Кто сильнее его» (Николай Петрович), «День гнева» (Каст) (оба — 1985), «Друзей не выбирают» (1986; Андрей Ковальчук), «Революцией призванный» (1987; поэт), «Христиане» (1988;

репортер); у Светличной — «Третье измерение» (1982; Ольга), «День гнева» (1985; женщина с развалин), «Анна Павлова» (1986; Маша).

Будучи не столь востребованными в профессии, звездная чета все свободное время отдавала семье. Вот как об этом вспоминает С. Светличная:

«Когда младшему сыну исполнилось десять лет, Володя стал брать его с собой на охоту. В нашем доме у каждого мужчины было по ружью. Всегда приезжали с добычей. Иногда Володя возвращался грустный из-за того, что не он, а кто-то из сыновей подстрелил кабана. На лося ходили тоже. Возвращение с охоты — это значит полный дом гостей, пельмени. Хоть я не сибирячка, но лепила по пятьсот штук пельменей. К этому никто не допускался. К нам гости шли и знали, что очень хлебосольный и веселый дом. Я люблю танцевать, муж пел. Володя сам прекрасно готовил. Он сервировал стол — я была у него подсобной — так красиво, что не хотелось разрушать эту красоту…»

В тех же 80-х был момент, когда Ивашов в очередной раз едва не ушел из семьи. Об этом в наши дни поведал старший сын актера Алексей. Послушаем его рассказ:

«Однажды отец с матерью разругались и он, собрав чемодан, уехал к своей сестре Галине. В тот период он снимался в Белоруссии и познакомился на съемках с девчонкой Светой со смешной белорусской фамилией Оксюнчик. Папа влюбился! Я эту девушку увидел на семейном празднике у тети Гали. Девка молодая, красивая. Решил за ней приударить. Пригласил покурить на лоджию. А она говорит: „Леш, давай сразу начистоту, чтобы и ты не парился, и я не напрягалась. Я люблю твоего отца, и мне никто не нужен!“ Потом они с папой ездили на Дон отдыхать, жили в палатке. У Ивашова началась вторая молодость. Он светился, летал! Уже после его смерти я спросил у Гали, почему папа не женился на любовнице: с маманей он уже развелся, жил вместе с Оксюнчик. Тетя ответила: „Он боялся, что ты его осудишь!“ Та девушка потом уехала в Америку. На похоронах ее не было…»

После развала СССР в декабре 1991 года предложений сниматься нашим героям практически не поступало. А если это и происходило, то фильмы были откровенно бездарные, участие в которых было бы для них занятием постыдным. Как заявил в начале 90-х сам Ивашов: «Сейчас в фильмах много грязи. После них хочется либо запить, либо повеситься. Несмотря на трагический финал „Баллады о солдате“, после его просмотра в зрителях происходило то, что в греческом театре называется катарсис — очищение. После него хотелось жить. Сегодняшнее

кино ради эффекта готово пустить под откос все, что осталось в человеке доброго, радостного, святого».

В первой половине 90-х Ивашов записал на свой счет роли в следующих фильмах: «Фуфель» (Русинов), «Это мы, господи…» (главная роль — Рюмин) (оба — 1991), «Графиня» (Никифоров), «Иван Федоров» (Алексей Адашев), «Под маской Беркута» (главная роль — Брюс), «Слеза князя тьмы» (управляющий отелем), «Рукопись» (все — 1992), «Тридцатого уничтожить!» (полковник КГБ), «Убийство на Ждановской» (Виктор Васильевич) (оба — 1993), «Сыскное бюро „Феликс“» (1994; мистер Лоу).

Что касается Светличной, то она в 90-е годы снялась всего лишь в одном фильме: «Дом на камне» (1994).

Чтобы прокормить семью, Ивашов помимо кино вынужден был сниматься и в рекламных роликах на телевидении (таковых было два). Это было насилие над собой, но Ивашов пошел на это. Не сидела сложа руки и Светличная. По ее словам:

«Я всячески старалась помочь Володе. Доходило до того, что я хотела податься в дворники — подметать Нескучный сад. Одна знакомая предложила брать у нее три-четыре пары туфель и продавать с рук. Почти каждый день я моталась с коробками…»

В 1993 году в Театре-студии киноактера началась генеральная чистка. Новый руководитель театра — бывший парторг ГАИ — решил избавиться от «балласта» и уволил 180 актеров из 230 числившихся в труппе. В число «балласта» вошли такие актеры, как: Леонид Куравлев, Марина Ладынина, Николай Крючков и другие. Ивашов и Светличная ушли из театра добровольно. Чтобы обеспечивать семью, нужна была работа, и Владимир устроился строителем на стройку. Говорят, что, когда он в строительной робе ехал в метро на работу, многие люди узнавали его, и от этого ему было особенно неловко.

В столь тяжелое для них время Ивашов и Светличная приняли решение обвенчаться. Эта церемония прошла 9 мая 1994 года в Хамовнической церкви.

В 1995 году об Ивашове вспомнили его более благополучные коллеги и пригласили его на торжественное вручение высших кинематографических призов «Ника». Надев на себя казенный смокинг, наш герой отправился в Дом кино, с достоинством вручил призы победителям, а наутро вышел на стройку — грузить шифер и шлакоблоки.

А потом наступил роковой для Ивашова 1996 год. В январе — феврале ему пришлось работать особенно много — ему хотелось заработать достаточно денег на достойный подарок жене к 8 Марта. Она вспоминает:

«Последний год конфликты в семье начинались из-за пустяка.

Он не подавал виду, но его убивала эта работа на стройке. Он нервничал из-за того, что уже не актер, срывался. Но если раньше Володя меня обижал — я дулась, капризничала. А в последнее время, когда он уходил, я его жалела. Когда он возвращался, открывал дверь — я встречала его улыбкой, обедом. Хотя он ждал, что я не буду с ним разговаривать…

В ту весну он очень плохо себя чувствовал, но я все думала, что это авитаминоз и тяжелая работа. И хотя на стройке его щадили, но все равно с его язвой это было недопустимо…»

Во время разгрузки очередной машины с шифером Ивашову внезапно стало плохо. Срочно вызвали врачей. Е. Жариков рассказывает:

«Он надорвался, и у него открылось желудочно-кишечное кровотечение. Первая бригада врачей, которая делала ему операцию, оказалась элементарно нетрезвой, через несколько часов — повторная операция, а сердце не выдержало…»

А вот что поведал старший сын Ивашова Алексей:

«Отца забрали в Первую градскую больницу. У него было сильнейшее внутреннее кровотечение. А в тот день праздники были или выходные. Так что осматривал отца дежурный хирург, у которого, оказывается, собственное горе — дочка, кажется, разбилась… Я не виню его, нет… Но он то ли от переживаний, то ли от алкоголя ничего не заметил, когда разрезал отца. Потом уже, когда через несколько дней приехал главный хирург, все выяснилось. Начались операции. Но у папы уже сердце не выдержало. За два дня до смерти мы пришли к нему с братом в больницу, ничего не предвещало беды, мы даже пиво пили с воблой. Когда отца не стало, я купил два ящика водки и две недели лежал и смотрел в потолок…»

В. Ивашов скончался в ночь на 23 марта в 1-й Градской больнице на 56-м году жизни.

Слово С. Светличной: «Я расплакалась, когда похоронила мужа, только спустя два месяца. Как натянутая была. Я бросила курить. Сорок дней не курила, не брала в рот спиртного. Это маленькая жертва, но с нее я начала свой путь к очищению. Я хотела все понять и ощутить на светлую голову. На 39-й день, 30 апреля, я проснулась и почувствовала, что в квартире что-то происходит. Меня обуяло чувство радости. Было пять часов утра, уже рассвело. Я лежала и думала, как рано светает, — Володя ликовал, когда даже на минуту прибавлялся день. Спать не хотелось. Я повернулась на правый бок, к окну. И вдруг почувствовала, что Володя здесь. Он обнял меня физически. Я хотела обернуться, но что-то остановило меня. И мы с ним поговорили. Я спросила: „Володя, ну как там?“ И он сказал, я

запомнила это ясно: „Светка! Считай, что чемодан уже собран“. И потом он сказал еще: „Я пришел для того, чтобы сказать тебе, что я тебя очень люблю. И очень хочу, чтобы ты меня не забывала“. И я ему это обещала. И я помню эти объятия — так он обнимал, когда очень скучал. Я хотела еще что-то сказать, вдруг слышу, как наш сеттер Фил заметался радостно, хвостом машет — и я ему говорю: „Филушка, Володя был!“ Времени без пяти шесть. И я сказала сыну: „Олежка! Папа был“. И сын тоже подтвердил: „Он был у меня. Я почувствовал, как отец вошел ко мне в комнату“».

На момент смерти Ивашова его старший сын Алексей работал зубным техником. Он был женат на женщине по имени Ольга, у них росла дочь Маша, тогда — ученица 7-го класса.

Младший сын Олег работал у друга отца в авторемонтной мастерской. До этого он торговал джинсами на Тушинском рынке вместе с двумя бывшими актерами, которые помнили его отца по совместной игре в фильме «Герой нашего времени».

Со дня смерти Владимира Ивашова минуло всего два года, когда киношную тусовку облетела весть, что Светличная влюбилась. Ее избранником стал художник Сергей Сокольский, который младше ее на… 19 лет. Они познакомились на одной из богемных тусовок, после чего и начали встречаться. После нескольких свиданий Светличная сама сказала своему кавалеру: «Женись на мне!» И он женился.

Рассказывает С. Светличная: «Да, я была безумно влюблена. Даже представить не могла, что еще способна на чувство такой нежности, такой силы. Сергей — человек обаятельный, талантливый, он, что называется, буквально вскружил мне голову. Он посвящал мне замечательные стихи, слагал для меня песни. Это было похоже на прекрасный сон наяву… Я не чувствовала себя рядом с ним намного старше. По внутреннему самоощущению мы были практически ровесниками…

Скажу честно: мне хотелось, чтобы мой избранник был похож на Володю. И внешне, и внутренне. И поначалу мне показалось, что они похожи. Кроме того, я сделала все по русскому православному обряду: повезла Сергея к моей маме, чтобы она благословила нас на совместную жизнь. Мама сказала только, что Сергей — это сразу видно — человек хороший и что она за нас рада. Я посоветовалась также с младшим сыном Олегом (он жил тогда со мной). Олег был рад. Он заметил, что давно не видел меня такой счастливой. Более нейтрально отнесся к происходящему старший сын, но и он не мешал этому браку. Так что я все сделала по правилам, по-людски…»

Впервые в ранге мужа и жены Светлана и Сергей объявились на публике в июле 1998 года на детском кинофестивале в

«Артеке». Вот как описывала это журналистка «Московского комсомольца» Н. Ртищева:

«Для Светланы Светличной фестиваль стал свадебным путешествием. Парочка ходила, взявшись за руки. В каюте молодой муж Сергей играл на гитаре, пел ей свои песни, читал стихи. Светлана рассказывала всем, как Сережа хорошо поет, и зазывала всех послушать. Сергей не мог сидеть спокойно, чтобы не погладить ее волосы, не убрать выбившуюся прядь за ушко или не обнять, как бы оберегая то, что теперь принадлежит ему.

Она тоже стала писать стихи. Вместе они перестали пить, а Светлана, кажется, даже бросила курить. Ходила она в коротеньких платьицах, напоминала 16-летнюю девочку, вся светилась. Каждый день они ездили на встречи с пионерами. Сергей пел пионерам, а она говорила им, что никогда не надо стыдиться своих чувств, что любовь может прийти в любом возрасте. Такая откровенность многих на фестивале шокировала, но общее отношение к роковому повороту в жизни нашей звезды выразила интеллигентная Вера Васильева. Светличная подошла к ней за обедом: „Вера Кузьминична, вы хорошо знали Володю, а теперь я хочу вас познакомить с моим Сережей“. Вера Кузьминична улыбнулась и сказала: „Светочка, вы достойны счастья“…»

Увы, это счастье длилось недолго — всего… 25 дней. Рассказывает С. Светличная:

«Я в нем ошиблась. Пожалуй, ошибся и он, думая, что я сама купаюсь в роскоши и что его буду „купать“… Но все равно я ни о чем не жалею. Мне нужно было через это пройти. Видимо, Бог послал мне такое испытание, чтобы отныне я могла жить одна. Как я могу и как хочу…»

В конце августа 98-го Светличная почтила своим присутствием рижский фестиваль «Балтийская жемчужина» уже в ранге разведенной женщины. Но выглядела отнюдь не подавленной, а, напротив, веселой. Всем присутствующим Светлана говорила: «Видимо, мне нужно это пережить. И все, что ни делается, — к лучшему».

С тех пор Светличная замуж пока больше не выходила. В одном из тогдашних своих интервью она заявила: «Теперь-то я точно могу сказать, что больше не хочу быть замужней женщиной, не хочу иметь рядом мужчину, которого надо любить и который всегда будет проигрывать в сравнении с Володей. Я не хочу думать о каком-то молодом человеке, о том, что ему надо купить новые брюки, покормить завтраком, обедом или ужином… Мне намного интереснее отвечать только за себя, за свою собаку и кошку…»

В новом тысячелетии Светличная вернулась в большой кинематограф после 16 лет простоя. В 2004 году она снялась в фильме Ринаты Литвиновой «Богиня: как я полюбила» в роли мамы-призрака. По словам актрисы:

«Литвинова сделала мне предложение и утвердила буквально за 15 минут. „Рыбонька“, „золотце“ и „красавица“ — иначе Рината ко мне на съемочной площадке не обращалась. Но если говорить о ее картине, то у меня был абсолютно другой взгляд на этот материал. Я в принципе не согласна с ее трактовкой, но она была хозяйкой бала… Не думаю, что „Богиня“ — это моя лебединая песня. И к Ринате у меня двойственное чувство — и благодарности, и обиды…»

Спустя год Светличная снялась еще в одном фильме — «Дом у соленого озера» (2005).

А в 2006 году в жизнь актрисы ворвалось горе — 25 ноября скончался ее младший сын Олег, которому шел всего лишь 34-й год. Вот как об этом рассказала сама Светличная (журнал «Интервью», май 2008 года, автор — Н. Николайчик):

«О причине смерти Олега мне бы не хотелось говорить. Там все покрыто тайной. Сердце подсказывает, что он умер не своей смертью, хотя доказать это было невозможно. В наше время человеческая жизнь уже ничего не стоит. Особенно в деревне. Олег очень любил природу, рыбалку и охоту. Ко всему этому и Алешу, и Олега приучил Володя. Именно поэтому Олег оставил Москву и перебрался в деревню…»

А вот что рассказал об этой же трагедии старший сын актрисы — Алексей:

«Олег много мечтал. Мечтал о том, чтобы дядя жил в Америке, чтобы дядя умер и чтобы оставил большое наследство. Но это не про нашу семейку. В принципе Олег ничем не занимался. Знаете, брат чуть-чуть на гитаре играл, чуть-чуть рисовал, чуть-чуть лепил. Всего по чуть-чуть. В результате вообще заявил: уеду в тайгу и буду там жить. В конце концов отправился во Владимирскую область, обосновался недалеко от Кинешмы. В той деревне жило три человека, он четвертый. Там было ему очень тяжело. Очень. Это жизненное испытание стало для него последним… И никто его не убивал. Это мама себе напридумывала лишнего. Но, поверьте, в той деревне и убивать-то некому. Потом, когда я туда на похороны приезжал, мне показали его тело в морге. Следов убийства не было. Он умер от алкоголя. Но поймите его правильно. В той деревеньке и делать-то было нечего. И он почти один во всей округе, словом обмолвиться не с кем. Олег пил от нереализованности, безысходности. Знаете, он очень любил организовывать тусовки.

Выезды с товарищами на шашлыки… То есть был человек-праздник. И страдал, когда этот самый праздник заканчивался. И вот я думаю, что если бы он еще немножко пожил, то из него вышел бы отличный и востребованный по сегодняшней жизни организатор досуга, праздничных мероприятий. Это ведь нынче модно.

А мама считала, что он в той деревеньке пишет пейзажи. Он ей позванивал, говорил, рисую, мол, она его и хвалила…»

И вновь послушаем С. Светличную: «Гибель Олежки — это удар, после которого до сих пор тяжело дышать… Но его уход я перенесла мужественно. Сама себе поражаюсь. Мне как будто сверху кто-то диктовал, что я должна делать. Когда пришло сообщение, что нужно ехать в Рупусово в Ивановской области, а это 470 километров от Москвы, я взяла пододеяльник и подушку с наволочкой. Когда приехала в районную больницу, где лежал Олежка, там не оказалось даже носилок. И в этом пододеяльнике мы вынесли сына из морга. Хорошо, что он был новый и поэтому крепкий. Мальчик-то большой… И когда ты через это прошел, когда едешь и знаешь, что за тобой едет машина, в которой лежит твой сын… Какие вещи? Какие роли? Это все мура…

Со старшим сыном все хорошо. Сегодня я уже прабабушка. Моя внучка Машенька, дочь старшего сына, родила чудо-мальчика. В конце марта (2009-го) ему исполнилось два годика. И его зовут Володя Ивашов. Когда подрастет, узнает, кем был его прадедушка. Думаю, что „Баллада о солдате“ затронет и его детскую душу. А пока при встрече со мной он кокетничает и смущается как будущий мужчина. А через секунду уже бежит, радостно усаживается ко мне на руки и позволяет себя целовать. Володя — моя большущая радость и надежда. Доказательство того, что жизнь продолжается, а любовь и добро побеждают…

Я мечтаю о том, чтобы быть здоровой. Хотя бы относительно, чтобы не попадать в больницу, потому что очень дорогие лекарства. И еще — чтобы кто-нибудь меня полюбил. Мне не нужно уже никаких страстей. Достаточно, чтобы родной человек сказал тебе: „Доброе утро! Ты уже проснулась?“»

Однако минуло всего-то пару лет с момента этого интервью актрисы, как ее отношения с единственным сыном и его родней испортились. Почему? Камнем преткновения стало новое романтическое увлечение Светличной — молодой стилист Руслан Татьянин. Как написала в «Экспресс газете» (номер от 1 марта 2010 года) журналистка Н. Бушуева:

«Дружба со Светличной приносит Руслану Татьянину неплохую прибыль. Стилист окрестил Светлану Афанасьевну своей музой и ездит с ней по городам и весям с парикмахерским

шоу „Красота спасет мир“. Секс-дива советского кино сначала служит „манекеном“ для создания затейливых причесок, потом читает со сцены лирические стихи, посвященные милому другу. Эти же вирши можно приобрести на диске, который продают по 500 рублей организаторы зрелища. Кстати, говорят, что Руслан имеет отношение к тем квартирным аферистам, которые в свое время „опекали“ телезвезду Валентину Леонтьеву. Ее тоже причесывали, возили на показ публике, обещали выпустить снова в эфир. Светличную все эти слухи не волнуют.

— Руся нашел меня, — прокомментировала Светлана Афанасьевна. — Позвонил мне и предложил сотрудничать. Я согласилась. Он талантливый мальчик (парню около 26–28 лет. — *Ф. Р.*). Я его очень люблю и уважаю. Он выдумал меня! Если бы не его поддержка, я так и умерла бы нереализованной. А он увидел во мне красоту и показал другим женщинам, как они должны выглядеть в мои годы. Руслан такой романтичный. Постоянно балует меня подарками. Я воспринимаю его как друга. Единственного и неповторимого. Я уже думала, нет таких, как он. Разные люди все время пытаются оболгать его в моих глазах, говорят, что он аферист. Но я не могу представить себя без Русланчика. Моей пенсии элементарно на жизнь не хватает (теперь актриса получает в сутки 1000 долларов за съемки и участие в разных шоу. — *Ф. Р.*). А на личного стилиста и подавно, но случилось чудо — и появился он».

А вот что заявил в этом же интервью сын актрисы Алексей: «Началось все с квартиры. Когда братец Олег умер, у него осталась квартира в Коньково. Маманя уперлась: жилплощадь продать, а деньги положить в банк. Я ее уговорил квартиру сдавать и оплату забирать себе. На этих условиях она оформила на меня дарственную. Прошло два года. Моя дочь Маша окончила институт, ей где-то надо было устраивать личную жизнь — не все же с родителями чай с бубликами по вечерам пить. У меня у самого „двушка“, в которой я к тому же оборудовал зубной кабинет. Решил квартиру брата продать и купить дочери что-то поближе. Маме об этом даже не сказал, потому как знал — она все равно будет против. Квартира, кстати, была просто убитая. Братец у меня был своеобразный: он из лука стрелял в дверь, пробивая ее насквозь. Паркета не было. Просто хлам! Друг помог ее продать по немыслимо высокой цене. Так что квартиру мы Маше купили рядом с нами. Маманя узнала и ужасно обиделась: „А как я буду жить?! Да вы меня лишили всего!“

В итоге отца больше нет, брата Олега тоже, с Галкой, сестрой папы, мать давно рассорилась. У нее остались только я и правнук Вовка. Но ей нужен лишь Руслан! Такой, типа, „мальчик“. У него

еще какой-то приятель есть — они вдвоем ее обслуживают. Понятно одно — он мошенник. Но когда я говорю маме, что он аферист, она отвечает: „Ты больной!“ Она слушает только его!..

У мамы совершенно нет друзей, она ни с кем не общается. А в разговорах только грузит всех своим Русланчиком — дескать, как ей повезло. Некоторые наши знакомые специально не ходят на мероприятия, узнав, что там будет Светличная…

Мы для нее все „больные“. Правнук Вова — дебил, моя жена Оля — хитрая, внучка Маша — вообще сволочь, потому что не говорит бабушке, какая она великая и секс-символ. Зато Русланчик любимый и родной. А мы — так. Чужие люди…»

В мае 2010 года Светличная отпраздновала юбилей — 70 лет со дня рождения. Торжество она устроила в Пензе, где живет ее брат Олег, который родился в один день с ней — 15 мая, только на 13 лет позже — в 1953-м. Причем родня со стороны ее старшего сына Алексея в этих торжествах не участвовала.

В другом интервью актриса так описала свои взаимоотношения с сыном и его родными: «Мы не рассорились. Они немножко отошли от меня. Я жду, когда они одумаются, и не трогаю их. Это бывает в любой семье. Но я и это переживу. Подожду, когда они придут и скажут: „Как мы могли так поступить?“. У меня нет на них злобы. Я желаю, чтобы у них было все хорошо».

В ноябре того же 2010 в семье Светличной, кажется, наступило примирение. Во всяком случае, так это выглядело в материале «Комсомольской правды», появившемся на свет 15 ноября. Там Алексей Ивашов заявил диаметрально противоположное тому, что говорил до этого. Цитирую:

«У меня нет оснований думать, что Руслан Татьянин — аферист! Мы с мамой помирились. Наговорил я тогда… Слава богу, мать меня поняла…»

Далее в разговор вступила супруга Алексея Ольга, сказав следующее:

«Светлана Афанасьевна очень довольна всем, что с ней сейчас происходит! Ее ничто не смущает. Остальные пусть думают что хотят! У нее нет ни дачи, ни машины. В масштабах Москвы ее двухкомнатная квартира в спальном районе, в совершенно заурядном доме не представляет огромной ценности. Если бы стилист Руслан Татьянин преследовал, так сказать, меркантильные цели, он бы нашел себе более состоятельную женщину.

Не думаю, что ближайшие двадцать лет Светлане Афанасьевне придется думать о распоряжении наследством. Но даже если она решит распорядиться квартирой в пользу Руслана,

это ее право. Мы довольны, что рядом со Светличной находится именно Руслан. Он ничем не обременен, сопровождает ее на вечеринки, показы. Мы этого делать не можем. А им обоим это только в плюс!»

Красавица, спортсменка, комсомолка…

Наталья Варлей родилась 22 июня 1947 года в румынском городе Констанца. Как гласит семейное предание, Варлей — фамилия валлийская. Предки нашей героини попали в Россию из Англии. Это случилось в XIX веке: некий музыкант приехал к нам с туманного Альбиона и привез с собой конюшню, в которой были два жокея — братья Варлей. Затем они женились на русских девушках и окончательно обрусели.

Отец Натальи — Владимир Викторович — был капитаном дальнего плавания и со своей будущей женой — Ариадной Сергеевной — познакомился на офицерском балу в Ленинграде. Было это вскоре после войны — в 1946 году. Молодые начали встречаться, и уже осенью того же года Ариадна Сергеевна поняла, что беременна. Узнав об этом, будущий отец «кавказской пленницы» увез возлюбленную в очередное плавание. По всем прикидам молодых родителей, их ребенок должен был родиться в болгарской Варне, но в итоге местом рождения стала румынская Констанца.

Детство Варлей прошло в холодном Мурманске, где она прожила с родителями с первого по шестой класс. С малых лет Наташа была чрезвычайно одаренной: в четырехлетнем возрасте начала писать стихи, затем училась в музыкальной школе, рисовала. Когда выучилась читать, стала запоем проглатывать одну книгу за другой. Но в то же время она была очень болезненным ребенком: у нее обнаружили ревмокардит сердца и запретили заниматься в школе физкультурой.

13 сентября 1953 года в семействе Варлей родился еще один ребенок — снова девочка, которую назвали Ириной. А в начале 60-х семье пришлось разделиться. Главу семейства назначили начальником порта в Бухте Провидения на Чукотке, куда он отправился вместе с женой и младшей дочерью. А Наталью оставили в Москве с бабушкой. По задумке родителей, девочка должна была после окончания 8 классов поступить в музыкальное училище, поскольку подавала на этом поприще большие надежды. Однако попутно с этим Наталья бредила и цирком, в который влюбилась, еще будучи 11-летним подростком. Все вышло случайно.

В один из дней мама повела Наташу в цирк. Они пришли раньше положенного времени, а тут внезапно начался сильный дождь. Мама с Наташей спрятались в кассе, и первое, что девочка

там увидела, было объявление о наборе детей 11–13 лет в детскую студию при цирковом училище. Буквально на следующий день, тайком от родителей, девочка отправилась по указанному адресу. Как это ни странно, но, обмерив Наташу вдоль и поперек, проверив ее гибкость и растянутость, педагоги студии сочли возможным принять ее к себе. Родители, которые мечтали о музыкальной карьере для дочери, вынуждены были смириться с ее выбором. Рассказывает сама Н. Варлей:

«Нас, студийцев, часто занимали на представлениях в прологах. Помню, когда был хрущевский обмен денег в 1961 году, сочинили для нас танец под названием „Копейка рубль бережет“. Мы с фанерными огромными копейками по бокам выбегали на арену и радостно выкрикивали: „Копейка!“, а последняя десятая „копейка“ кричала: „Гривенник!“ И вот в очередной раз, выбегая в победном марше несокрушимой копейки, я застряла между зрителями. „Копейки“ рассчитались без меня, и гривенник получился из девяти копеек. Все очень смеялись. Кстати, на представлениях я встречалась с Юрием Никулиным…»

На последнем году учебы в цирковом училище (в 1965-м) Варлей снялась в своем первом фильме. Это был курсовой фильм Эльера Ишмухамедова (автора знаменитых фильмов «Нежность» и «Влюбленные») «Новогодний праздник отца и маленькой дочери» по А. Грину. Однако ее роль тогда мало кто заметил, поэтому новых, более масштабных предложений от кинематографистов тогда не последовало. Поэтому Варлей продолжила свою цирковую карьеру. Закончив летом того же 1965-го училище, она в качестве воздушной эквилибристки работала в разных труппах: сначала в Волгограде, затем в Саратове и Одессе. В последнем городе судьба свела ее со знаменитым клоуном Леонидом Енгибаровым. По словам Н. Варлей:

«Я попала в программу, где работал великий клоун Леонид Енгибаров, который сразу попросил меня участвовать в одной из его реприз — лирической „Сценке в парке“. Жаль, что молодое поколение сегодня почти не знает, кто такой Енгибаров. А он был уникальным, гениальным клоуном, в равной степени владевшим гимнастикой, эквилибристикой, акробатикой, жонглированием, пантомимой, актерским мастерством. Клоун-трагик, клоун-лирик. Леня пытался за мной немножко ухаживать, провожал из цирка до гостиницы, дарил цветы, читал стихи Бодлера и Элюара. Енгибарову в то время было тридцать, объективно — молодой мужчина. Конечно, в него моментально влюблялись женщины. Но мне, восемнадцатилетней дурочке, он казался слишком взрослым, почти старым. При всей своей влюбчивости я долго оставалась инфантильным домашним ребенком…»

Енгибаров уже несколько лет снимался в фильмах и имел множество друзей в киношной среде. Одним из его приятелей был режиссер с Одесской киностудии Георгий Юнгвальд-Хилькевич. В один из весенних дней 1966 года он пришел на очередное представление Московского цирка, который гастролировал в Одессе, чтобы встретиться с другом. Но, увидев там Наташу, настолько был потрясен ее внешностью, что на следующий день явился к ней в гостиницу и пригласил сниматься в своем фильме. Причем его симпатия оказалась такой сильной, что через пару-тройку дней он снял уже утвержденную на главную роль актрису Марэ Хиластэ и заменил ее Варлей. Однако худсовет это дело «завернул», в итоге главную роль сыграла очень популярная в те годы актриса Раиса Недашковская, а Варлей досталась эпизодическая роль медсестры.

К сожалению, картину на экран тогда так и не выпустили, найдя в ней то ли идеологические, то ли эстетические недостатки. Однако, несмотря на эту неудачу, съемки в этом фильме сослужили Варлей хорошую службу: именно там на нее обратила внимание Татьяна Семенова, ассистентка Леонида Гайдая, который в те дни готовился к съемкам фильма «Кавказская пленница». Когда Варлей вернулась из Одессы в Москву, дома ее уже ждала телеграмма с «Мосфильма» с просьбой явиться на пробы, которые состоялись 13 апреля 1966 года в павильоне № 9, ассистировал на них юной актрисе Герман Качин.

Заметим, что помимо Варлей на роль студентки-комсомолки Нины претендовали без малого около пяти сотен актрис, среди которых были такие звезды советского кино, как Наталья Фатеева, Лариса Голубкина, Наталья Селезнева, сестры Вертинские — Анастасия и Марианна, Наталья Кустинская, Валентина Малявина, Людмила Марченко, Виктория Федорова, Жанна Болотова, Раиса Недашковская, Наталья Величко и др. Однако Гайдай, после долгих раздумий, решил остановиться на никому тогда не известной цирковой артистке, 19-летней Наталье Варлей. И, как оказалось, не ошибся. Поскольку именно этот фильм сделал героиню нашего рассказа знаменитой, стоит рассказать о его съемках (и участии в нем Варлей) более подробно.

Съемки ленты начались 22 апреля 1966 года в 4-м павильоне «Мосфильма», но пока без участия Варлей. В тот день снимали эпизоды с участием Этуша (Саахов), Мкртчяна (Джабраил), Никулина (Балбес), Вицина (Трус) и Моргунова (Бывалый): Джабраил отчитывает троицу, которая не смогла с первой попытки похитить Нину: «Вы не оправдали оказанного вам высокого доверия». Бывалый оправдывается: «Невозможно

работать…» Трус поясняет: «Вы даете нереальные планы». А Балбес заканчивает: «Это… как его — волюнтаризм». На что Джабраил возмущается: «В моем доме прошу не выражаться…»; Шурик узнает от Нининой тети о похищении Нины.

А эпизоды с Варлей начали снимать 28 апреля в 9-м павильоне с эпизода, где она бьет Шурика (Александр Демьяненко) подносом по голове в сцене, когда он попытался ее спасти в усадьбе Саахова «Орлиное гнездо».

3 мая снимали эпизод, где Нина прикрывает свои изящные ножки скатеркой. Далее эпизоды с участием Варлей снимали в следующей последовательности.

4 мая — Нина открывает окно, но видит решетку; Нина открывает другое окно, но внизу — пропасть.

5 мая — Нина бьет кулаками в дверь, требуя, чтобы ее выпустили на свободу; в комнату к Нине входит Трус, садится на коврик, принесенный с собой; Трус умиляется, глядя на Нину, которая ест; к Нине входит Балбес с подносом на голове; Балбес кидает вверх бублик; Нина, закрыв дверь, видит перед собой дядю (его в кадре нет) и объявляет голодовку.

6 мая — Джабраил следит за Ниной; на Балбеса падает бублик; входит Бывалый; Нина принимается за еду; лицо Нины, увидевшей в замочной скважине Шурика.

7 мая — Балбес поет «Песню про султана»; Нина и троица танцуют; Нина сбегает; Трус вылетает из дверей в коридор.

10 мая — Нина хватается за веревку и встает на подоконник, чтобы прыгнуть в окно.

11 мая — к Нине входит Бывалый, встает у двери; Трус с умилением смотрит на Нину, которая стала есть.

В последующие несколько дней снимали эпизод «в ресторане» (встреча Шурика с троицей), в котором Варлей не участвовала. Она вновь вышла на съемочную площадку уже в следующем месяце, причем не в Москве, а в Крыму, под Алуштой (поселок Лучистое), куда съемочная группа приехала для съемок натурных эпизодов.

3 июня снимали эпизоды «на альпинистской базе»: Шурик прощается с Ниной. Нина: «Уже поздно. Идите…»

4 июня — снимают эпизод, где Нина спускается со скалы. Из-за непогоды сняли всего лишь один кадр (5 полезных метров).

Вспоминает Н. Варлей: «Я с собой на съемки все время возила 290 килограммов цирковой аппаратуры в надежде на то, что где-нибудь в перерыве от работы буду репетировать. Мне очень не хотелось расставаться с цирком даже на короткое время. Но не удалось. Хотя в картине хватало трюков. В кадре, где я выпрыгиваю из окна дачи Саахова, я прыгаю со съемочного крана,

с большой высоты — висела на тонкой веревке. Раскачивалась. Меня легко могло шарахнуть и о кран, и о стену…»

6 июня — Нина, глядя на Шурика в спальном мешке, смеется (когда снимали этот эпизод, Варлей никак не удавалось заразительно засмеяться. Тогда один из членов съемочной группы задрал майку и показал ей свой живот, после чего девушка искренне расхохоталась); Шурик, будучи в спальном мешке, падает на землю и катится.

В последующие несколько дней снимали эпизоды с участием Демьяненко (Шурик в диспансере, его побег из диспансера).

14 июня, в Куйбышево, снимали эпизод, где мимо Шурика и Эдика (водитель «Скорой помощи») проходит красавица Нина; следом за Ниной двигаются осел и санитарная машина; Шурик едет на осле за Ниной.

15 июня — Шурик едет за Ниной; Нина проходит мимо зеркала; Нина скрывается в лесу.

16 июня — осел тащит Шурика в лес вслед за Ниной; Шурик мчится через чащу.

17 июня — Шурик и Эдик пинают машину; идет Нина; Эдик проезжает на машине мимо Нины; Шурик на осле выезжает из леса.

19 июня — Шурик останавливает Нину: «Простите, пожалуйста. У меня к вам большая просьба: можно вас попросить идти только по шоссе, не сворачивая». Нина удивляется: «А это почему?» — «Да мой осел идет за вами как привязанный». Нина сомневается: «Осел?» — «Ну да», — отвечает Шурик. «Значит, это он меня преследовал? А я думала…» — «Нет — он!» — решительно заявляет Шурик, снимая с себя всякие подозрения; Шурик и Нина знакомятся, девушка сообщает, что приехала к тете на каникулы.

20 июня — Шурик и Нина знакомятся; Шурик тянет своего осла, но тот не идет; Шурик и Нина идут по дороге.

22 июня (село Микита) — снимают эпизоды на «альпбазе»: Шурик пробирается в лагерь, чтобы похитить Нину; Шурик шныряет среди спящих в спальных мешках людей; Шурик находит Нину.

23 июня — Шурик ищет Нину; Шурик закрывает Нину в мешке.

24 июня — Шурик едет за Ниной на осле (эпизод из начала фильма).

28 июня (Лучистое) — эпизод из финала фильма: Шурик и Нина расстаются возле остановки маршрутного такси.

30 июня (Алушта) — Нина на санитарной машине.

4 июля (Лучистое) — Шурик и Эдик на колесной бочке;

троица в автомобиле; глохнет машина у Нины; Нина садится в машину троицы; троица бежит за Ниной.

7 июля (Лучистое) — троица несет мешок с Ниной.

Вспоминает Н. Варлей: «Что касается моих отношений с троицей… Они мне очень помогали, но и сильно хулиганили. Я была молоденькая, застенчивая. Когда они меня в кадре несли в мешке, то так щипали и щекотали, что я от смеха просто плакала… в мешке…»

8 июля (Лучистое) — Нина едет на санитарной машине.

13 июля (Лучистое) — Нина в санитарной машине.

14 июля (Лучистое) — Нина угоняет машину у троицы.

16 июля (Лучистое) — Нина сигналит троице, чтобы они освободили ей дорогу; троица стоит на дороге, сцепившись руками. Кстати, эту сцену придумал Вицин. По его же словам, это самая любимая его находка в этом фильме. И, действительно, играет он в этом эпизоде — обхохочешься.

Вспоминает Н. Варлей: «У меня была ситуация, когда отказали тормоза, — когда я еду в машине и троица преграждает мне дорогу. Я должна была резко затормозить машину у определенной линии перед кинокамерой. Репетируем — все получается. Начинаем снимать — в последний момент тормоза отказывают, и я чудом не сбила оператора, не грохнулась сама…»

17 июля (Лучистое) — троица бежит за Ниной в лесу; Нина забегает в пещеру; из пещеры с ревом выходит медведь (мишка, конечно же, дрессированный, с ним рядом на съемках всегда присутствовал его дрессировщик Звонарев).

19 июля (Лучистое) — Балбес и Нина, обнявшись, переводят дух после встречи с медведем; Нина отступает от Балбеса; Трус шарахается от накидки Нины, лежащей на земле (этот гэг тоже на счету Вицина); Нину ловят в машине.

29 июля (Никитский сад) — троица и связанная Нина едут в автомобиле по лесу, петляя между деревьев.

30 июля (Лучистое) — Нина и Шурик развешивают мокрое белье.

1 августа (Лучистое) — Нина напевает «Песню о медведях», Шурик просит ее спеть; Нина поет; Шурик кидает орех вверх; Шурик оставляет Нину.

2 августа (Лучистое) — бежит Нина; Нина забирается на камень, танцует; Балбес кидает орех вниз; Нина и Шурик уходят; Балбес сваливается с дерева на своих подельников.

3 августа группа из Лучистого переместилась в Алушту. В тот день снимали эпизоды: фасад гостиницы «Юность»; идут Шурик и Нина.

9 августа (Ай-Петри) — машина застывает на краю пропасти;

Шурик вынимает Нину из машины; Нина дает Шурику пощечину, ругает его, а тот закрывает ей рот поцелуем (троица снимается в неполном составе — вместо Моргунова, которого Гайдай выгнал со съемок и отправил в Москву, в машине дублер, которого снимают со спины).

10 августа (Ай-Петри) — Шурик развязывает Нину.

16 августа (перевал) — планы Шурика и Нины.

17 — 19 августа — переезд в Красную Поляну, что под Сочи, где на берегу и в водах самой горной речки Мзымта будут сниматься речные эпизоды.

20 августа — Шурик достает Нину из автомобиля; Шурик кладет связанную Нину на землю.

21 августа — Шурик в спальном мешке плывет по реке; Нина бежит вдоль реки.

Во время съемок первого эпизода едва не случилось ЧП: страховщики, которые должны были в определенном месте перехватить спальный мешок с Демьяненко, не сумели этого сделать, и поток понес актера дальше. Пришлось организовать погоню. К счастью, через несколько десятков метров спальный мешок с актером удалось поймать.

23 августа — Балбес видит Шурика в реке, но прыгать боится — только пузо чешет; Нина прыгает в реку; Нина плывет. О том, как снимались эти эпизоды, вспоминает Ю. Никулин:

«Красная Поляна. Наша группа расположилась на берегу горной речки. Несмотря на август, вода ледяная. Отваживаются купаться (вернее, окунуться в воду) только местные мальчишки, которые уже привыкли к холодным ваннам. Героиня фильма Нина должна прыгать в горную речку, спасая Шурика. „Нет, нет! Наташа Варлей не полезет в воду! — говорит решительно режиссер Леонид Гайдай. — Не будем рисковать актрисой. Впереди еще съемки. Сделаем так: оденем одного из ребят в костюм Нины, и пусть прыгает в воду. На общем плане зритель не увидит подмены!“

Один, два, три дубля прыгающих ребят. Наташа решительно подходит к режиссеру: „Леонид Иович! В фильме я все делаю сама и прыгать буду тоже сама. Я не боюсь ни камней, ни холодной воды“.

После некоторого раздумья Гайдай соглашается. Теперь прыжок снимается более крупно. Зритель видит, что это прыгает именно Нина. Нырнув и проплыв метров тридцать, Наташа выходит (вернее, пулей выскакивает) на берег. В кустах ее раздевает медсестра, растирает спиртом и укутывает в одеяло. Наташа Варлей довольна. Раздается голос оператора Константина Бровина: „Придется переснять. На объектив камеры попали капли

воды“. И снова дубль, и снова медсестра с растиранием (конечно, в картину вошел первый дубль!).

24 августа — Шурик плывет в реке; Нина плывет за Шуриком.

25 августа — Шурик и Нина выбрались на берег, дрожат.

Вспоминает Н. Варлей: „У Гайдая была задумка, что Нина, прежде чем прыгнуть за Шуриком в воду, сначала скачет на коне, потом на ослике. Но после того, как я на глазах у съемочной группы свалилась с коня… И Гайдай решил: хватит рисковать. Вода тем более была ледяная, легко простудиться. Сначала хотели снять каскадера — ну, это уже ни в какие ворота не шло, на такую подмену я не могла согласиться. Тогда нашли девушку, похожую на меня по фигуре, она сказала, что она мастер спорта по плаванию. Она прыгнула и… стала тонуть — не умела плавать, оказывается, но очень хотелось сняться. И в конце концов мне разрешили самой прыгать со скалы. Между прочим, мне больше запомнилось не само купание, а как мы с Сашей Демьяненко сидим после купания и дрожим. Дрожим по-настоящему. Дело в том, что мы должны выглядеть на экране мокрыми. Но день был жаркий, и влага с нас мигом испарялась. Поэтому нас водой из речки поливали, а в ней градусов семь. После этой экзекуции мне налили спирта и заставили выпить, чтобы не заболела. Как добралась до турбазы, где мы жили, не помню…“

В тот же день снимали эпизод, когда колесная бочка, упав в пропасть, разбивается вдребезги. Это были последние съемки в Крыму, после которых съемочная группа вернулась в столицу, чтобы продолжить работу в павильонах „Мосфильма“.

Работа возобновилась 1 сентября, но Варлей в них пока не участвует (снимали эпизод, где Шурик грустно слушает протокол о своих пьяных „художествах“).

8 сентября — во дворе киностудии снимают открытие Дворца бракосочетаний: стоят женихи и невесты; в толпе стоит Нина. Из-за дождя в тот день удалось снять всего лишь два кадра (7 полезных метров).

13 сентября — во дворе киностудии снимают эпизоды: Нина выходит из толпы и поднимается на импровизированную трибуну.

15 сентября (двор киностудии) — Саахов, Джабраил и Нина стоят на трибуне у Дворца бракосочетаний.

В следующий раз Варлей появилась на съемочной площадке 1 октября, когда в 3-м павильоне снимали эпизод „в квартире Саахова“: хозяин дома видит сидящую в кресле Нину, хочет выйти переодеться, но мужской металлический голос (это говорит Шурик) объявляет ему: „Не беспокойся, в морге тебя переоденут“; Саахов тянется к телефону.

3 октября (павильон № 3) — нож перерезает телефонный шнур; Саахов пытается убежать, но у него на пути возникают двое мужчин — один с ружьем (Эдик), другой с кинжалом (Шурик), лица которых спрятаны под масками. Шурик говорит: „Мы пришли, чтобы судить тебя по закону гор. За то, что ты хотел опозорить наш род, ты умрешь как подлый шакал!“ Саахов в панике: „Вы не имеете права! Вы будете отвечать за это!“ На что Шурик отвечает: „За твою поганую шкуру я буду отвечать только перед своей совестью джигита, честью сестры и памятью предков“. Саахов бросается к девушке, сидящей в кресле: „Нина, остановите их! Мы с вами современные люди, но это средневековая дикость! Ну, я нарушил этот кодекс, но я готов признать свои ошибки“. Нина резко встает с кресла и, сверкая глазами, говорит: „Ошибки надо не признавать, их надо смывать… кровью“. Саахов пытается убежать, но его настигает выстрел из дробовика, заряженного солью, в пятую точку.

7 — 8 октября — 12 человек съемочной группы отправляются в Алушту, чтобы доснять и переснять несколько эпизодов на натуре из начала и конца фильма.

11 октября (Алушта) — Шурик и Нина идут по дороге, направляясь к остановке маршрутного такси.

12 октября (Алушта) — Нина стоит в толпе на открытии Дворца бракосочетаний; Нина смеется. На этом съемки Варлей в фильме завершились.

С 17 октября продолжается монтаж и озвучание фильма. Роль Нины поначалу озвучивала сама Наталья Варлей, но у нее это плохо получалось, поэтому вызвали профессиональную дублершу, актрису Надежду Румянцеву. 21 октября она начинает озвучивать роль Нины.

30 ноября фильм был показан генеральной дирекции „Мосфильма“, которая приняла его без поправок. Однако с Госкино вышла „накладка“. О том, что произошло, рассказывает Я. Костюковский:

„Кавказская пленница“ принималась вечером в пятницу (23 декабря. — *Ф. Р.*) одним большим начальником из Госкино. По тому, как он смотрел, уже было ясно, что ничего хорошего нас не ждет. Но когда зажегся свет, мы поняли: никаких замечаний, сокращений, переделок не будет. Большой начальник просто сказал: „Эта антисоветчина выйдет на экран только через мой труп“. В понедельник мы собрались для окончательной расправы. Естественно, сотрудники Госкино нас уже не узнают — зачем, если фильм кладут на полку.

И вдруг большой начальник заглатывает меня своими объятиями и лепит такой мужской с засосом поцелуй. Чиновники

быстро ориентируются и кричат: „Какое там совещание! Давайте высшую категорию!“ Мы в шоке. Но больше всего меня потряс самый большой начальник, который провозглашает: „Ну, что я вам говорил?“ Конечно, если бы я был человеком принципиальным, я бы сказал: „Вы говорили, что фильм выйдет только через ваш труп“. Но я молчу…

Мы не просто теряемся в догадках, мы, повторяю, в шоке. Потом выясняется: после нашего предварительного разгрома, поздно вечером в пятницу в Госкино позвонили от Брежнева и попросили на выходные „что-нибудь посмотреть“. Так „Кавказская пленница“ попала на правительственные дачи, и кончилось это тем, что Брежнев позвонил в Госкино и поблагодарил за прекрасную комедию…»

Итак, в понедельник, 26 декабря, фильму была присуждена 1-я группа по оплате, причем перевес голосов был подавляющим: за 1-ю проголосовали 13 человек, за 2-ю — 3 человека. 6 января 1967 года сценарно-редакционная коллегия Главного управления художественных фильмов разрешила выпустить картину на экран.

Согласно бухгалтерским документам, съемочной группе фильма удалось снять картину с экономией денежных средств в сумме 25 313 рублей. По тем временам огромные деньги. Сами создатели фильма получили за работу над ним следующие суммы:

Л. Гайдай — 4140 рублей плюс 2000 рублей за сценарий; А. Демьяненко — 5220 рублей (74 съемочных дня, 10 дней озвучания); Н. Варлей — 1219 рублей 24 копейки (Надежда Румянцева за озвучание роли в течение 7 дней получила 237 рублей 50 копеек); В. Этуш — 1800 рублей (24 съемочных дня, 6 — озвучание); Ф. Мкртчян — 939 рублей (24 съемочных дня, 4 — озвучание); Ю. Никулин — 4238 рублей (43 съемочных дня, 6 — озвучание); Г. Вицин — 3389 рублей 84 копейки (34 съемочных дня, 5 — озвучание); Е. Моргунов — 1979 рублей 50 копеек (29 съемочных дней, 5 — озвучание); Р. Ахметов — 1031 рубль 78 копеек (31 съемочный день, 6 — озвучание); М. Глузский — 194 рубля 80 копеек (2 съемочных дня, 2 — озвучание); Н. Гребешкова — 279 рублей 40 копеек (5 съемочных дней, 7 — озвучание).

25 января 1967 года Леонид Гайдай и директор фильма Л. Фрейдин обратились к руководству киностудии с просьбой выплатить постановочное вознаграждение создателям картины. В список тех, кому полагалось вознаграждение, угодили 16 человек. Среди них были: Л. Гайдай (8000 рублей — общая сумма за фильм), К. Бровин (3000), Н. Варлей (450), В. Этуш (450), Ф. Мкртчян (200), Г. Вицин (450), Ю. Никулин (450).

«Кавказская пленница» пока только готовилась к всесоюзной

премьере, а Варлей уже включилась в новые съемки. Она была утверждена на главную роль (Панночка) в картине «Вий» по Н. Гоголю. Это был своего рода первый фильм ужасов по-советски, который по странному стечению обстоятельств был включен в производственный план 1967 года — года 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В этом был некий мистический символизм. Какой? Для этого надо напомнить суть «Вия».

Главным героем в нем был недавний выпускник духовной семинарии, который на самом деле был плохим христианином — вера в Бога у него была некрепкая (отсюда и имя Гоголь ему дал соответствующее — Хома, которое напоминает другое имя — Фома, при упоминании которого в народе обычно добавляют Неверующий). И вот этот Хома Неверующий вынужден отпевать в церкви ведьму Панночку, которая насылает на него всякую нечисть: вурдалаков, чертей, упырей и т. д. И защищается от них Хома не столько молитвой (поскольку христианин плохой), сколько с помощью колдовства — начертив вокруг себя магический круг. Но и тот не помогает, когда перед ним появляется главный упырь — Вий. Не сумев побороть в себе искушение, Хома глядит на него, чем и подписывает себе смертный приговор — нечисть преодолевает силу магического круга и убивает Хому. Ведь вера в Бога у него показная, ненастоящая.

Точно такого же Хому Неверующего в том далеком 1967 году представлял из себя и советский народ. Еще совсем недавно он верил в коммунизм, но постепенно эта вера из него стала уходить. И он стал все чаще заглядываться на капиталистический Запад, который в итоге и станет для него упырем-могильщиком — своеобразным Вием. И спустя 24 года после съемок первого фильма ужасов по-советски СССР постигнет та же участь, что и гоголевского Хому — нечисть его растерзает. Впрочем, тот же Вий до сих пор терзает и Россию, которая, отринув советский атеизм, на самом деле до сих пор так и не смогла стать по-настоящему верующей страной. Однако это совсем иная история, мы же обратимся непосредственно к съемкам фильма «Вий», где главную женскую роль суждено сыграть героине нашего рассказа — Наталье Варлей.

Снимать ее начали 20 июля 1966 года на Украине, под Черниговом. Режиссерами были дебютанты, недавние выпускники Высших режиссерских курсов Константин Ершов и Георгий Кропачев. На роль ведьмы Панночки они взяли популярную ленинградскую актрису Александру Завьялову, эпизоды с участием которой должны были снимать в сентябре. 19-го

актриса приехала на съемки, но дела у нее не заладились с самого начала — сниматься она так и не смогла, угодив прямиком со съемочной площадки… в больницу. Сразу после этого в группе пошли нехорошие разговоры о том, что роль Панночки — дьявольская, отсюда, мол, и болезнь актрисы.

Кстати, еще на стадии проб многие актрисы отказывались от этой роли, как и от роли старой Ведьмы. В результате на роль последней пришлось брать не женщину, а мужчину — актера Николая Кутузова. Но вернемся к Завьяловой.

5 октября она попросила временно освободить ее от съемок по причине плохого самочувствия и, получив такое разрешение, покинула съемочную группу. Возобновить съемки она должна была 29 ноября, для чего вновь приехала в съемочную группу (та уже находилась в Москве, где проводились павильонные съемки эпизод «дом сотника»). Завьялова начала сниматься, но делала это явно через силу. Говорили, что после возвращения из Чернигова домой с ней провел разъяснительную беседу ее супруг, который посоветовал жене отказаться от «нехорошей» роли Панночки. Поэтому Завьялова снималась через силу. А 1 декабря, отснявшись в очередном эпизоде, актриса внезапно заявила, что отказывается от роли. Пришлось срочно подыскивать ей замену.

Эти поиски происходили на общем кризисе вокруг фильма. Дело в том, что худсовет киностудии, отсмотрев отснятый материал, остался недоволен увиденным. Игра актеров оставляла желать лучшего (в том числе и Завьяловой), съемка была убогая, монтаж никудышный. Дебютанты оказались явно не на высоте, и, чтобы не загубить картину окончательно, надо было срочно принимать радикальные меры. Их приняли, прикрепив к режиссерам-дебютантам двух мэтров: одного из лучших киносказочников страны режиссера Александра Птушко и его верного оператора (прежнего, В. Пищальникова, с «Вия» убрали) Федора Проворова (они вместе сняли такие блокбастеры, как «Каменный цветок» (1946), «Садко» (1953), «Илья Муромец» (1956). Именно после появления в группе этих людей в картине и объявилась Наталья Варлей. Впрочем, не она одна.

На роль Панночки в самом начале января были отобраны две молодые актрисы: Жанна Болотова (как мы помним, она также пробовалась и на роль Нины в «Кавказской пленнице») и Наталья Варлей (ее кандидатуру продвигала все та же Татьяна Семенова, что нашла ее для «Кавказской пленницы»). 13 января 1967 года были сделаны фотопробы этих актрис. А четыре дня спустя прошли их кинопробы.

19 января Болотова и Варлей должны были попеременно сняться в очередном эпизоде фильма: там, где Хома (Леонид

Куравлев) проводит первую ночь в церкви, а Панночка лежит в гробу. Однако Болотова лечь в гроб не захотела и от роли отказалась. Зато Варлей оказалась куда более бесстрашной (недаром что эквилибристка), и в итоге именно она была утверждена на главную женскую роль. Ее съемочные дни в этом фильме выглядели следующим образом.

20 января — в 8-м павильоне снимали первую ночь Хомы в церкви с участием Куравлева и Варлей.

23 января съемки того же эпизода были продолжены. Его же снимали и 25–27 января, 31 января — 3 февраля, 10 февраля.

13 февраля в 13-м павильоне сняли злость Панночки (эпизод снимался на специальном вибраторе, который трясся и качался вместе со своим седоком).

14 февраля с двух часов дня до одиннадцати вечера снимали полет Панночки в гробу. Вообще гробов было три: в первом Панночка лежала, во втором летала, а третий летал с закрытой крышкой (последний гроб был в два раза меньше двух остальных, поэтому его перемещать было легче). В основание гроба, в котором летала Панночка, был вмонтирован металлический штырь— кронштейн, к которому и пристегивали актрису монтажным поясом. За спиной, под балахоном, у нее была закреплена надежная опора. Но даже несмотря на все эти ухищрения, а также на то, что в гробу предварительно перелетали многие из членов съемочной группы, Варлей опасалась этих полетов (и это при том, что она закончила цирковое училище по специальности «акробатка»!). Видимо, эта боязнь ей потом и аукнулась.

В разгар съемки «полета» Варлей внезапно потеряла равновесие и рухнула вниз. К счастью, стоявший поблизости Куравлев сумел вовремя подставить руки и смягчил падение актрисы. Она отделалась всего лишь синяком. Однако спустя несколько дней по стране поползли слухи, что на съемках «Вия»… разбилась молоденькая актриса. Верующие люди замечали: мол, это неспроста, это Бог гневается на создателей дьявольского фильма.

15 февраля снимали вторую ночь Хомы в церкви. Эту же ночь запечатлевали на пленку 16 — 17-го, 20–23 февраля. 28 февраля снимали одну Варлей — сняли кадры на инфраэкран.

6 марта снимали третью ночь Хомы в церкви с участием все тех же актеров. На следующий день съемки продолжились, только теперь там еще появились и чудища. Это были куклы в количестве 14 штук (три стоили по 13 рублей 50 копеек, шесть — по 10 рублей, три — по 7.50 и две по 2.20). Здесь же бегали и актеры, игравшие живую нечисть — упырей, вурдалаков и

вампиров. Всех загримировали так, что они выглядели лысыми и голыми. Некоторые имели синюшный оттенок, другие — серовато-черный.

9 — 10 марта съемки эпизодов с чудищами и нечистью продолжили. По команде Панночки они нападали на Хому, но никак не могли пробить тот магический круг, который он начертил вокруг себя мелом на полу.

13–15 марта съемки с участием чудищ и нечисти продолжились.

16 марта снимали все тех же Панночку и Хому, а также нечисть, которая лезла по вертикальной стене. Снимали этот трюк хитро: из толстых досок сколотили «стену», которую поставили под углом к полу и съемку вели сверху, с операторского крана. В роли нечисти здесь снимались 12 гимнастов и 4 батутчика (гимнастам платили по 10 рублей 50 копеек на брата, батутчикам почти в два раза больше — по 20 рублей).

17 марта начали впервые снимать Вия (костюм для этого чудища делали из мешковины, а вместо рук ему «присобачили» корни деревьев — в этой роли снимался спортсмен-тяжелоатлет). Однако Варлей в тот день не снималась и вновь объявилась на съемочной площадке 20 марта (снимали все того же Вия).

21 — 22 марта Варлей снималась в эпизодах с Вием.

23 марта она доснималась в эпизодах по новому сценарию А. Птушко.

28 марта с участием Варлей, Куравлева и нечисти были проведены комбинированные съемки.

29 марта была проведена пересъемка эпизода «комната сотника» из начала фильма (того эпизода, где снималась А. Завьялова).

30 марта Варлей и Куравлев участвовали в комбинированных съемках.

Тем временем в понедельник, 3 апреля 1967 года, состоялась премьера «Кавказской пленницы». Только в Москве фильм одновременно начал демонстрироваться в 53 кинотеатрах. И везде был аншлаг. Картина принесла его создателю Леониду Гайдаю еще больший успех, чем все предыдущие ленты, — он занял 1-е место, собрав на своих сеансах 76,54 миллиона зрителей. До этого ни одному советскому режиссеру не удавалось собрать на своих фильмах столько зрителей.

А работа над «Вием» продолжается. 5 апреля началось речевое озвучание фильма. Причем, как и в случае с «Кавказской пленницей», было принято решение озвучить роль Варлей с помощью другой актрисы. На этот раз ею стала актриса театра

«Современник» Е. Миллиотти. Но уже спустя несколько дней Птушко забраковал работу Миллиотти и вызвал на озвучание другую актрису — Клару Румянову (через год именно она начнет озвучивать Зайца в «Ну, погоди!»).

А что же Варлей? Она в том апреле отправилась с цирковыми гастролями в Горький. И там впервые поняла, что к ней пришла всесоюзная слава, вызванная выходом на широкий экран «Кавказской пленницы». Актрисе буквально не давали прохода возбужденные почитатели ее таланта. Когда она с цирком приехала на гастроли в Горький, возле здания, где проходили представления, собралась внушительная толпа, которая желала получить автограф у молодой звезды. Эта толпа стояла у цирка три дня, с каждым днем увеличиваясь в размерах. В конце концов, нашу героиню пришлось срочно выводить из цирка через черный ход и уводить подальше от этого места.

В другом городе актрису поселили на втором этаже гостиницы, и каждый вечер к ней на балкон забирались поклонники, которые настойчиво предлагали ей руку и сердце. А однажды случилось и вовсе невероятное. К ней пришел незнакомый мужчина и потребовал с нее… денег. Как оказалось, утром того дня к нему в магазине подошла девушка и, представившись актрисой Варлей, попросила у него взаймы денег. «Мне не хватает на сапоги, которые я для себя здесь присмотрела. Вы не волнуйтесь, я живу в гостинице недалеко отсюда, и вечером вы можете зайти ко мне за долгом». Говорила она это с таким искренним выражением лица, что мужчина не смог ей отказать. И вот теперь мужчина требовал этих денег от настоящей Варлей. «Но я ведь не похожа на ту девушку», — пыталась вразумить своего посетителя наша героиня. «Но вы и на Варлей не очень-то похожи, — произнес неожиданно незнакомец. — У вас и волосы другие, чем у Нины в фильме». Актрисе потребовалось еще несколько минут, чтобы доказать мужчине, что она — настоящая Варлей, а девушка из магазина — аферистка.

С тем же Горьким связаны и другие события в жизни Варлей — глубоко личные. Какие? Послушаем ее собственный рассказ:

«К нам в дом (актриса жила с родителями и сестрой в Доме полярников на Суворовском бульваре в Москве. — *Ф. Р.*) постоянно ходил друг семьи Аркадий, он преподавал математику. Аркадий был давно и безуспешно в меня влюблен. И вот однажды, чтобы повысить свой статус в моих глазах, привел к нам в гости известного актера Николая Бурляева. Сидели, разговаривали. Хоть Колю и нельзя назвать красавцем — худенький, к тому же заикался, — но было в нем что-то такое, что заставило меня…

нет, еще не влюбиться, но заинтересоваться им.

— Ты видела „Иваново детство“? — спросил Коля.

— Нет.

— Обязательно посмотри, очень рекомендую.

Мы жили рядом с Кинотеатром повторного фильма, на Суворовском бульваре. Хорошо помню неполный зал и поразивший меня взгляд Колиных глаз в финале картины.

Бурляев позвонил и пригласил на спектакль, я наговорила ему множество теплых слов по поводу его роли Ивана. Мы стали встречаться. Отношения наши стремительно набирали обороты.

Перед его выпускным спектаклем в Щукинском училище „12 разгневанных мужчин“ Коля встретил меня, посадил на лучшее место. Едва занавес открылся и Бурляев произнес на сцене первую фразу, из зала демонстративно, стуча каблуками и хлопнув дверью, выбежала Наташа Богунова. Видимо, у них на съемках фильма „Мальчик и девочка“ был серьезный роман. Увидев, что Коля привел на спектакль Варлей, она не смогла сдержать ревности.

Я же посмотрела спектакль и уехала с цирком на гастроли в Горький. Там и застала меня премьера „Кавказской пленницы“… Туда же неожиданно, не предупредив, приехал Коля Бурляев. После представления встретил у служебного входа с цветком в замерзших руках. Апрель тогда выдался очень холодным.

— Наташа, то, что ты делаешь на арене, потрясающе. Я думал, у меня сердце разорвется от страха.

— Спасибо, но я хочу уйти и поступать в Щукинское училище.

— О чем ты?! Разве можно бросать цирк, для которого ты создана?!

— Знаешь, я приняла решение стать актрисой.

Коля еще долго убеждал по дороге в гостиницу, что этого делать не стоит. Он тонко чувствующий человек. И понимал, что театральная среда непременно нас разлучит. Коля остался у меня ночевать. Это была моя первая ночь с любимым мужчиной. Я стала женщиной. Утром в нашем маленьком номере, уже как жена, готовила завтрак.

— Когда ты вернешься в Москву, пойдем в ЗАГС, — сказал Коля.

Его предложение выйти замуж я приняла безоговорочно. По-другому между нами и быть не могло…»

Вернувшись в Москву, Варлей вновь появилась на съемочной площадке фильма «Вий». Это было 26 апреля. В тот день прошла досъемка эпизода «украинский ландшафт». На этом участие Варлей в съемках «Вия» закончилось. Зато она уволилась из

Старого цирка и подала заявление в Щукинское (заявление в ЗАГС они с Бурляевым подадут чуть позже). В цирке ее многие отговаривали от этого шага: мол, снимаешься в кино — и пожалуйста, но зачем уходить из цирка?! Но Варлей сделала так, как решила.

В училище Варлей поступила с первого захода. Когда об этом узнали «щукинцы», они сбежались посмотреть на знаменитую «кавказскую пленницу». Среди них был и будущая звезда — студент уже 3-го курса Леонид Филатов. Он был сильно влюблен в Варлей и, когда узнал, что она уже несвободна (собирается выйти замуж за Бурляева), раздобыл ее домашний адрес и начал уговаривать ее отменить свадьбу. «Я так тебя люблю, что ни один Коля на свете не сможет со мной сравниться», — уверял девушку Филатов. Но все его попытки были тщетны.

Между тем против этой свадьбы был настроен не только один Филатов — не хотели этого и родственники Варлей. По ее же словам:

«Моя мама, узнав, что у Бурляева серьезные намерения, была в ужасе. Колиных фильмов она не видела, он ей не очень нравился. Мама пыталась отговорить меня. Папа проявлял большую сдержанность, но и он не скрывал, что хотел бы видеть рядом с дочерью более основательного человека. Общее мнение сформулировала бабушка: „Не та партия! Не та!“

Колины родители, братья, сестра Люся (я дружу с ней и ее детьми по сей день), напротив, приняли меня с распростертыми объятиями. В общем, свадьба неумолимо приближалась…

Она состоялась в огромной комнате Бурляевых на улице Горького. Народу набилось множество: актеры, режиссеры, Колины сокурсники. Пришли Никулин с Этушем. Юрий Владимирович сочинил смешные стихи. Гуляли шумно и весело.

А после свадьбы сразу уехали большой компанией в Новый Свет. Там были Ваня Дыховичный, Маша Вертинская, Боря Хмельницкий, Максим Шостакович с женой Леной, другие Колины друзья. Каждое утро мы с Машкой заплывали далеко в море. А потом занимались нашим нехитрым хозяйством. Жили не сильно богато, жарили помидоры, пили копеечное вино.

Когда медовый месяц подошел к концу, вернулись в Москву в Колину комнатку, где помещались только кровать и столик. У меня начались занятия в Щукинском, а Бурляев пошел работать в Ленком…».

27 ноября 1967 года состоялась премьера фильма «Вий». Конечно, по сравнению с «Кавказской пленницей» он вызвал меньший зрительский ажиотаж, собрав на своих сеансах аудиторию в количестве 32,6 млн. человек (13-е место), однако

славу Варлей все же увеличил. На тот момент она считалась одной из самых популярных молодых актрис советского кинематографа. Это было время ее подлинного триумфа.

Заметим, что в том юбилейном году (как мы помним, на него выпало 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции) на экраны СССР вышло 127 художественных фильмов. Из них более чем в 30 картинах главные женские роли сыграли дебютантки. То есть более 30 советских актрис в том году сделали свой первый весомый шаг на пути к всесоюзной славе. Этих актрис можно разделить на два потока: счастливчиков и неудачников. Наталье Варлей суждено будет попасть в первый поток (востребованные актрисы), в котором помимо нее окажутся всего-то полтора десятка актрис. Среди этих счастливчиков назову следующих: Инну Чурикову («В огне брода нет»), Маргариту Терехову («Бегущая по волнам»), Ирину Мирошниченко («Их знали только в лицо»), Нину Русланову («Короткие встречи»), Валентину Теличкину («Осенние свадьбы»), Аллу Демидову («Стюардесса»), Светлану Тому («Красные поляны»), Людмилу Максакову («Татьянин день»), Наталью Тенякову («Старшая сестра», «Зеленая карета»).

Среди неудачников также назову лишь нескольких: Галину Фигловскую («Женя, Женечка и „катюша“»), Валентину Николаенко-Лысенко («Свадьба в Малиновке»; она училась на одном курсе с Варлей, подавала большие надежды как актриса, но в итоге в кино снималась мало, но зато потом стала прекрасным педагогом в родном щукинском училище, где среди ее учеников есть и нынешние звезды российского кино: Екатерина Гусева, Даниил Страхов), Сильвия Берова («Герой нашего времени»), Земфира Цахилова («Два билета на дневной сеанс»), Александра Соловьева («Дом и хозяин»), Татьяна Волошина («Туманность Андромеды»).

Но вернемся к Наталье Варлей.

Итак, она дебютировала в 1967 году. Причем ее случай по-своему уникальный. Из тех более чем 30 актрис-дебютанток только две выстрелили дуплетом — снялись сразу в двух фильмах. Это Варлей и Наталья Тенякова («Старшая сестра», «Зеленая карета»). Однако Тенякова затем ушла в тень — она редко снималась в кино, целиком посвятив себя театру. А Варлей, наоборот, стала востребованной актрисой как в кино, так и в театре. В период с 1967 по 1987 год она снимется почти в 40 фильмах, из которых в 14 сыграет главные роли. Из тех более чем 30 актрис, дебютировавших в 1967 году, она по главным ролям займет почетное 3-е место, пропустив вперед себя Маргариту Терехову (20 ролей) и Нину Русланову (15 ролей).

Когда «Вий» вышел на экраны страны, Варлей уже училась в Театральном училище имени Щукина (на этом же курсе, которым руководил Ю. Катин-Ярцев, учились и будущие «звезды»: Наталья Гундарева, Юрий Богатырев, Константин Райкин). Параллельно с учебой она продолжала сниматься в кино: так, в 1969 году записала на свой счет очередную картину, где опять же исполнила главную роль — военную драму «Золото» по Б. Полевому. В нем Варлей играла свою сверстницу, но военной поры — машинистку Госбанка Мусю Волкову, которая в суровых условиях начала войны спасает государственные деньги. Однако в последующие два года у Варлей больше не будет главных ролей в большом кинематографе, поскольку, во-первых, трудно было совмещать учебу и активную работу на съемочной площадке, во-вторых — вмешаются события на личном фронте. Впрочем, расскажем обо всем по-порядку.

В период 1969–1970 годов Варлей запишет на свой счет еще три роли в большом кино, но это были второплановые, а то и вовсе эпизодические роли. Так, в фильме «Бег» она сыграла девочку с козой, в «Семи невестах ефрейтора Збруева» — одну из невест главного героя по имени Галина Листопад, а в гайдаевской экранизации «12 стульев» — ту самую Лизу Калачеву, из-за которой Кису Воробьянинова ударил «бес в ребро», после чего он бездарно растранжирил 200 рублей, вследствие чего охотникам за бриллиантами не хватило денег, чтобы выкупить вожделенные стулья на аукционе.

Была в этом списке и одна главная роль, но это было телевизионное кино: фильм «Бушует Маргарита», где Варлей сыграла эту самую Маргариту по фамилии Озерова.

Уже в самом конце учебы Варлей наконец вернулась на главные роли в большом кинематографе. В фильме ленинградского режиссера Георгия Раппапорта «Черные сухари» (1972) она сыграла юную комсомолку Таню времен первых лет революции. Действие картины разворачивалось в 1918 году и повествовало о том, как питерские комсомольцы по заданию Ленина везли в Германию хлеб (сухари) для голодающих немецких рабочих. Варлей играла помощницу командира продотряда — убежденную комсомолку, готовую ради своей ответственной миссии пожертвовать всем, в том числе и своей молодой жизнью. Во время этого задания ее героиня влюблялась в немецкого военнопленного Курта.

Между тем в реальной жизни Варлей «крутила любовь» со своими соотечественниками, среди которых были сплошь одни ее коллеги-артисты. Об одном из них речь у нас уже шла в начале — Николай Бурляев. Выйдя за него замуж летом 1967 года, героиня

нашего рассказа прожила с ним недолго — около трех лет. После чего они разбежались в разные стороны. Почему? Вот как об этом рассказывает сама актриса:

«Уже в наши дни мы как-то встретились с Колей на „Кинотавре“ в Сочи. Он познакомил меня с женой и сыном Георгием. Разговорились. Коля обронил такую фразу: „Я все думаю, как ты со мной жила? Я был таким чудовищем“.

Конечно, он преувеличил. Просто в ту пору, когда мы жили вместе, Коля был уже богемным мальчиком, который постоянно общался со взрослыми актерами и режиссерами. „Звездной болезнью“ он не страдал, но цену себе знал. И был абсолютно не приспособлен в быту. Да и лет ему тогда было двадцать, а мне — девятнадцать…

Придя в Ленком, Коля попал в спектакль „Суджанские мадонны“, где играл вместе с Ириной Печерниковой. Когда на премьере я увидела их на сцене, внутри будто ключик повернулся.

— Коля, что у тебя с Печерниковой?

— Ничего! Ты что?! Ира выходит замуж за поляка (за рок-музыканта из Польши. — *Ф. Р.*), я даже передавал ему ее фотографии, когда ездил в Польшу на съемки.

Это сейчас я понимаю, что, хоть и не бывает дыма без огня, не всегда мучительная ревность обоснованна. А тогда… Мы стали часто ссориться. Коля сделался невнимательным, порой даже грубым. Я обижалась, собирала вещи и уезжала к маме. Несколько дней держалась, а потом становилось так безумно тоскливо, что я возвращалась обратно. Коля меня всегда радостно встречал, считая мои эскапады дурью.

Однажды после очередной ссоры я вернулась в квартиру на улице Горького, приоткрыла дверь нашего пенальчика и увидела, как за столом мирно сидят и едят приготовленный мною супчик Коля и Ира Печерникова. Это выглядело так по-домашнему, по-семейному… В груди резануло болью, я развернулась и ушла. Потом Коля приехал за мной, умолил вернуться.

Но трещина в наших отношениях росла. Я ревновала мужа к партнершам, а он меня — к сокурсникам, учебе, Филатову. И слово „развод“ стало все чаще звучать во время наших ссор…

Я все чаще уходила от Коли и все дольше задерживалась у своих родителей. К концу первого курса мы с Бурляевым фактически расстались, только развод еще не успели оформить…»

Естественно, как только стало известно, что Варлей и Бурляев расстаются, тут же объявились новые-старые претенденты на ее руку и сердце. Первым был Леонид Филатов, который «положил»

на нее глаз еще год назад.

Еще одним кавалером был… иностранец. Причем Варлей имела все шансы укатить с ним на Запад и жить там вполне обеспеченно. Но она сама этого не захотела. Вот ее собственные слова:

«К нам в училище приехали из Бельгии студенты театральных вузов. Возглавлял эту компанию Люсьен Хармегинс, сын министра обороны Бельгии. Мы подружились. Потом, когда они вернулись домой, я стала получать от Люсьена письма. Приглашал в Бельгию, звал на виллу в Ниццу. А чтобы мне в голову не приходило ничего дурного, предлагал взять с собой подружку. В общем, влюбился и очень хотел на мне жениться. Но у меня тогда были совершенно другие планы. Если бы он появился в моей жизни раньше, чем Володя, возможно, все сложилось бы по-другому…»

Володя, о котором идет речь, не кто иной, как сын Нонны Мордюковой и Вячеслава Тихонова. Он был однокурсником Варлей по «Щуке» и влюбился в нее по уши. По словам самой актрисы:

«Володя влюбился в меня, когда увидел „Кавказскую пленницу“. Он был молодым, сильным, крепким. Это был очень способный человек, с прекрасными внешними данными, добрым по сути. Володя четыре года ночевал на чердаке, чтобы увидеть, как я прохожу мимо…

Он познакомил меня со своими друзьями: Толиком по кличке Дорога (я тогда и предположить не могла, что это наркоманское прозвище) (Владимир Тихонов еще в подростковом возрасте начал баловаться наркотиками. — *Ф. Р.*) и Петей Башкатовым — сыном дворничихи. Ко мне эти милые и славные ребята отнеслись хорошо. Вовка влюблен, надо его поддержать.

Сначала я не понимала: откуда Володя знает, что я ссорюсь с Бурляевым? Потом выяснилось — у Дороги девушка работала на телефонном узле. Когда я сбегала от Коли к маме и начинала тосковать по своему законному мужу, мы с Бурляевым часами разговаривали по телефону. Иногда в наш разговор врывался глубокий вздох.

— Что это? — спрашивал Коля.

— Не знаю, — отвечала я.

Хотя прекрасно понимала: это девушка Дороги подключила Володю к нашему разговору и он страдает в трубке. Такое трогательное чувство кружило голову…»

На последнем году учебы Варлей и Тихонов вместе участвовали в дипломном спектакле «Снегурочка» по пьесе А. Островского: она играла Снегурочку, а он — влюбленного в нее

Мизгиря. В результате любовная история, которую они переживали на сцене, соединила их окончательно. Узнав об этом, Филатов буквально взорвался. Однажды подкараулил Варлей в коридоре училища и, схватив ее за плечи, стал трясти и кричать: «Как ты могла променять меня — такого умного, талантливого — на эту красивую дубину?..»

Но Варлей променяла. И уже очень скоро пожалела об этом, поскольку внезапно узнала, что ее новый возлюбленный — наркоман. По ее словам:

«По мере того как Володю засасывали наркотики, он становился все более жестким, даже жестоким. Я долго отказывалась верить в то, что Володя — наркоман. И что это очень серьезно.

Родители построили кооператив на Дмитровском шоссе и переехали, оставив мне коммуналку на Суворовском. Володя сразу переселился. Мы готовились к свадьбе. Я уезжала на съемки (в 1971 году Варлей снималась на „Ленфильме“ в „Черных сухарях“. — *Ф. Р.*), а к Володе тут же являлись друзья. Соседки мне потом докладывали: „Наташа, в ваше отсутствие Володя вел себя неадекватно. У него собиралась компания, там происходило что-то нехорошее“.

Я стала находить в комнате не только пустые бутылки, но и какие-то таблетки, шприцы. Спрашивала у мужа:

— Что это?

— Это не мое, Петя и Дорога забыли.

— Чтобы я их здесь больше не видела!

— Наташ, ну не могу я их бросить, они единственные друзья, которые меня никогда не предадут.

Володя говорил так убедительно, что я верила. Потому что любила. Тихонов сам не понимал, насколько это страшно. Его молодой крепкий организм пока выдерживал такое „увлечение“. А меня было легко обмануть…

Нашу свадьбу гуляли в квартире Мордюковой на Краснохолмской набережной. Собрались только близкие и друзья — Петя и Дорога в первых рядах. Вячеслав Васильевич Тихонов тоже заехал нас поздравить. В середине торжества мои цирковые приятели канатоходцы Володя и Женя Волжанские вызвали меня из-за стола на кухню и прикрыли дверь: „Наташ, куда ты смотришь? Минуту назад на балконе Володя предлагал нам дозу“.

Внутри меня все оборвалось. Утром, когда Володя, Нонна Викторовна и я сидели за завтраком, я разрыдалась и впервые сказала Мордюковой о том, что происходит с Володей. Он же успокаивал, говорил:

— Это неправда.

Я встала и пошла к двери. Помню, как кричала Нонна:

— Иди за ней! Проси прощения!

— Она меня не простит.

— Дурак, только она сможет тебя спасти!

Не знаю, что было дальше, я захлопнула дверь и уехала на Суворовский. Володя появился на следующий день, молил его простить, обещал расстаться с друзьями. Но этого, конечно, не случилось. Петя и Дорога были рядом всегда. Когда я приехала под Горький навестить мужа на съемках прославившего его фильма „Русское поле“ (он снимался летом 1971 года. — *Ф. Р.*), тут же увидела верных товарищей, которые жили поблизости.

— Зачем они здесь?

— Не обсирай моих друзей, — отрезал Володя.

Семейной жизни у нас с Тихоновым не получилось. Вскоре после свадьбы (осенью того же года. — *Ф. Р.*) его забрали в армию. Он служил в команде при Театре Советской армии. А я в это время была уже беременна.

По выходным Володя исправно отпрашивался в увольнительную. Но шел он не к беременной жене, а к Пете и Дороге — туда, где страшный порок был нормой. А еще в тот момент он познакомился с юной 16-летней девушкой Наташей Егоровой — фигуристкой из балета на льду. Наташа тоже принимала Володю в любом состоянии…»

26 января 1972 года Варлей родила мальчика, которого назвали Василием — в честь отца дедушки новорожденного, Вячеслава Тихонова. Отец новорожденного объявился в роддоме только на третий день, чтобы передать ей фрукты. Спустя несколько дней он встретил Варлей с новорожденным и отвез их домой. Однако нормальная жизнь у молодых так и не наладилась: Тихонов продолжал пропадать то у своих друзей-наркоманов, то у любовницы. В итоге Варлей собрала вещи и вместе с сыном уехала жить к родителям. Тихонов пытался ее вернуть, но все было безуспешно: жена ставила жесткое условие — порвать с друзьями-наркоманами и «завязать» с наркотиками, — но Тихонов на это был не способен. Такая ситуация только взвинчивала и без того расшатанные нервы Тихонова. В иные дни он попросту себя не контролировал. Как вспоминает Н. Варлей:

«Тот день помню отчетливо. Я ночевала на Суворовском бульваре. Звонок в дверь. Открываю — Володя вбегает в квартиру, хватает меня и тащит в спальню.

По его расширенным зрачкам поняла: он под кайфом. Володя требовал секса, повторял: „Ты моя жена!“ Я отбивалась, но ничего не могла поделать, в нем словно проснулся дикий зверь. Я

испугалась, прекратила сопротивляться. Добившись своего, Тихонов оделся и молча вышел.

Тот случай не прошел для меня бесследно. Через месяц выяснилось, что я беременна. Пошла к знакомому врачу, преодолевая стыд, пряча глаза, спросила:

— Если муж наркоман и в момент зачатия принял дозу, может ли это отразиться на ребенке?

— Может, да, а может, и нет, — отвечали мне. — Это будет ясно только через тринадцать — четырнадцать лет.

Я не стала рисковать, пошла в больницу, сделала аборт. Совершила грех, за который до сих пор прошу у Бога прощения. Об этом не знал никто: ни мои родители, ни Володя. Когда он отслужил в армии, я подала на развод. Вскоре Володя женился на Наталье Егоровой…»

Но оставим на время в покое личную жизнь актрисы и вспомним про ее творчество.

Окончив «Щуку», Варлей поступила в труппу Театра имени Станиславского. Ее первой большой ролью была Роз-Мари Фей в спектакле Н. Погодина «Альберт Эйнштейн». Затем она получила еще две главные роли, однако сыграть их ей тогда не удалось по вполне прозаической причине: она забеременела и родила своего первого сына — Василия. Но уже спустя месяц актриса вернулась на театральную сцену, а также возобновила съемки в кино. Было очень тяжело, так как приходилось разрываться между домом и театром. Иной раз Варлей даже приходилось возить сына с собой на гастроли по стране. Почему его нельзя было оставить на попечение родителей? Дело в том, что родители актрисы в тот период серьезно заболели, а родители со стороны отца ребенка — В. Тихонов и Н. Мордюкова — были заняты своими проблемами (у Тихонова за год до Васи родилась дочка Аня).

По словам Н. Варлей: «Вася рос у меня очень самостоятельным, бывало, один оставался в гостиничном номере. Я знала, что Вася никогда не сделает того, чего нельзя делать. Не откроет балконную дверь, не разожжет костер в комнате».

Возвращение Варлей в театр было трудным. Вот что она сама вспоминает об этом:

«Первая роль была вводом в спектакль за две репетиции. Я немножко вышла из формы, жутко комплексовала. В зале сидели мои родители, текста было много. И в первой эмоциональной сцене я вдруг почувствовала, что меня „перемкнуло“ от волнения и я не могу вспомнить ни одного слова! Меня прошиб холодный пот. В цирке, когда душило волнение, — а я ведь безумная трусиха, боюсь высоты, — в проходах стояли мои коллеги, которые поддерживали меня внутренне, и я успокаивалась. А

здесь я повернулась к кулисам и увидела глаза актеров, которые радовались моему провалу. Все они отлично знали текст. Я посмотрела в другую кулису — то же самое. Во взгляде моего партнера читалось ехидное: „Ну что, звездулька?“ Все это длилось минуту. Я посмотрела ему в глаза: „Боря, я текст забыла…“ Он подсказал одно слово, я за это слово зацепилась и от злости вспомнила все. Я поняла, что в театре никто тебя поддерживать не будет, как в цирке. Хотя и там тоже от зависти резали тросы, люди гибли… Но это редкость, по большому счету в цирке есть чувство локтя…»

За время работы Варлей в этом театре сменилось четыре главных режиссера, и ее положение в нем было то стабильным, то шатким. Завистники не переводились. Однажды Варлей приехала из-за рубежа и привезла оттуда красивую кофточку. В первый же день надела ее в театр, но когда после спектакля вернулась в гримерную, увидела, что на кофте кем-то из коллег прожжена огромная дырка.

В другом случае она должна была играть роль Натали в «Былом и думах». Режиссер Сандро Товстоногов пообещал, что спектакль будет идти в одном составе и если кто-то из актеров заболеет, спектакль отменят. Однако надо же было такому случиться, что незадолго перед премьерой Варлей угодила в больницу. И тут же вокруг этой роли разгорелись интриги, и в конце концов ее получила другая актриса. Про свое обещание режиссер уже не вспоминал.

Однако были в ее жизни в ту пору и переживания пострашнее. Например, летом 1973 года Варлей едва не погибла от рук насильника, с которым судьба свела ее во время одной из служебных командировок. Дело было так.

В том году актриса снималась сразу в двух фильмах: исторической драме «Дмитрий Кантемир» на «Молдова-фильме» (роль Родики) и мелодраме из жизни цирка «Большой аттракцион» (главная роль — Даша Калашникова). Отснявшись в небольшой роли в «Кантемире» (и получив за нее гонорар), Варлей прихватила чемодан с книгами и отправилась в Минеральные Воды, где должны были проходить натурные съемки «Большого аттракциона». В аэропорт прилетела ночью, однако никто из съемочной группы ее не встретил (потом выяснится, что они перепутали рейсы). В итоге Наталье пришлось самостоятельно садиться в автобус и добираться до Кисловодска, куда уже уехала ее группа.

В Кисловодске ей надо было совершить еще один переезд — до гостиницы «Нарзан». Однако именно этот короткий путь чуть не стал для актрисы последним. Она обратилась к милиционеру,

чтобы тот подсказал ей скорейший маршрут до гостиницы. Страж порядка так и сделал: «сосватал» ей водителя черной «Волги» по имени Валерий, который согласился довезти ее до места назначения. Однако на самом деле в его планы входило другое: увезти женщину в горы, там надругаться над ней и убить. Когда Варлей догадалась об этом (это случилось в тот самый момент, когда машина выехала за город и водитель нагло признался в своих намерениях: дескать, сделаю с тобой, что захочу, и потом убью), она стала прощаться с этим светом: стала молиться.

Тем временем мерзавец остановил машину в безлюдном месте и стал вытаскивать Варлей из салона. Актриса же отчаянно сопротивлялась: била насильника ногами, царапалась. Ошеломленный подобным отпором, насильник решил передохнуть, что, собственно, и спасло жизнь актрисе. Выхватив у нее из рук сумку, мужчина достал оттуда паспорт, открыл его, и… с ним произошла форменная истерика. Он внезапно схватился за голову, стал бить себя по щекам и запричитал: «Какой же я подонок! Я еще в армии посмотрел „Кавказскую пленницу“ и влюбился в актрису Наталью Варлей. Всю жизнь мечтал познакомиться с ней, и вот, когда этот случай представился, я… Какой же я подонок! Наталья, проси у меня все, что хочешь — все исполню». — «Отвезите меня в гостиницу», — только и смогла произнести потрясенная случившимся актриса. Это ее желание было немедленно исполнено.

Прощаясь с Варлей возле гостиницы, несостоявшийся насильник написал ей номер своего телефона и сказал: «Мы с друзьями все для тебя сделаем, только позвони». Но Наталья, едва оказалась в своем номере, немедленно разорвала бумажку с телефоном. После чего замертво свалилась в постель.

Утром она нашла ассистентку режиссера, и та отвезла ее в съемочную группу. История с насильником забылась, и начались обыкновенные съемочные будни. Длились они до осени. Потом Варлей вернулась в Москву. А там ее вновь разыскал человек, который едва не поставил крест на ее жизни.

Как-то вечером в доме Варлей зазвонил телефон. Она подняла трубку и услышала там голос кисловодского Валеры. Однако, узнав, кто это, актриса тут же бросила трубку на аппарат. Как ни странно, но нового звонка больше не последовало. Зато спустя месяц Варлей пришло письмо, в котором тот самый Валерий изливал перед ней душу: дескать, ты считаешь меня подонком, но я таким не родился: таким меня сделала жена, которую, кстати, тоже зовут Наташа. И далее Валерий сообщал: клянусь тебе, что никогда в жизни со мной такая ситуация больше не повторится. Но Варлей не тронули эти признания. Она

подумала: если бы на моем месте в ту ночь оказалась другая женщина, то наверняка этот Валерий ее бы убил. Поэтому она разорвала его письмо и выбросила в мусорное ведро. Больше этот человек в ее жизни не объявлялся.

Помимо двух названных фильмов, Варлей в том десятилетии снялась еще в нескольких картинах. Назовем их все: т/сп «Мегрэ и человек на скамейке» (1974; Моник Туре), т/ф «Три дня в Москве» (1975; главная роль — Оля Потапова), т/ф «Весна 29-го» (1976; Элла Михайловна), «Соло для слона с оркестром» (1976; Таня Иванова), «Эти невероятные музыканты» (1978), «Ошибки юности» (1978; Зина), «Сегодня или никогда» (1979; главная роль — дочь профессора Таня), «Выбор» (1980), «Ливень» (1980; Нази), ф/сп «Повесть об одной любви» (1980), «Так и будет» (1980; главная роль — Ольга Федоровна).

Не менее активно Варлей снималась и в первой половине 80-х, записав на свой счет еще более десятка киноролей, среди которых было несколько центральных. Среди этих фильмов значились: «Клоун» (1981; главная роль — буфетчица Тая), «Мой папа — идеалист» (1981; Алена), «Единственный мужчина» (1982; главная роль — Вика Микулина), «Переходный возраст» (1982; главная роль — Изольда), «Старые письма» (1982; главная роль — Нюра и Лиза), «Не ждали, не гадали!» (1983; жена профессора), «Не хочу быть взрослым» (1983; главная роль — Катя; эта картина была отмечена Государственной премией РСФСР имени Н. К. Крупской), «Набат» (1984; воздушная террористка Таня/Ирина Радчук), «Талисман» (1984; мама Дюка), т/ф «Гостья из будущего» (1985; Марта Эрастовна), «Нам не дано предугадать» (1985; жена Нестора), т/ф «Огненные дороги» (1985; актриса Мария Кузнецова).

Однако с началом горбачевской перестройки в 1985 году и переходом советского кинематографа на новые рельсы (либеральные), ролей в кино у Варлей стало совсем мало. Достаточно сказать, что во второй половине 80-х она снялась всего лишь в… двух фильмах: короткометражке «Опасный приз» (1987; Любовь Ивановна) и «Посторонним вход разрешен» (1987; мама Димы). На этом ее кинокарьера тогда и закончилась. И ей пришлось переквалифицироваться… Нет, не в управдомы, а в литераторы.

Как мы помним, Варлей уже в четырехлетнем возрасте начала писать стихи. Не оставила она этого занятия и в более зрелые годы и в конце концов решила получить к трем своим дипломам еще и четвертый: в 1985 году она поступила в Литературный институт (из-за этого даже покинула театральную сцену). Когда училась на втором курсе, родила второго ребенка — сына

Александра. Причем роды оказались преждевременными — на восьмом месяце. Варлей не сдала контрольную по истории КПСС и решила перепечатать ее ночью. Работала не смыкая глаз и утром внезапно почувствовала себя плохо. В тот же день отправилась в роддом.

Н. Варлей вспоминает: «Попала я к ассистенткам. Они болтали, курили и не обращали на меня внимания. А когда появился ребенок, поняли, что маленький срок, резус отрицательный, и забегали. Ребенок не закричал. Я лежала на носилках, наклонился молодой врач Алексей Владимирович: „Знаешь, возьми себя в руки, ребенок очень трудный“. Я старалась держаться, но когда всем в палату принесли детей на кормление, а мне — нет, у меня тут же началась истерика, я рыдала часа два. А на другой день Алексей Владимирович взял меня за руку и повел смотреть ребенка. Сашка лежал в кювезе, под стеклянным колпаком, с трубочками во рту, в носу… „Вот ребенок, у которого невероятная воля к жизни, он нам помогает, — сказал мне врач, — а ты своим плачем мешаешь. Надо выбрать имя по святцам и окрестить“».

Что касается отца ребенка, то его имени Варлей не называет. Но вспоминает тепло:

«С Сашиным отцом у нас было очень красивое, нежное, высокое и сильное чувство… Мы жили в разных городах, написали друг другу множество прекрасных писем. Он приезжал в Москву. Потом уезжал… Когда я объявила ему, что беременна, он вдруг исчез. Неожиданно позвонил, когда Саше исполнился месяц, спросил:

— Как дела?

— У меня родился мальчик, назвала Сашей, — ответила я.

У меня было ощущение, что он плачет… Потом раздались короткие гудки…

Очень жалею, что в эмоциональном порыве большинство наших писем я порвала. Но несколько осталось. Я их берегу и когда-нибудь отдам Саше…».

В конце 80-х годов Н. Варлей была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР.

Летом 1990 года из жизни ушел бывший муж Варлей Владимир Тихонов. Как мы помним, они прожили вместе недолго — несколько лет, и расстались в 1972 году, когда у них родился сын Василий. Весьма удачно начав свою карьеру в кино в начале 70-х (он снялся в фильмах «О любви», 1970, «Русское поле», 1972 и др.), он так и не сумел побороть в себе пагубную страсть к алкоголю, а затем и к наркотикам. В середине 70-х он вновь женился, у него родился ребенок, но и это не остановило его от

падения в пропасть. На момент смерти ему было всего лишь 40 лет.

Но вернемся к Наталье Варлей.

В первой половине 90-х она, как актриса, записала на свой счет еще несколько киноролей в следующих фильмах: «Чужая игра» (1993; мать), «Маленькие человечки Большевистского переулка, или Хочу пива» (1993; главная роль — Вера). А в новогоднем мюзикле «Старые песни о главном» (1997) она сыграла незабвенную Нину из «Кавказской пленницы».

На вопрос о том, почему она тогда так мало снималась, актриса отвечала следующим образом:

«Недавно читала сценарий, по которому мне отводилась роль женщины, рожающей в лифте. Или сценарий, по которому мне из постели не надо вылезать. Я не ханжа, но все-таки принадлежу к актерам старой школы».

Чтобы не сидеть без дела, наша героиня согласилась дублировать многочисленные сериалы, которые транслировало российское телевидение (дубляжом Варлей занялась еще в середине 80-х, озвучив все женские роли в фильмах «В компании волков», «Миранда»). В частности, именно ее голосом говорила героиня «Дикой розы» Вероника Кастро. В этом сериале было 199 серий, и актерам, дублирующим его, приходилось сидеть в студии с 9 утра до 9 вечера. И так в течение нескольких месяцев. Согласитесь, адский труд.

В 1996 году многих людей, знавших актрису, шокировало то, что Варлей активно поддержала на выборах лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Ведь большинство ее коллег активно включились в пиар-кампанию Бориса Ельцина под лозунгом «Голосуй или проиграешь», а «кавказская пленница» оказалась в числе немногих представителей творческой богемы, кто призывал голосовать за коммунистов. Сама актриса на этот счет выразилась следующим образом:

«Мои политические пристрастия определились, когда на моих глазах — я жила на Смоленской набережной — палили пушки (речь идет о событиях октября 1993 года, когда ельцинисты расстреливали Белый дом из танков. — *Ф. Р.*). Более страшного я в жизни не видела. Рыдая, позвонила маме и услышала: „По радио же сказали, что там нелюди“. Я поняла, что не могу быть понята своими родителями. А когда Лия Ахеджакова кричала: „Убейте!“ — мир для меня перевернулся…

Бесплатно я бы согласилась выступать только за Зюганова. Человеку хочется спасти расползающееся тело страны. На молодого Зюганова вешают лагеря… Да большего коммуниста, чем Ельцин, представить себе невозможно…»

Что касается творчества, то и здесь Варлей не была в простое. Она по-прежнему озвучивала сериалы на ТВ, снималась в кино — в фильме «Волшебник Изумрудного города» (1997) сыграла сразу двух ведьм: Гингему и Бастинду. Кроме этого, выпустила сборник своих стихов и вместе с композитором Н. Шершнем выпустила два диска с песнями.

Варлей живет в одном доме с Бари Алибасовым и его «нанайцами» (район Нового Арбата). Ее старший сын Василий сначала работал на метрополитене, затем пошел учиться (и работать одновременно) в Институт современных искусств. Женат. В мае 1995 года у него родился сын Женя — первый внук «кавказской пленницы».

Младший сын — Александр — в те годы учился в английской школе, а также посещал воскресную школу при Свято-Даниловом монастыре.

В самом конце 90-х Варлей вышла замуж в третий раз. Причем этот человек был далек от мира искусства — он был бригадиром строителей, которые делали ремонт на квартире Варлей. Его звали Владимиром, он был почти ровесником ее сына Василия (родился в самом начале 70-х) и стал активно ухаживать за актрисой. И она не смогла устоять перед его натиском. Он стал единственным мужчиной, с которым Варлей венчалась. Однако это не уберегло семью от разлада. А камнем преткновения стал младший сын актрисы Александр (ему тогда было 13 лет), с которым у Владимира так и не сложились отношения. По словам Н. Варлей:

«Я верила: Владимир послан мне Богом. Но и это оказалось ошибкой. Расстались мы не сразу, он еще возвращался, помогал по дому, приезжал на дачу. Потом мы официально развелись. Визиты становились все более редкими, в последний приезд Володя сказал, что у него появилась другая женщина, и мы расстались уже окончательно. Думаю, что настоящей любви с Володиной стороны не было. Была сильная влюбленность и желание одержать победу, заглянуть в „загадочный мир“ актрисы, а когда „барьер был взят“ и оказалось, что „в жизни все не как в кино“, вдохновение влюбленности стало чахнуть…»

В новом тысячелетии Варлей вернулась в большой кинематограф. Она снялась в нескольких фильмах, среди которых были: «12 месяцев» (2005; воспитательница), ф/сп «Оскар» (2005; Шарлотта), «Волкодав из рода Серых Псов» (2006; мать Кендарат).

В конце декабря 2011 года на телеканале «Россия», в передаче «Прямой эфир», был устроен бенефис Натальи Варлей. На него были приглашены два десятка гостей (ее коллеги по цирковому училищу, актеры и т. д.), в том числе и автор этих строк. Однако,

увидев меня, Варлей не захотела, чтобы я участвовал в ее бенефисе, объяснив это тем, что в далекие 90-е я написал о ней слишком поверхностную биографию. Хотя мой тогдашний очерк о ней, вошедший в многотомник «Досье на звезд» (1998), был на тот момент единственным — больше о советских звездах в ту пору никто не писал. Но, как выяснилось теперь, «хозяйке бала» написанное не понравилось. Что ж, она имеет на это полное право. Так же как и я имею полное право писать о ней и дальше.

Любимая женщина Нестора Петровича

Наталья Гвоздикова родилась в Ленинграде 7 января 1948 года. Ее родители не имели никакого отношения к искусству, поэтому у них даже в мыслях никогда не было, что их Наталья когда-нибудь может стать актрисой. Однако в семье Гвоздиковых росла еще одна дочка — Людмила, благодаря которой, собственно, изменилась и судьба Натальи. Дело в том, что старшая сестра рано увлеклась сценическим искусством и стала играть в самодеятельном театре. Там ее заметил мэтр советской театральной режиссуры Николай Акимов и посоветовал другому мэтру, уже советской сатиры, Аркадию Райкину взять талантливую актрису в свой ленинградский Театр миниатюр. Аркадий Исаакович так и сделал. Тем более что его жена, впервые увидев Людмилу, воскликнула: «Боже, это же вылитая Люська Целиковская!»

Проработав у Райкина несколько лет, Людмила Гвоздикова в середине 60-х уехала в Москву и поступила в ГИТИС. Вскоре за ней потянулась и младшая сестра Наталья — закончив школу в 1965 году, она вскоре переехала жить к Людмиле. Причем приезд был вызван конкретной целью — поступлением во ВГИК. Естественно, к поступлению туда Наталью готовила ее старшая сестра. И это помогло — Наталья своим талантом (а также красотой!) сумела произвести впечатление на самого Сергея Герасимова. Отметим, что этот просмотр состоялся не в стенах ВГИКа, а на квартире актрисы райкинского театра Ольги Малоземовой, с которой Герасимов был знаком еще с 20-х годов (и даже хотел на ней жениться, но в итоге стал мужем ее подруги Тамары Макаровой).

Вспоминает Н. Гвоздикова: «Однажды Малоземова пригласила меня к себе. В это время у нее гостила знаменитая пара. Открыла мне дверь квартиры сама Макарова в стеганом голубом халате, длинные распущенные волосы были влажными. Видимо, она только что вышла из душа. От волнения у меня затряслись коленки. Почувствовав это, Тамара Федоровна заговорила на отвлеченные темы: „Деточка, посмотри, пожалуйста, какие „шпильки“ я купила в „Гостином дворе“. Пока я внимательно разглядывала ее покупки, ко мне вернулся дар речи, и, успокоившись, по ее просьбе я начала читать сказку Андерсена „Злой мальчик“. Вдруг неожиданно распахнулась дверь, и в комнату вошел Сергей Герасимов.

Переглянувшись с женой, он обернулся ко мне и спросил: „Ну что? Хочешь у меня учиться?“ От волнения у меня перехватило горло, и я молча закивала в знак согласия. (Нужно было быть идиоткой, чтобы отказаться от такого предложения!) Сергей Аполлинариевич тут же позвонил министру культуры Фурцевой: „Здравствуйте, это Герасимов. Я уже набрал курс, но мне нужна еще одна единица“. Потом обратился ко мне: „Я тебя поздравляю. Ты учишься в моей мастерской“.

Затем все сели обедать. Тамара Федоровна в этот день сварила какой-то невиданный фруктовый суп, я тогда и понятия не имела, что на свете существуют такие блюда. Но от волнения не могла проглотить ни ложки, все никак не верилось в свалившееся на мою голову счастье. Помню, меня поразил темперамент Герасимова, особенно глаза — словно два прожигающих насквозь буравчика. Впоследствии мы, ученики, часто копировали его жесты, даже гладили себя по воображаемой лысине…“»

Так летом 1967 года наша героиня стала студенткой лучшего кинематографического института в стране (а то и в мире!). Но первое время Наталье было в нем неуютно. Почему?

Поскольку Герасимов зачислил ее на свой курс в обход существующих правил — без сдачи профильных экзаменов (она сдавала только общеобразовательные предметы), однокурсники посчитали это верхом несправедливости и объявили «блатной» бойкот. И когда осенью того же 67-го весь курс отправился на «картошку», с Гвоздиковой никто не разговаривал. Среди людей, объявивших ей бойкот, были те, кто очень скоро станет звездами советского кинематографа: Вадим Спиридонов, Николай Еременко-младший, Талгат Нигматулин, Наталья Аринбасарова, Наталья Андрейченко. Еще одна Наталья — Белохвостикова — к бойкоту отношения не имела, поскольку пришла в институт после «картошки», а во-вторых — тоже считалась «блатной». После ее прихода их курс стали называть «курсом четырех Наташ».

Бойкот, негласно объявленный Гвоздиковой, длился недолго, и вскоре холод недоверия со стороны однокурсников сошел на нет. Правда, возник холод с другой, неожиданной стороны — от Тамары Макаровой. По словам Гвоздиковой:

«Тамара Федоровна относилась ко мне настороженно, иногда даже „пожевывала“ меня. Мне кажется, ее раздражали молодые хорошенькие девушки, в которых она видела потенциальных соперниц. Но тогда я не понимала, почему так сложно общаться с Тамарой Федоровной. Интуитивно почувствовав, что с Сергеем Аполлинариевичем проще, я вовсю старалась „держать марку“ и не потерять его расположения. Только поэтому я получала одни

пятерки по актерскому мастерству…»

В 1968 году в жизни Гвоздиковой произошел знаменательный случай — она впервые увидела своего будущего супруга. Правда, пока еще только на экране. Речь идет о популярном 27-летнем киноактере Евгении Жарикове, который в том году снялся в своем очередном фильме — героико-приключенческой ленте о гражданской войне «Таинственный монах». Однако, прежде чем рассказать о заочной встрече двух будущих супругов, подробно остановимся на биографии Евгения Жарикова.

Он родился в Москве, на Серпуховке, 26 февраля 1941 года. Его отец — Илья Малахиевич Жариков — был в ту пору 20-летним молодым человеком, приехавшим в столицу из Донецка. А вообще, род Жарикова по отцу берет свое начало на Орловщине: там есть даже целая деревня Жариковых. Любопытно ее появление на свет. В 1812 году пленный французский офицер Жерико женился на русской девушке и поселился в тех краях. Постепенно его фамилию переделали на русский лад, и стал он Жариковым. Так что в крови артиста течет и французская кровь.

Но вернемся к отцу Евгения. В дальнейшем он станет известным детским писателем и свою первую книгу опубликует в 1960 году. В 1983 году его примут в Союз писателей СССР. Мама Жарикова всю жизнь проработала преподавателем литературы и истории в школе.

Как рассказывает Евгений, жили они очень трудно. В семье было шестеро детей, однако только троим удалось выжить в то тяжелое, послевоенное время (двум братьям и сестре). Отец уже тогда зарабатывал деньги литературным трудом, но на жизнь их не хватало. Он жил в маленькой комнатке в коммуналке в одном районе города, а его жена с тремя детьми — в такой же комнате в другом конце Москвы. Мать буквально разрывалась между детьми, школой и мужем: ей приходилось регулярно навещать супруга, забирать у него написанные страницы и перепечатывать их на машинке. Когда положение стало совсем безвыходным, было решено отправить старшего сына Валентина в Воронежское суворовское училище (сам Жариков-старший окончил Военную академию в 1949 году), а Евгения отправить к деду с бабкой в Загорск (Сергиев Посад). Именно там он и пошел в школу.

Жариков рос мальчишкой шалопутным и часто, не желая себя утруждать долгим пребыванием на уроках, сбегал с них. Причем делал он это виртуозно. Так как на выходе всегда сидела гардеробщица или кто-то из учителей, а на всех окнах до четвертого этажа стояли решетки, он забирался на последний, пятый этаж, вылезал в окно и по водосточной трубе спускался вниз.

По словам самого актера, он с детства был любвеобильным. Влюбляться начал очень рано. В те годы обучение в начальной школе было раздельное, и мальчиков только в 6-м классе объединили с девочками. Но еще до этого — Жене тогда было 11 лет — он отправился в пионерский лагерь, где у него было… 4 «жены» одновременно (вспомним гороскоп имени Евгений — в нем говорится именно об этом). Кто-то был влюблен в него, в кого-то он, но всех Жариков считал своими. Своим пассиям он снисходительно говорил: «Ладно, будете моим окружением». По его же словам:

«Я всегда был рыцарем. Мало того что был хорош собой, еще и ухаживать умел красиво. Поэтому девчонки ко мне и тянулись. Любовных историй было огромное количество — вспоминать и вспоминать! Свидания, страдания, девичьи слезы, измены, записки. Чем дальше, взрослее, тем насыщенней — пошли поцелуйчики… Потом многие девочки, став взрослыми и выйдя замуж, сыновей своих называли Женьками…»

В старших классах Евгений всерьез взялся за учебу, и его дела на этом поприще пошли на лад. Именно в школе он впервые приобщился к сценическому искусству — записался в драмкружок. В этом же кружке занималась и девочка, в которую он был тайно влюблен (она училась на класс старше его). Окончив школу раньше его, она подала документы на актерский факультет ВГИКа и, успешно сдав экзамены, была зачислена на первый курс. Видимо, именно тогда Жариков и принял для себя окончательное решение, куда именно он направит свои стопы после окончания десятилетки. Правда, существовало одно «но»: его отец хотел, чтобы сын получил серьезную профессию — стал инженером. Евгений еще с детских лет, благодаря своему деду, прекрасно мастерил (игрушки ему заменяли рубанок, пила и молоток), и отец хотел, чтобы он не бросал это занятие и после школы. Но юноша поступил по-своему.

Окончив школу в 1959 году, Жариков тайком от отца (тот как раз тогда уехал в командировку в Донецк) подал документы во ВГИК. И был принят. Он попал на курс, который вели Сергей Герасимов и Тамара Макарова. Кстати, именно это спасло Евгения от гнева отца: к Герасимову Андрей Дмитриевич относился очень хорошо, поэтому и разрешил сыну учиться на актера.

Дебют Жарикова в кино состоялся в 1962 году. Именно тогда на экраны страны вышли сразу два фильма, где он снимался. Причем роли были неравнозначные. Так, в фильме Юлия Райзмана «А если это любовь?» он сыграл небольшую роль школьника Сергея (этот же фильм стал дебютом для Андрея

Миронова — тоже Змеи по году рождения). А в картине Андрея Тарковского «Иваново детство» он уже сыграл главную роль — лейтенанта Гальцева. Последний фильм стал настоящим событием в кинематографическом мире тех лет и приобрел не только всесоюзную, но и мировую славу. В период 1962–1963 годов он завоевал несколько призов на фестивалях в Венеции, Сан-Франциско, Акапулько и т. д. (всего он получил 17 призов).

Критик Н. Архангельская так отозвалась о роли Жарикова в этой ленте: «Старший лейтенант Гальцев — один из тех вчерашних десятиклассников, на плечи которых в дни войны легла ответственность за жизни многих бойцов. Даже рядом с двенадцатилетним разведчиком Иваном (Н. Бурляев) этот худенький, одухотворенный, совсем юный лейтенант кажется почти подростком. Гальцев не всегда уверен в себе, он слегка робеет перед солдатами и капитаном Холиным, но в нем сочетаются сила и застенчивость, решительность и наивность».

Спустя год на экраны страны вышел еще один хит с участием Жарикова — комедия Генриха Оганесяна «Три плюс два», где молодой актер играл молодого дипломата Вадима. Натурные съемки проходили в Судаке. Вот как сам Жариков вспоминает об этом:

«Сначала режиссер хотел снимать актеров старшего поколения. Но потом все-таки остановился на нас, молодых: Андрее Миронове, Геннадии Нилове, Евгении Жарикове, Наталье Фатеевой и Наталье Кустинской.

На съемки мы приехали в Новый Свет, снимали на территории завода шампанских вин князя Голицына. Я часто потом бывал совсем рядом, но туда не заходил — там сейчас все забетонировали, у меня бы сердце разорвалось. Потому что никогда в жизни у меня больше не было такой экспедиции, в таком райском уголке. Жили мы в основном на подножном корме. Нашими рабочими костюмами были шорты и купальники. И за это нас все время арестовывала милиция, пока городские власти не выдали свидетельства, что нам по работе положено ходить в шортах и майках. Перед съемками нам дали две недели — на загар и на отращивание бород. Над моей бородой все время издевались — какая борода в 21 год!»

Как мы помним, в фильме его герой был влюблен в красавицу-блондинку в исполнении Н. Кустинской, а в реальной жизни все было иначе — у него была жена-брюнетка. И к кинематографу она не имела никакого отношения. Это было более чем странно, учитывая, что во ВГИКе Жарикова окружал целый сонм прекрасных девушек, но он выбрал в жены… спортсменку-фигуристку. По словам самого актера, женился он

на ней случайно: болтнул сгоряча, что женится, вот и пришлось слово держать. Первая жена была старше Жарикова на 5 лет, и потому верховенство в семье принадлежало именно ей.

Разные интересы супругов, конечно же, отражались на семейной жизни. Особенно это относилось к жене Евгения, которая, после того как ее муж стал популярным, стала жутко его ревновать. Иной раз она даже сопровождала мужа в киноэкспедициях, опасаясь, что без ее пригляда он отправится «налево». Так, например, было и в августе 1962-го, когда Жариков снимался в «Три плюс два»: жена всегда была поблизости и зорко следила, чтобы ее муж, не дай бог, не завел шашни со своей красивой партнершей по фильму Натальей Кустинской. Однажды дело дошло даже до того, что ревнивая супруга в перерыве между съемками стала бросаться в Кустинскую бутербродами. Увидев это, режиссер фильма Генрих Оганесян немедленно распорядился, чтобы жену Жарикова на съемочную площадку больше не пускали.

«Три плюс два» занял в прокате-63 4-е место, собрав на своих сеансах 35 млн. зрителей. Таким образом, еще будучи студентом 4-го курса ВГИКа, Жариков стал уже довольно известным и популярным у зрителей актером.

В 1964 году благополучно завершилась учеба Жарикова во ВГИКе. Когда это радостное событие произошло, однокурсники Евгения решили, как и принято, отметить это знаменательное событие. Стали решать, на чьей квартире это лучше сделать. Стоит сказать, что из всей группы москвичей было только двое: Жанна Болотова и наш герой. Но так как у Болотовой квартира была совершенно не приспособлена для приема такой оравы гостей (дома постоянно находились родители), решено было гулять на квартире Жарикова. И это решение было справедливым по нескольким причинам. Во-первых, жилплощадь у сына известного писателя была приличной, и, во-вторых, тем летом квартира была совершенно пуста из-за отсутствия в ней родителей.

Когда вопрос о месте проведения вечеринки был решен, встал вопрос об ее продовольственном обеспечении. Однако и эта проблема была решена довольно быстро. Все сошлись во мнении, что будет уместно, если каждый придет на торжество со своими продуктами. На том и порешили.

По словам самого Жарикова, когда все гости собрались за праздничным столом и выложили принесенные продукты, стол стал напоминать то ли консервный, то ли винный склад. От обилия консервных банок и бутылок с дешевым вином буквально рябило в глазах. Однако студенты и этому были рады. Веселье

длилось все ночь.

Уже глубоко за полночь, когда сознание Евгения стало затуманиваться по причине чрезмерных возлияний, он покинул своих друзей и ушел в кабинет отца. Там он лег не на диван, а устроился на полу поперек дверей, чтобы его тело не позволило войти в кабинет отца никому из посторонних.

Когда утром Жариков проснулся, в доме царила тишина. Только изредка ее нарушали чей-то храп и бормотание. Это в разных комнатах спали мертвецким сном провеселившиеся всю ночь студенты. Евгений приподнял свою голову от пола и увидел в дверном проеме чьи-то ноги, распростертые на полу. Ноги были в носках, причем на одном из них сияла дырка. Эти ноги принадлежали человеку, которому в скором времени предстоит стать знаменитым актером, режиссером и даже министром культуры России — Николаю Губенко (тоже, кстати, Змея по гороскопу). Видимо, не сумев войти в кабинет, он лег на полу в коридоре и заснул там, сморенный тяжелым сном.

Сразу после окончания ВГИКа Жариков покинул пределы СССР: он уехал на два года в ГДР работать на тамошнем телевидении. Немцы придумали изучать русский язык с помощью короткометражных фильмов, и советскому актеру было предложено играть в этих короткометражках все мужские роли. Работа ему нравилась, тем более что он имел возможность подрабатывать переводчиком в Группе советских войск.

Вернувшись на родину в 1966 году, Жариков угодил в эпицентр экзотической «лав стори», которая едва не поставила крест на его карьере. Тогда в него по уши влюбилась… японка. Звали ее Каеко Икеда, и была она дочерью богатого фабриканта неоновых реклам. Пылкими чувствами к Жарикову девушка воспылала после фильма «Иваново детство», который демонстрировался по всему миру. А уж когда в Японию попали «Три плюс два», чувства японки вообще перехлестнули через край. Она стала засыпать советского актера любовными письмами, в которых обещала приехать в загадочную Россию (Каеко работала в турагентстве), где живут такие необыкновенно мужественные, талантливые, нежные и красивые мужчины. Писала, что непременно найдет «апартаменты Жарикова» (а тот тогда жил в коммунальной квартире!), пусть даже ее путь будет длиной в тысячи километров.

Достаточно скоро про этот «почтовый роман» узнал КГБ и немедленно сообщил в Госкино. Жену Жарикова вызвали «на ковер» и спросили в лоб: «Вы хотите, чтобы ваш муж ездил за границу? Тогда пусть прекратит переписку с японской капиталисткой. Настоятельно советуем вам помочь нам в этом

вопросе». Жена, естественно, помогла: Жарикову пришлось японку попросить, чтобы та перестала писать ему. Как ни тяжело это было сделать влюбленной девушке, она вняла совету любимого, в качестве прощального подарка прислав ему великолепную заколку для галстука с розовой жемчужиной…

Вернувшись из ГДР, Жариков вновь стал желанным актером на многих съемочных площадках. В те годы на экраны страны вышло несколько фильмов с его участием: «Дикий мед», «Нет и да» (роль Латышева) (оба — 1967), «Продавец воздуха» (Люк), «Таинственный монах» (Латышев) (оба — 1968). Как мы помним, именно в последнем фильме Жарикова и увидела впервые Наталья Гвоздикова. Вот как она сама об этом вспоминает:

«Однажды старшая сестра Людмила затащила меня на фильм „Таинственный монах“ — показать артиста, в которого давно влюблена: „Ты не представляешь, какой красивый этот Жариков!“

В московском кинотеатре „Октябрь“ картину показывали как панорамное, стереоскопическое кино. Перед началом сеанса зрителям выдавали очки, которые волшебным образом делали изображение объемным. Случайно обернувшись, я увидела полный зал людей в этих дурацких очках. Все они, как совы, искали фокус — красную точку на экране — мне стало так смешно! Фильм показался настолько скучным (хотя это был приключенческий фильм про то, как под боком у красных находилось белогвардейское гнездо, действовавшее в монастыре. — *Ф. Р.*), что я как могла развлекалась: в темноте запивала кефиром колбасу и кокетничала с сидевшими рядом парнями. А Милка, как только на экране появлялся Жариков, толкала меня в бок и шептала: „Смотри, смотри — вот он!“. — „Подумаешь, Жариков! — фыркала я. — Большое дело!“. Могла ли я тогда представить, что именно за этого человека выйду замуж?!.»

Но пока до этого брака далеко и у каждого была своя жизнь: Жариков живет в браке с фигуристкой, а Гвоздикова пока свободная девушка и продолжает свою учебу во ВГИКе. На третьем курсе, в 1969 году, ее впервые приглашают сниматься в кино. Правда, фильм короткометражный («Белые дюны»), но это большого значения не имеет — главное, что обратили внимание. Фильм снимал режиссер-дебютант Сергей Тарасов, который впоследствии прославится такими лентами, как «Петерс» (1972), «Стрелы Робин Гуда» (1976), «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго» (1983), «Черная стрела» (1985) и др. Встреча с ним запомнилась начинающей актрисе не с самой лучшей стороны. По ее же словам:

«Строгая Тамара Федоровна Макарова предложила мне на

время съемок взять академический отпуск, но Герасимов принял другое решение: „Никакого отпуска! Привыкай! Это теперь твоя жизнь“.

И началось настоящее знакомство с актерской профессией: ночью я снималась, утром училась. В первой же экспедиции (натуру снимали в Прибалтике. — *Ф. Р.*) пришлось испытать липкие приставания режиссера. Я до сих пор благодарна людям, работавшим вместе со мной на картине, которые буквально спасали меня от этого любителя молоденьких актрис (в том фильме снимались: Юозас Будрайтис, Андрей Юренев, Ингуна Рейнфельде, Эгон Бесерис и др. — *Ф. Р.*). Вот так и началось мое взрослое житье-бытье…»

Отметим, что в том же году Гвоздикова снялась еще в одном фильме, но там с ней никаких «липких» приключений не произошло: речь идет о фильме ее учителя Сергея Герасимова «У озера», где у нее был крохотный эпизод. Затем были небольшие роли в фильмах: «Печки-лавочки» (студентка-стройотряда Наташа), «Ох, уж эта Настя!» (сестра Насти Светлана Рябинина).

Вспоминает Н. Гвоздикова: «Если помните, в „Печках-лавочках“ в купе к Шукшиной и Федосеевой заходят молодые девчонки и настойчиво зазывают деревенскую чету к себе послушать студенческие песни под гитару. Я — та самая девушка, которая приглашала активнее других и все никак не унималась: „Идемте, идемте!“ Много позже сын, увидев меня в этом эпизоде, удивился: „Мама, а почему ты таким писклявым голосом разговариваешь?“

Затем была „Калина красная“. Помню, Василий Макарович завел меня в комнату, запер на ключ и строго сказал: „Прочтешь сценарий — постучи в стенку, открою“. Но я так увлеклась чтением, что даже не заметила, как вошел Шукшин. „У тебя есть какие-нибудь пожелания?“ Я взмолилась: „Пустите меня, пожалуйста, в „малину“!“ Василий Макарович долго смеялся: „В малину“? Ишь чего захотела! Ты себя-то видела? Какая из тебя „малина“? И предложил мне сняться в эпизоде, который считал очень важным. Помните, Шукшин приходит на почту отправить телеграмму Губошлепу, а там сидит эдакая фифа с загнутыми ресничками и косами-бараночками? Это я! Перед съемками он дал мне всего одно напутствие: „Наташа, ты должна так меня отчистить, чтобы мало не показалось!“

Поездка в Белозерск, где снималась картина (съемки проходили летом 1973 года. — *Ф. Р.*), была незабываемой. Василий Макарович водил меня в местный кинотеатр на фильм „Овод“ со Стриженовым (кстати, еще один Лев-Змея, как и Шукшин. — *Ф. Р.*). Я была одной из первых, кто держал в руках

сценарий „Я пришел дать вам волю“ о Степане Разине. Наверное, мы бы снова встретились на съемочной площадке, но, видно, не судьба — Шукшин умер (в октябре 74-го. — *Ф. Р.*).

Прошло много лет. Я как-то спросила у Толи Заболоцкого, оператора Василия Макаровича: „Как ты думаешь, почему Шукшин проявлял ко мне всегда такое внимание?“ Он посмотрел на меня удивленно: „А ты что, не догадывалась? Вот дуреха! Ведь он тебя очень любил!“…»

Что касается творческих свершений Евгения Жарикова, то он снимался куда более активнее Гвоздиковой и к моменту своего знакомства с ней записал на свой счет следущие фильмы: «Снегурочка» (Лель), «День ангела» (штурман Салин) (оба — 1969), «Приключения в космосе» (1970; Павел), «Смерти нет, ребята!» (1971; лейтенант Владимир Рубин), «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1973).

Всесоюзная слава пришла к Гвоздиковой спустя два года после окончания ВГИКа — в самом начале мая 1973 года, когда на телеэкраны вышла блистательная комедия Алексея Коренева «Большая перемена». В ней Наталья сыграла возлюбенную главного героя, учителя истории Нестора Петровича Северова, Полину Иванченко.

Между тем буквально за несколько месяцев до того момента, когда Гвоздикова проснулась знаменитой, произошла ее судьбоносная встреча с Евгением Жариковым. Дело было в начале 1973 года, когда Наталья проходила пробы в картине «Возле этих окон» Хасана Бакаева (она пробовалась на роль приемщицы в ателье). Главную мужскую роль в фильме — киномеханика Михаила Анохина — исполнял Жариков. Отметим, что первая встреча будущих супругов оказалась далеко не идиллистической. Вот как о ней вспоминает Н. Гвоздикова:

«Итак, 1973 год, „Мосфильм“. Я безумно опаздываю на пробы. Как метеор, лечу по длинным коридорам студии, стремительно врываюсь в комнату — щеки порозовели от мороза, волосы растрепались, глаза горят. Прямо скажем, выгляжу далеко не как кинозвезда.

А вот Женя как раз был безупречен! Придраться абсолютно не к чему. А так хотелось! Аккуратно причесанный, в отлично сшитом замшевом пиджаке с заморскими пуговицами, в светло-коричневых брюках, модных ботиночках. Жариков сидел в комнате один, на коленях лежал сценарий. Когда я, запыхавшись, влетела, он искоса посмотрел на меня, и в его взгляде я явственно прочитала укор: „Кто такая? Как посмела опоздать?“ Ему, звезде, пришлось ждать меня целых пятнадцать минут! Я, не обращая внимания, стала снимать шубу, естественно, полагая, что он

поможет. Не тут-то было: Женя продолжал невозмутимо сидеть.

Мы начали вместе читать сценарий, незаметно разглядывая друг друга. Я, конечно, понимала, что виновата, но от этого мне еще больше хотелось его задеть. И принялась капризничать: заявила, что у меня очень мало времени, потом потребовала личную машину — словом, выдвигала условия как настоящая звезда. Жариков, не выдержав подобной наглости, разозлился и захлопнул сценарий.

Когда в очередной раз мне позвонили со студии, я заявила, что сниматься с Жариковым не буду — с кем угодно, только не с ним! Неприятное впечатление от первой встречи настолько врезалось в память, что невозможно было представить нас играющими в одном фильме. Женю пробовали с другой актрисой, но режиссер остался ею недоволен: „Наташа, придется сниматься!“»

Съемки начались 18 мая, а уже спустя пару-тройку недель Гвоздикова неожиданно… влюбилась в ранее ненавистного партнера. Что касается самого Жарикова, то он никаких нежных чувств поначалу к партнерше не питал: играя по сюжету ее возлюбленного, он становился абсолютно равнодушным сразу по окончании съемок. Правда, в процессе работы он все-таки влюбился, но его пассией оказалась отнюдь не Гвоздикова, а молоденькая актриса из массовки. Что на него, в общем-то, было очень похоже — он был, что называется, ходок. Написано же в гороскопе Змеи: «И мужчины, и женщины этого знака стремятся погулять на стороне». Жариков не был исключением. Как напишет много позже журналистка Татьяна Секридова, с которой у нашего героя будет долгий роман в 90-е:

«Первая жена Жарикова была тренером по фигурному катанию. „Если бы в той семье у меня были дети, я никогда не ушел бы, — делился он со мной сокровенным. — Но жена не могла забеременеть. Она во всем винила меня, таскала по врачам, пока я не понял, что дело совсем не во мне… С какой девчонкой ни пересплю, беременеет, причем мгновенно! Такое количество денег потратил на аборты, лучше не считать! А я ведь хотел жениться один раз и иметь большую семью…“»

Итак, на съемках «Возле этих окон» у Жарикова случилась очередная мимолетная «лав стори». Гвоздикова узнала об этом случайно: лежала дома с высокой температурой, и вдруг ей позвонила ассистентка режиссера: «Болеешь? Ну-ну, болей! А Жариков „зароманился“! Девчонка „попастенькая“, ножки-бутылочки… А ты лежи-лежи, болей!»

Несмотря на то что после этого звонка температура у Гвоздиковой поднялась еще выше, она нашла силы примчаться на

съемочную площадку. К тому времени ее чувства к Евгению были уже настолько сильными, что она решила завоевать его во что бы то ни стало, хотя сама четыре года как была замужем. Но ее брак нельзя было назвать счастливым: муж ревновал чуть ли не к каждому столбу, регулярно перлюстрировал ее почту и даже врывался по ночам в гостиничные номера. Что касается Жарикова, то Гвоздикова знала, что он тоже давно женат, но досужие языки успели донести до ее ушей, что и его брак нельзя назвать благополучным. Короче, перспективы у актрисы были. Как сказано в гороскопе Козерога: «Если Козерог поставил себе задачу завоевать сердце избранника, то будет следовать намеченной цели во что бы то ни стало».

Для обольщения Жарикова Гвоздикова избрала хитрую тактику: каждый раз, когда артисты возвращались с натурных съемок, она устраивалась в автобусе в противоположном углу от пассии Жарикова. Таким образом Наташа ставила актера перед выбором, с кем из них сесть. Помаявшись, тот обычно выбирал Гвоздикову, а неудачнице тактично объяснял: дескать, нам с Наташей надо текст роли повторить. Так продолжалось, пока… Впрочем, послушаем рассказ самой Натальи Гвоздиковой:

«Мне кажется, первым „сломался“ Женя. Однажды, когда романом между нами еще и не пахло, Женя попытался меня поцеловать… У операторов закончилась пленка, поэтому объявили перерыв. Я села в кресло и задремала. Почувствовав запах знакомой туалетной воды, открыла глаза и близко-близко увидела… губы Жарикова. От неожиданности он отпрянул от меня, как ошпаренный. Как я жалела потом, что спугнула его! Самое обидное, что даже по сценарию, хоть мы и играли любовь, нам ни разу не удалось поцеловаться…»

Роман Жарикова и Гвоздиковой только-только набирал силу, а съемки фильма «Возле этих окон» уже закончились. Чтобы отношения продолжились, надо было срочно что-то предпринимать. Помог случай.

Летом того же 1973 года Жарикова пригласили на эпохальную в его карьере роль: в 10-серийном телесериале «Рожденная революцией» о советской милиции он должен был сыграть деревенского паренька Колю Кондратьева, пришедшего в 1917 году в советскую милицию и прошедшего затем в ее рядах путь от рядового сотрудника до комиссара милиции. Фильм должен был сниматься на Киевской киностудия имени Довженко. Поскольку одной из сюжетных линий в этой ленте была любовная — Кондратьев влюблялся в девушку с дворянскими корнями Марию Кораблеву, и она становилась его женой, Жариков захотел, чтобы в этой роли снималась именно Гвоздикова. И он

порекомендовал ее ассистентке режиссера Ларисе Славяновой. Та же взяла фамилию актрисы на заметку, но без конкретных обещаний. А потом и вовсе про нее забыла и порекомендовала режиссеру Григорию Кохану взять на роль Маши молодую украинскую актрису. Но Жариков никого другого, кроме Гвоздиковой, видеть в этой роли не желал! Он долго ломал голову, как это сделать, и наконец в открытую сказал Кохану, что хотел бы пройти пробы с актрисой, которая снималась с ним в «Окнах»: дескать, с ней у него сложились очень хорошие партнерские отношения. Кохан согласился и решил дать Гвоздиковой шанс, а та его едва не упустила.

На пробах ей предложили сыграть сцену допроса Маши, где нужно было расплакаться, но слез от актрисы никак не могли дождаться. Над ее кандидатурой уже повисла угроза отчисления, однако в дело вновь вмешался Жариков, который очень хотел, чтобы Гвоздикова осталась в фильме, да к тому же снова играла бы его возлюбленную. Он сбегал в медпункт, выпросил у медсестры флакон с нашатырным спиртом и смочил им носовой платок, который затем передал Гвоздиковой, посоветовав спрятать его в муфточку, а во время съемки понюхать. Наталья так и сделала, но… вместо слез от едкого запаха нашатыря ее глаза чуть не повыскакивали из орбит. Режиссер прервал пробы.

Всю обратную дорогу в поезде актриса горько рыдала, полагая, что теперь на роль Марии ее уж точно не утвердят. Но выбрали именно ее. Почему? Видимо, снова свою лепту внес гороскоп: Коза и Свинья из одной команды и про них сказано: «Коза обожает Свинью».

На съемках фильма между нашими героями начался страстный роман. Вспоминает Н. Гвоздикова:

«Приехала в Киев на примерку костюмов. Женя был уже там, но жил в другой гостинице. Как-то вечером пригласил меня в гости. Засиделись допоздна, и вдруг он предложил: „Уже очень поздно, Наташа, оставайся. Номер у меня двухместный, я лягу в гостиной“. И я, дура, согласилась, ведь Женя казался мне таким правильным, благородным. Но ночью началось такое! Поначалу между нами завязалась жуткая борьба, а потом… Потом я поняла, что жить без него больше не смогу…»

Во время съемок в «Рожденной…» на Гвоздикову положил глаз еще один артист-красавец — Лев Прыгунов. Он тоже стал активно за ней ухаживать. Однако все его старания оказались тщетными — Гвоздикова предпочла ему Жарикова. Видимо, действительно сильно влюбилась в него. Но тут на их пути возникли неожиданные препятствия.

Когда весной 74-го съемки в Киеве были в самом разгаре,

Гвоздикова поставила перед Жариковым вопрос ребром: либо я, либо жена. Отметим, что на тот момент Наталья уже ушла от мужа и могла требовать того же от Жарикова, но он с разрывом тянул. А тут в Киев вдруг приехала его благоверная… Далее послушаем рассказ Натальи Гвоздиковой:

«Я страшно нервничала. Понимала, что Женя очень страдает: со мной у него любовь, а там — дом и женщина, с которой он прожил более десяти лет. Я видела, что ему ничего не хочется менять. Как раз тогда я познакомилась с молодым человеком, который предложил мне выйти за него замуж и уехать в Америку. И хотя фильм был уже почти наполовину отснят, я подумала и решила уехать — подальше от неразрешимой проблемы.

Моя сестра будто почувствовала, что я вот-вот совершу глупость, о которой потом буду жалеть. И когда я в очередной раз собралась на свидание к своему новому воздыхателю, Мила встала у двери и сказала, что не выпустит меня из квартиры. Я возмущалась, кричала, что давно уже совершеннолетняя и что она не имеет права вмешиваться в мою личную жизнь!.. В самый разгар нашего с ней спора вдруг раздался звонок в дверь — пришел Жариков. Сестра, оказывается, втайне пригласила Женю на серьезный разговор. Увидев его, я поняла, что Америки мне не видать! Мила усадила нас за стол и без всяких предисловий поставила перед Женей вопрос ребром: „Выбирай, с кем остаешься — с женой или с Наташей. Женя, ты измотал их обеих. Так нельзя!“ Если бы не она, не знаю, как бы сложились наши судьбы…»

Вскоре после этого Жариков ушел от жены. К тому же 13 июня 1974 года у Наташи случилась трагедия — умер ее отец, и Жариков, узнав об этом, на следующий же день переехал к ней.

10 ноября того же года по ЦТ состоялась премьера первой серии «Рожденной революции» (затем на той же неделе показали еще две серии). Успех у сериала был огромный — во время его трансляции улицы советских городов буквально вымирали. Естественно, особенный интерес у зрителей вызвали исполнители главных ролей — Жариков и Гвоздикова, которых люди сразу же и «поженили». На самом деле свадьба актеров случилась спустя две недели после премьеры фильма — 25 ноября 1974 года.

Между тем первая жена Жарикова долго не могла смириться с его уходом, хотя бывший муж оставил ей практически все: квартиру, мебель… Ходили даже слухи, что она хотела подстеречь Гвоздикову на улице и облить ее кислотой. Когда эти разговоры дошли до Натальи, она так перепугалась, что какое-то время выходила на улицу только в сопровождении кого-то из близких или друзей. Да и родители Жарикова приняли ее не

сразу. По ее же словам:

«Свекор со свекровью приняли меня настороженно. Очевидно, постарались родственники их бывшей невестки: они говорили обо мне исключительно гадости. Мне же очень нравилась Женина мама: мягкость и доброта в его характере — от нее. Но свекровь абсолютно во всем подчинялась мужу, а характер у него — не позавидуешь! Однажды свекор при мне очень обидел Женю. Я не стерпела и припомнила ему все — и то, как не приехал в роддом за внуком, и что его раздражали пеленки и плач Феди. После этого скандала нам с Женей пришлось уйти из родительского дома. Отношения между мной и его отцом, кстати, так и не наладились…»

Как уже говорилось, сериал «Рожденная революцией» включал в себя 10 самостоятельных фильмов, поэтому снимался он в течение нескольких лет — с 1973 по 1977 год. В это же время супруги умудрялись сниматься и в других картинах, причем иногда вместе. Так, например, случилось на кинотрилогии «Дума о Ковпаке», куда вошли фильмы о партизанах Великой Отечественной: «Набат» (1975), «Буран» (1976) и «Карпаты, Карпаты…» (1977). Фильм снимался на Украине, где у наших героев появилось много хороших друзей в кинематографическом мире (после «Рожденной революцией»). Среди этих друзей оказался режиссер Тимофей Левчук. Видимо, поэтому Гвоздикова снялась во всех трех фильмах его эпопеи (играла роль разведчицы Тони Сагайдачной), а вот Жариков только в двух последних (играл поэта-партизана Платона Воронько). По словам Гвоздиковой:

«Вместе с другими членами съемочной группы мы, можно сказать, прошли всю дорогу „от Путивля до Карпат“. Подобно партизанам, нам часто приходилось идти пешком по нескольку часов, неся на себе оружие, аппаратуру. Режиссер Тимофей Васильевич Левчук снимал боевые эпизоды именно там, где они происходили, — высоко в горах».

А вот что рассказывает об этой же картине Е. Жариков: «Мне было интересно и радостно играть в „Думе о Ковпаке“ еще и потому, что украинский поэт Платон Воронько — хороший друг моего отца, писателя Леонида (Андрея) Жарикова…»

Кстати, в те же годы у Жарикова случился и единственный в его карьере опыт съемок в комедии. У мэтра этого жанра Леонида Гайдая он снялся в фильме «Не может быть!» (1975), где сыграл «ходока до чужих жен» Николая в новелле «Забавное приключение».

Скажем прямо, несмотря на свой имидж серьезного актера, Жариков в этой забавной комедии смотрелся замечательно. Увы,

но это оказался его единственный опыт на комедийном поприще. И тот же Л. Гайдай больше его в свои фильмы не приглашал.

В 1976 году Е. Жарикову присвоили звание заслуженного артиста РСФСР.

Тем временем продолжаются съемки в сериале «Рожденная революцией». Причем с наших героев было взято обещание, что до конца съемок они повременят с рождением ребенка, поскольку в противном случае придется надолго останавливать съемочный процесс. А родить наследника молодым хотелось, особенно Жарикову. Как расскажет много позже журналистка Татьяна Секридова, он перед свадьбой поставил перед Гвоздиковой условие: женюсь, если родишь мне пятерых детей. Потом все же сошлись на трех, но в итоге на свет появится только один ребенок. Причем забеременела им Гвоздикова в конце съемочного процесса, чтобы не подводить коллектив. На съемках последней серии живот у актрисы рос не по дням, а по часам. Знала же об этом только художница по костюмам, которой Наталья призналась в своем «грехе» и попросила, чтобы она сделала на платье побольше оборок. Впрочем, в последней серии сцен с участием Гвоздиковой было не так много, а потом ее героиню и вовсе убивали бандиты в пригородной электричке. Так что ее беременность работе не помешала. И все же сына Федора она родила аккурат спустя 12 дней после завершения работы над фильмом — в начале 1977 года.

Естественно, после рождения ребенка работы в кино у Гвоздиковой поубавилось — она вынуждена была сидеть дома. Но уже через год снова стала сниматься: в «Последнем шансе» (1979) сыграла роль Ларисы Леонидовны, в «Моем генерале» (1979) — мать Антона, в «Опасных друзьях» (1980) — возлюбленную главного героя Таню. Кстати, в последнем фильме играть любовь ей пришлось не к кому иному, как к… Льву Прыгунову. Вспоминает Н. Гвоздикова:

«По сюжету нас с ним ожидали всевозможные радости любви. Представляете мое самочувствие? Как сейчас помню, привезли нас в сад около Театра Советской Армии (съемки шли в сентябре 79-го. — *Ф. Р.*), мы с Левой идем по аллее, а потом должны слиться в поцелуе. Поверите — нет, как подходит этот миг, так меня нервный смех разбирает, не могу собраться, и все. Семь дублей мы с ним тогда целовались. А рядом на скамеечке какая-то старушечка случилась. Сидела она, на нас глядела, глядела, а потом как закричит: „Это куда же Жариков смотрит, Гвоздикова тут с Прыгуновым вовсю целуется!“ Таким вот смешным образом тайное для Левы стало явным.

А в постель я с ним все равно не легла. Тогда еще жуткий

застой стоял на дворе, и мне удалось убедить режиссера, что сцену все равно вырежут, а она, мол, бесконечно важна для сюжета… Нашли выход из положения: Лева лежал в постели, а я сидела рядом…»

Что касается Евгения Жарикова, то у него работы в кино во второй половине 70-х тоже было не много. Он тогда снялся всего в двух фильмах: «Самый красивый конь» (1977; мастер по конному спорту Борис Степанович Иноземцев) и «Мой генерал» (1979; отец Антона; как мы помним мать Антона сыграла Гвоздикова).

В 80-е годы работы в кино у Жарикова и Гвоздиковой заметно прибавилось. У него это были роли в фильмах: «Долгая дорога в дюнах» (т/ф, 1980–1981; Отто Грюнберг), «Любовь моя вечная» (Глеб Никитич), «Факты минувшего дня» (Юсин) (оба — 1981), «Осенняя дорога к маме» (1982; Дмитрий Павлович), «Семь часов до гибели» (1983; главная роль — хирург Алексей Шульгин).

В двух фильмах из перечисленных с Жариковым снималась и его жена: в «Любви вечной» она играла Клавдию Грибову, в «Семи часах до гибели» — Ирину Шульгину (то есть опять жену героя, которого играл Жариков).

Между тем в год выхода последнего фильма на экран (1983) звездный брак наших героев едва не распался. Вот как об этом вспоминает сама Н. Гвоздикова:

«Кризис у нас случился в 1983 году. Я время хорошо запомнила, потому что сын тогда в школу как раз пошел. Накопилась усталость, взаимные обиды, претензии. Но так как мы всегда старались решать проблемы вдвоем, не привлекая в арбитры друзей, соседей, то из тупика постепенно вышли. Хотя все могло кончиться разрывом».

Разрыва не случилось — видимо, звезды на небе сложились в хорошую конфигурацию для супругов.

Во второй половине 80-х Жариков и Гвоздикова снимались мало, а если это и случалось, то предпочитали работать вместе. Речь идет о фильмах: «Тихие воды глубоки» (1985), «Тайны мадам Вонг» (1986), «Турксиб» (1987). Единственным исключением стал фильм «Первая Конная» (1984), где Жариков сыграл Клима Ворошилова, а вот для Гвоздиковой роли там не нашлось. Но, повторимся, это было исключение. В большинстве же случаев там, где был Жариков, была и его супруга. Почему? Видимо, так ей было удобнее контролировать его личную жизнь (Змеи, как мы помним, любят «гульнуть на стороне»). Рассказывает Н. Гвоздикова:

«Если мне что-то не по нраву, могу сказать без обиняков: „Сейчас как дам в глаз!“ Или больно ущипнуть, если замечу, что

Женя флиртует с кем-то или выпил лишнего. Многие наши коллеги смеются: „Гвоздикова, когда тебя нет рядом, Жариков более раскованный“.

А вообще если вдруг замечаю, что Женя начинает вести себя плохо, грожу ему: „Вот приедем домой, все Феде расскажу!“ Это действует безотказно — он сразу остепеняется. Федя — это наша с ним совесть…»

В 1988 году Жариков был избран президентом Гильдии актеров российского кино. С этого момента он практически целиком ушел в общественную работу и снимался редко. Самыми известными его фильмами в начале 90-х были: «Убить Шакала» режиссера «Рожденной революцией» Григория Кохана (1991; главная роль — начальник угро Николай Алексеевич Петров), «Троцкий» Леонида Марягина (1993; Сталин) и «Серые волки» Игоря Гостева (1994; председатель КГБ Александр Шелепин).

Когда в середине 90-х режиссер Григорий Кохан решил сделать продолжение фильма «Убить Шакала» и вновь предложил Жарикову главную роль в нем, посулив за это 250 тысяч рублей (большие деньги для начала 90-х), актер отказался: сказал, мол, и здоровье уже не то, да и работы в Гильдии много.

Что касается Гвоздиковой, то и она в те годы практически не снималась. За все 90-е у нее «набежало» четыре фильма: «Ночь самоубийцы» (1991; милиционерша-сволочь), «То, что важнее всего» (1992), «Барышня-крестьянка» (1995), «Ночь желтого быка» (1997).

Жила звездная чета в том же доме, в какой она вселилась в 70-е — он находится на Юго-Западе Москвы. Обитали там не одни, а с сыном Федором, который по их стопам не пошел, хотя в свое время ему предлагали сниматься в своих картинах и С. Бондарчук, и Ю. Чулюкин, и Р. Василевский. Но Федор с детства ездил с родителями в экспедиции, видел всю изнанку профессии, и это, видимо, не вызвало у него желания пойти по стопам родителей. По словам Гвоздиковой:

«Сыну не нравится наша с отцом профессия. Он как-то заметил, наблюдая за актерской тусовкой: „Как у вас все сложно, гадко и какие у вас неискренние люди“».

В итоге Федор Жариков окончил Институт иностранных языков.

О том, как жилось в то десятилетие звездным супругам, рассказывают они сами (из интервью конца 90-х).

Н. Гвоздикова: «Я ведь ужасно вспыльчивая. Хорошо еще, что у нас характеры с Женей разные. Я все близко к сердцу принимаю, плачу по всякому поводу. Но зато отхожу быстро. Я своих мужиков прощаю всегда раньше, чем они меня. А вот если

Женя вспылит, то в нормальное состояние он возвращается довольно долго…

Люди, вступая в брак, должны знать слабости друг друга. Даже мелкие. И уметь прощать. К примеру, Женя утром, едва встав с постели, „врубает“ телевизор. Меня иногда просто трясет от этого. Но я сдерживаюсь. Понимаю, что это ему необходимо. Так он быстрее просыпается, входит в рабочий ритм…

Меня еще никто никогда не заставал дома врасплох. В квартире у нас всегда чисто. Всегда есть обед на плите. Мужики мои ухожены: я приучила их быть аккуратными. Правда, с сыном у меня это лучше получилось, поскольку я его родила и воспитала, а вот Евгений Ильич попал в мои руки значительно позже… Но я его научила многому: стирать, готовить, мыть полы…»

Е. Жариков: «Наташа — жутко ревнивая особа. Просто до неприличия. Вот идет, например, красивая женщина, и я, бывает, на нее смотрю, но без всяких, разумеется, задних мыслей. Просто как мужчина, как актер, который, что ни говорите, должен наблюдать жизнь. И тут же слышу шипение: „Что, нашел? Увидел, да? Ну, смотри-смотри на свою мочалку…“

Любимое наше семейное увлечение — грибы. Соревнование устраиваем. Так увлекаемся, целый день можем по лесу бродить. В лес — было бы время — всегда готовы. Еще любим посидеть на берегу речки, поплавать. Часто бываем на Десне. Это наши любимые места.

Еще я люблю охоту. Она для меня — возможность забраться куда-нибудь подальше от телефона. Уезжаю в Карелию, на Урал…

Брак — это компромисс между мужчиной и женщиной. И вечная игра. Надо быть все время новым, загадочным. Уметь неожиданно радовать, делать сюрпризы. С возрастом появляются уважение, осознание того, что рядом — твоя вторая половинка, родной и близкий человек, без которого себя уже не мыслишь. Если тебе грустно, а у нее настроение еще хуже — потерпи, попробуй ее рассмешить. Я всегда стараюсь выходить из сложных ситуаций с помощью смеха…

С каждым прожитым годом острота чувств, безусловно, теряется. В юности большую роль играет желание, для молодых это естественно. С годами бурное влечение переходит в более спокойные отношения.

Сейчас многие актрисы делают пластические операции. Если бы Наташа тоже пошла на это, я бы не смог к ней относиться, как прежде. Потому что мне дороги даже ее морщинки, ведь они не только ее — они наши общие, совместно приобретенные. И может быть, я больше виноват в них. С годами все становится более

дорогим и близким в человеке, с которым живешь…»

Из интервью Натальи Гвоздиковой газете «Московский комсомолец» (номер от 10 февраля 2003 года):

«Я не медлительный человек, не спокойный. Женя другой: неспешный, но упрямый. Я довольно быстро срываюсь, если что-то меня раздражает, но так же быстро и успокаиваюсь. Женя же взрывается редко, но и отходит гораздо медленнее… У нас, конечно, бывают ссоры, часто из-за какой-нибудь ерунды. Например, муж может смотреть новости целый день, да еще и по всем каналам, а мне кажется, что достаточно это делать только утром и вечером. В таких случаях могу и повопить. Подойти, например, и выключить телевизор, сказав: „Ну, что ж ты сидишь, смотришь? Нужно ведь сделать вот это и вот то“ (типичное „козерожье“ поведение — диктаторское. — *Ф. Р.*). Зато он политически подкован, а я — нет (а это уже Свинья — они чаще всего аполитичны. — *Ф. Р.*). Ну, не совсем, конечно: знаю, например, что нашей страной управляет Путин Владимир Владимирович… Хотя вместо телевизора я лучше книжку почитаю…

Мой сын Федя настолько близок мне, что я могу разговаривать с ним абсолютно на любые темы. С его стороны я тоже чувствую полную откровенность. Всегда могу к нему подойти, пожаловаться, попросить совета и знаю: Федя меня выслушает, поддержит. Он родной человек и очень хорошо ко мне относится. А с Женей несколько другие отношения. Ему я тоже могу многое рассказать, но, наверное, не все…

Обзаводиться семьей Федя пока не торопится. Но если это случится, я бы не хотела жить вместе с молодыми. Хозяйка в доме должна быть одна — это мое глубокое убеждение. Мне обязательно будет казаться, что его жена что-то делает не так. Как и моей маме. Она приезжает ко мне и начинает без конца зудеть — я еле сдерживаюсь. Говорю: „Мам, я буду делать это так, как делаю уже много-много лет“. Но она всегда мной недовольна. Такой, наверное, буду и я…»

Долгие годы звездная пара Жариков — Гвоздикова считалась эталоном семейного счастья и верности. Как вдруг в ноябре 2005 года грянул настоящий гром среди ясного неба. В журнале «Караван историй» было опубликовано большое интервью с журналисткой Татьяной Секридовой (автор интервью — А. Ржевская), которая рассказала, что в течение нескольких лет была возлюбленной Жарикова и даже родила от него двоих детей.

По ее словам, все началось в 1994 году, когда она работала в качестве журналистки на фестивале «Балтийская жемчужина» в Юрмале. Именно там она в первый раз и встретилась с

Жариковым. Причем встреча была своеобразная. Татьяна сидела на лавочке и читала книгу, а мимо проходили Жариков с Гвоздиковой и громко ругались. Однако актеру хватило времени, чтобы обратить внимание на незнакомую девушку и даже послать ей жгучий взгляд (как сказано в гороскопе Змеи: «Мудрый и несколько холодный мужчина-Змея полностью во власти чар женщины-Крысы»). А месяц спустя Секридова и Жариков вновь встретились, но уже на другом кинофестивале — «Созвездие». Там и началась их «лав стори». Вот как об этом рассказывает сама журналистка:

«Актеры и журналисты десять дней плыли на корабле из Одессы в Киев. Президентом фестиваля был Евгений Жариков. Меня очень удивило, что он приехал туда без жены. Как потом выяснилось, Наталья собиралась прилететь в Киев лишь на закрытие фестиваля, отправив мужа в „свободное плавание“. С первого же дня он оказывал мне знаки внимания: нежные прикосновения, комплименты, взгляды… Я чувствовала, что этот человек ко мне неравнодушен, но старалась не поддерживать его кокетливой игры, прекрасно зная, как расслабляет актеров фестивальная обстановка. Хотя от каждого его прикосновения у меня перехватывало дыхание и сладко замирало сердце.

А потом… Как-то стою на палубе, читаю на доске объявлений программу кинопоказа. Женя молча подходит сзади, обнимает и, не дав опомниться, осыпает меня такими страстными поцелуями, словно только что вырвался на волю из тюрьмы. Я не ожидала такого напора и поначалу расстерялась. „Ты с ума сошел! — пытаюсь вырваться. — Здесь же люди!“ В любую минуту кто-нибудь мог выйти из каюты и нас увидеть. Тогда он подхватывает меня на руки и несет в свой люкс. Я уцепилась за косяк двери: „Отпусти! Через два часа открытие фестиваля, мне надо привести себя в порядок, принять душ, да и потом, с какой стати?! Что за насилие над личностью?“ — „У нас сорок минут. А душ, кстати, и у меня есть…“ — говорит он. Тут я засмеялась: „Из-за сорока минут не стоит и начинать. Нет, нет и нет. До свидания!“ — и убежала. На него было жалко смотреть…

С этого дня Женя буквально не отходил от меня ни на шаг. Каждый вечер мы проводили вместе: в казино он учил меня играть, в ресторане галантно угощал, осыпал цветами и подарками… Из любых компаний вытаскивал на танцы. Атака шла по всем фронтам. Два дня я держала осаду. Допоздна засиживалась в ресторане или казино и каждый раз искала кого-то в сопровождающие, чтобы Женя не затащил к себе в каюту. Он скрежетал зубами, когда с нами увязывался кто-то третий…

Я пыталась его урезонить, говорила: „У тебя же жена! А если

ей кто-то донесет? Она же скоро приедет!“ Он нехотя отвечал: „Ну да, жена… Но это все видимость, дань имиджу. Мы давно уже не живем вместе. У каждого своя спальня, даже на фестивалях селимся в разных номерах…“ Всерьез его слова я не воспринимала, понимая, что все это обычная чушь, которую несут мужчины, стремясь затащить женщину в постель.

Но Женя был просто великолепен. Я чувствовала себя настоящей королевой, которую добивается благородный рыцарь. На третьи сутки так получилось, что мне не с кем было пройти „опасный“ путь до своего номера. Он элегантно распахнул дверь своего люкса и с гордостью обвел его рукой: „Это все тебе!“ Там уже был накрыт стол, всюду стояли цветы — он явно готовился к этому моменту. Женя налил бокал шампанского и встал на колено… Разве можно было устоять? Я осталась в его номере до утра. И поверила его словам, поскольку чувствовалось: он давно не был с женщиной. Сыграть это невозможно. Я дивилась его сумасшедшей молодой страсти, а ведь он давно не мальчик, на двадцать лет старше меня…

Женя так хотел ребенка, что не думал ни о какой осторожности… Перед свадьбой с Натальей он поставил ей условие: женится, если она родит пятерых, потом, правда, они „сторговались“ до трех. Она же после первенца Федора заявила: „Все! Дальше — сам!“

У Жени было много романов. Поскольку жена его к себе не подпускала, он начал поглядывать на сторону. „Вообще-то, — откровенничал он, — Наталья за мной никогда не следила, а если кого-то и подозревала, то совсем не тех. У меня всегда была достаточно вольная жизнь!“ Позже, вспоминая истории своих похождений, Женя часто называл известные имена, сопровождая разными комментариями…»

Спустя примерно год Секридова родила мальчика от Жарикова. Ребенка назвали Сережей — так захотел отец мальчика. Оказывается, в молодости у него были проблемы с почками, и его спас от смерти врач по имени Сергей. Когда Жариков спросил врача, как он может отблагодарить его за заботу, тот просил назвать будущего сына Сергеем. Но когда это случилось, на пути желания мужа встала Гвоздикова — назвала сына в честь своего отца Федором. И только теперь, на склоне лет, у Жарикова появилась возможность выполнить давнюю просьбу своего спасителя.

Спустя полтора года они родили еще одного ребенка — на этот раз дочку Катю. И все это время Гвоздикова даже не догадывалась о тайной жизни своего благоверного. А у того буквально «крышу снесло» от его любви к журналистке. По

словам Секридовой:

«Женя с женой всегда жили в разных номерах и на разных этажах. Слава богу, Наталья ни разу не застала нас вместе. А когда улетала домой, он полностью раскрепощался и позволял по отношению ко мне такие вольности, что мне все время приходилось его одергивать: „Что ты делаешь? Люди кругом. Ей доложат“. Только благодаря моим усилиям информация о нас не расползалась кругами…

Однажды звонит встревоженный Женя. „Представляешь, сегодня утром раздается звонок. Трубку берет Наталья. „Это жительница Москвы. Вы знаете, что у вашего мужа двое детей?“ Она отвечает: „Знаю“, — и вешает трубку. Слава богу, жена восприняла это как очередной розыгрыш…“»

Этот роман продолжался целых семь (!) лет. А в феврале 2002 года Татьяна начала подталкивать Жарикова к тому, чтобы он уже начал определяться: либо она, либо Гвоздикова. Но тот тянул с окончательным выбором.

В июне Евгений и Татьяна вместе отправились на кинофестиваль в Сочи, и там у Жарикова случилась связь с некой барышней. Причем Татьяна застукала их прямо в люксе актера. В гневе она позвонила Гвоздиковой и рассказала всю правду про их отношения с Жариковым, в том числе и про двоих детей. После этого звонка с актрисой была истерика. Она едва не застрелилась из ружья, к счастью, рядом оказался сын. Но потом, остыв, Гвоздикова все же нашла в себе силы простить мужа. Но взяла с него слово навсегда порвать с возлюбленной и двумя детьми. Правда, какое-то время Жариков помогал Татьяне материально, но затем это прекратилось. По словам Татьяны:

«Даже когда дети пошли в первый класс, отец не позвонил и не поздравил их хотя бы по телефону. Исчез, будто его и не было… Я никогда не поверю, что Наталья заставила его отказаться от детей. Ни одна женщина, имеющая ребенка, не сделала бы этого. Это его решение, и грех на его совести…»

Эта статья в одном из самых популярных и читаемых журналов произвела эффект разорвавшейся бомбы. Про этот любовный треугольник в те дни не говорил разве что ленивый (даже «Пусть говорят» посвятила этой истории целый выпуск). На волне этого скандала в октябре 2005 года скончалась 84-летняя мать Гвоздиковой. Как писали в ряде газет, эта смерть явилась прямым следствием вышеупомянутого скандала.

Вообще, тогда многие печатные издания встали на сторону звездной пары. Вот лишь два таких примера.

Весной 2006 года в «Экспресс-газете» появилось большое интервью с Жариковым (номер от 27 марта, автор — Б. Кудрявов),

где он, в частности, коснулся и своего романа с Секридовой. Вот что сказал актер:

«Чего только с нами, мужиками, не случается. Любви там (в романе с Секридовой. — *Ф. Р.*) никогда не было. С моей стороны уж точно. А что было? Порочная половая связь. Трахались. И только. Секс может быть и без любви. В первый раз, например, я женился, потому что дал слово, будучи не в очень трезвом виде. Глупо? И 12 лет прожил с женщиной, которую не слишком любил…

История тяжелая. Наташу гложет обида. Это естественно. За то, что я натворил, прощения просто так у любящей женщины не вымолишь. Мною была сделана очень серьезная ошибка. Повторюсь — отвечаю за это всем своим существом. Здоровьем в том числе. Инсульт перенес. До сих пор плохо чувствую левую руку. Немеет, покалывает.

Говорят, время лечит. Любовь и уважение в своей родной семье я окончательно не потерял. Каюсь, грешен! Несмотря ни на что, Наташу баловал всегда. Она никогда ни в чем не знала отказа.

О своей вине я уже сказал. Я покаялся перед духовником. Зачем Секридовой нужно было обнародовать наши отношения? Это уже вопрос к ней. Думаю, она об этом может только пожалеть. И ее стоит пожалеть. Но еще больше — детей. Они-то в чем виноваты? Будут расти без отца. Здорово? Секридовой руководили злоба и неудовлетворенные амбиции. В основном материального характера. Вряд ли она могла ожидать, что останется на „бобах“, получая алименты только с моей пенсии. В любом случае, чтобы поддерживать детей, я давал деньги гораздо большие, чем она имеет сейчас. Выходит, наказала сама себя.

Между нами было заключено важное условие — если отношения будут обнародованы, все прекратится. Татьяна пошла на этот шаг сознательно. Потом стала жалеть. В итоге — обозлилась! На свою беспомощность, конечно. Разослала запросы о моих возможных заработках куда только можно. Отовсюду один ответ — кроме пенсии, у Жарикова нет ничего. Так на самом деле и есть. По закону я должен отчислять со всех дополнительных заработков 33 процента на ее счет, но я сейчас практически не снимаюсь. На фестивалях присутствую только в качестве почетного гостя. Денег за это не платят…

Татьяна Секридова, по сути, разрушитель! Зависть, корысть — негативные элементы душевного пространства. Не надо мстить! Против тебя же и обернется. Да, мужик думает о своем, мимолетном, так сказать. Часто не учитывая возможные последствия. Что поделаешь, физиология берет свое…

Чуть ли не ежедневно я выслушиваю столько всего! Никому такого не пожелаю. Жена не может простить, зажать волю в кулак и поставить точку. Но за столько времени можно понять, что такое уже повториться не может. Сколько можно каяться? Грехи мои давно отпущены…»

Другой пример — публикация в журнале «Атмосфера» (май 2006-го) «Фотоальбома семьи Жариковых». Это была новая рубрика в журнале, которая не случайно была открыта именно с пары Жариков — Гвоздикова. Вот как начинался этот материал (автор — В. Мусина-Пушкина):

«Когда вашу личную жизнь обсуждает вся страна, трудно удержаться от встречных комментариев. Не сломаться. Остаться прежним. Думается, Наталья Гвоздикова за последние месяцы прожила не самые радостные моменты именно потому, что ее личную жизнь с Евгением Жариковым успели обсудить и в прессе, и на телевидении. Сколько мужества и сил ей это стоило — известно только богу. Поэтому ожидаешь застать ее в любом состоянии: подавленном, отрешенном, растерянном.

Дверь открывает действительно другая Гвоздикова.

Еще более энергичная, еще более жизнерадостная, еще более ироничная. И даже помолодевшая. Кажется, что история об измене мужа, раздутая прессой, ее совершенно не касается. Это вообще проблема прессы. „С некоторых пор я не общаюсь с журналистами, — говорит она. — Собака лает, ветер носит“. Все правильно. Жизнь продолжается. Муж, сын, друзья — самое главное, близкие люди рядом.

Она, конечно, непростая женщина, Наталья Федоровна. В ней чувствуется огромная воля, сила характера, железный стержень. И понимание того, что она — человек публичный. Поэтому меньше всего от нее ожидаешь, что она нальет кофе, раскроет фотоальбом и станет рассказывать десятки историй — смешных и грустных — о своей личной жизни…»

Дальше шел набор фотографий из семейного альбома звездной пары с панегирическим текстом из разряда «Вот оно, счастье». При взгляде на эти снимки ни у кого из читателей не должно было остаться и тени сомнения, что у этой семейной пары на личном фронте все более чем отлично.

Спустя два с половиной года — в ноябре 2008-го — та же «Экспресс-газета» вновь вернулась к этой теме и поместила на своих страницах статью под название «Гвоздикова окончательно простила Жарикова». Ее автор, А. Надеждина, писала:

«…Все эти страсти совершенно очевидно позади. Сегодня эта пара (Жариков — Гвоздикова. — *Ф. Р.*) радует глаз царящей между ними гармонией. В настоящее время они работают вместе

на площадке сериала ЛЕАН-М „Русалочка“ — кстати, впервые за десять лет звезды телефильма „Рожденная революцией“ вновь снимаются вместе…

Их беззлобная пикировка и подтрунивания друг над другом говорят о том, что в семье снова царят мир и взаимопонимание.

— Этот нехороший человек готов шутить хоть целый день, а съемки-то идут! — Гвоздикова притворно-укоризненно кивает на мужа. — Вот сейчас как дам ему щелбан и уйду.

— Да она этим щелбаном мужа каждое утро будит, — парирует Жариков, глядя на жену сияющими влюбленными глазами…»

От невинной Ассоли до разбитной Атаманши

Анастасия Вертинская родилась в Москве 19 декабря 1944 года в творческой семье: ее отец — Александр Николаевич Вертинский — был знаменитым артистом театра, эстрады, поэтом и композитором, мать — Лидия Владимировна — художником.

Слава пришла к Александру Вертинскому в 1916 году: в качестве премьера он тогда играл в московском Театре миниатюр, выступал как певец на эстраде (ему было тогда 27 лет). Чуть раньше начал сниматься в кино и к моменту Октябрьского переворота 1917 года успел сыграть в 18 фильмах. Помимо этого он писал превосходные рассказы и фельетоны, которые печатали многие газеты и журналы царской России.

В 1919 году Вертинский вынужден был эмигрировать из раздираемой гражданской войной страны и очутился в Турции. Впоследствии в поисках счастья он обогнул с гастролями земной шар, за несколько лет побывав чуть ли не во всех крупнейших городах мира: Париже, Варшаве, Бухаресте, на Гавайях, в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе. В 1935 году Вертинский на восемь лет оседает в Шанхае. Именно там в 1942 году он знакомится с 19-летней очаровательной грузинкой Лидией Циргвавой (она родилась в Харбине) и вскоре женится на ней.

В этом браке у супругов родится двое очаровательных дочерей. Сначала 28 июля 1943 года на свет появляется дочь Марианна. В ноябре того же года Вертинскому и его семье разрешено вернуться на родину — в СССР. Через год — уже в Москве — родилась вторая дочь — Анастасия.

Когда Вертинский возвращался в СССР, многие его знакомые-эмигранты пророчили ему скорую гибель. Однако все вышло наоборот. Вертинский не погиб, хотя творчески оказался в опале. За все время сталинского правления о нем ни строчки не написала ни одна советская газета, не было ни одной официальной афиши его концертов. Однако в то же время в Политбюро его творчество любили. Известен случай, произошедший в конце 40-х: Вертинского попросили записать 15 пластинок, которые затем были розданы членам Политбюро для домашнего прослушивания.

Даже когда в 1948 году вышло известное постановление о музыке, ни один высокий чиновник не посмел хоть в чем-то упрекнуть Вертинского. Как гласит легенда, за артиста лично заступился Сталин, в узком кругу произнесший такие слова:

«Дадим артисту Вертинскому спокойно дожить на Родине». Позднее эта благосклонность кое-кем была интерпретирована по-своему: к примеру, распространились слухи о том, что Вертинский — негласный агент разведки, что его золотой бюст стоит в музее КГБ на Лубянке. На самом деле вождь действительно уважал Вертинского и как артиста, и как человека, который не побоялся вернуться на родину.

Между тем единственными заработками Вертинского в те годы были съемки в кино и гастрольная деятельность. На экране он создал несколько ярких ролей в фильмах, имевших у зрителей стабильный успех. Он сыграл: Кардинала в «Заговоре обреченных» (1950; Сталинская премия 2-й степени), Дожа Венеции в «Великом воине Албании Скандерберге» (1951), Князя в «Анне на шее» (1955) и др.

Однако работа на съемочной площадке случалась у Вертинского не так часто, поэтому основной доход семье приносили гастроли по городам Союза. А так как за концерты тогда платили мало, артисту приходилось «наворачивать» сотни километров по стране — он давал по 24 концерта в месяц! И все же денег на содержание семьи все равно не хватало. Тогда Вертинский обратился к жене: «Лида, ты хорошо рисуешь — иди учиться в Суриковский, потому что я тебя обеспечить не могу».

Стоит отметить, что Лидия Владимировна Вертинская впоследствии стала не только художником-графиком, но и снялась в пяти фильмах: «Садко» (1953), «Дон Кихот», «Новые похождения кота в сапогах» (оба — 1957), «Киевлянка» (1958), «Королевство кривых зеркал» (1963).

А. Вертинская рассказывает: «Папа баловал нас с сестрой до чрезвычайности, любовь его не знала границ. Я вспоминаю нашу жизнь с папой как чистую идиллию. Воспитание он стремился воссоздать по образцу дворянских, дореволюционных семей: бонны, манеры и множество чудных домашних праздников — Рождество, Новый год с подарками под елкой, Пасха, дни рождения и, конечно, все советские красные дни календаря.

Противовесом папе была бабушка (Лидия Павловна Циргвава. — *Ф. Р.*). Хотя бесспорно, мою жизнь сформировало именно папино влияние. Бабушка была строга и терпеть не могла, когда рядом бездельничали. Она прекрасно готовила самые разнообразные кушанья — от китайских до грузинских. Благодаря бабушке я, во-первых, — трудоголик, во-вторых, считаю основным своим призванием кулинарию…

Отец очень страдал от моих сцен ревности. И если у сестры Маши случался день рождения, он был вынужден дарить точно такую же куклу и мне. Иначе я просто сходила с ума! Однако если

Маше доставалась кукла в розовой юбке, а мне в голубой, то все равно я чувствовала себя обделенной. Я всегда обожала папу и ревновала ко всем и вся. При этом причина могла быть самой нелепой, например, что он попросил Машу, а не меня подать ему тапочки…

Папа обожал одежду, которая называлась „халат“. У него был мягкий, теплый домашний халат, духи с легким запахом лаванды. И вот этот лавандовый запах вперемешку с запахом табака (он курил сигареты „Camel“) распространялся в квартире с утра, если папа был дома. Он вставал рано, бесшумно умывался, бесшумно принимал душ, так же бесшумно готовил завтрак. Первое, от чего я просыпалась, — все эти едва уловимые запахи и звуки. При папе у нас не было будней. А он любил подметать полы, хотя в доме было кому навести порядок…

В школе я была двоечницей. Отец поражался этому, но… приходил в восторг, что я в него. Мои мысли постоянно летали где-то вдали от алгебры или грамматики. Но любила уроки труда, где мы лобзиком выпиливали металлические номерки…

Папы постоянно не было дома, он гастролировал, зарабатывал деньги, мама училась в суриковской школе живописи. Это не был брак, как у всех, — изо дня в день, после шести. Каждый мог принадлежать себе. Но когда папа появлялся дома, все менялось. Мы знали, что он ненадолго, что скоро опять уедет, — и все откладывали свои дела, свои капризы. И не было в семье скандалов, жлобства. Это действительно был дом, где хотелось находиться. Я помню, что, когда он приезжал, я шла вниз (мы жили рядом с Елисеевским магазином), покупала самое твердое мороженое, глотала его, чтобы заболеть и остаться дома — потому что папа дома…

Папа много работал, но все отпуска проводил с семьей. Очень любили выезжать в Прибалтику. Снимали дачу в Дзинтари или в Дубултах. Папа давал концерты. Для нас там было настоящее приволье: море, мягкий бархатный песок и душистые, шуршашие от ветра дюны… Потом, когда купили дачу под Москвой на станции Отдых, до потемок с сестрой гоняли на велосипедах. Чтобы как-то привязать нас к дому, папа привез телевизор, хотя сам терпеть его не мог…

Однажды папа сказал: „Мы воспитываем дочерей не как советских гражданок!“ — и отправил нас с сестрой в пионерский лагерь. О, это был опыт! Ничего не помню об этом лагере, кроме дикого чувства голода, и еще как мы ходили с Машей воровать хлеб ночью в столовую. Вернувшись из лагеря, мы с диким матом на все буквы алфавита, расчесывая вшивые головы до крови, ввалились в квартиру. Не поздоровавшись с ошеломленными

мамой и папой, мы рванули на кухню и руками стали есть котлеты, также матерясь, пукая и рыгая. Остолбенелый папа долго стоял в прихожей, потом как-то молча ушел в кабинет и сидел там в большой растерянности. Бабушка стала изучать наши волосы и обнаружила лагерных вшей… Нас обрили наголо и отправили с двумя боннами на курорт…

После лагеря мы стали бандитничать, хулиганить, убегать из дома. Довольно быстро этот период прошел. И все вернулось на круги своя…

Несмотря на то что я была пионеркой, я верила в Бога. Вечером, так было заведено в нашей семье, мы становились с сестрой на колени, лицом в тот угол комнаты, где висела икона, и молились Господу Богу. И только потом мы ложились спать. Однако крестик в школу я не носила, бабушка не разрешала. Потом, когда выросла, я сама не захотела молиться Богу. Мне казалось это стыдным и вообще глупостью. Родители не настаивали на обратном, потому что видели, как мое пионерское сознание при одной только мысли о вечерней молитве густо краснело. Но потом, став взрослым человеком, я начала ходить в церковь и как бы вернулась к религии…».

Несмотря на то, что популярность Вертинского среди слушателей не убывала, власти продолжали замалчивать его творчество. О том, как воспринимал этот искусственный вакуум вокруг себя сам артист, говорят строчки его письма, отправленного в 1956 году министру культуры СССР Кафтанову. А. Вертинский писал:

«Я уже по четвертому и пятому разу объехал нашу страну. Я пел везде — и на Сахалине, и в Средней Азии, и в Заполярье, и в Сибири, и на Урале, и в Донбассе, не говоря уже о центрах. Я заканчиваю уже третью тысячу концертов. В рудниках, на шахтах, где из-под земли вылезают черные, пропитанные углем люди, ко мне приходят за кулисы совсем простые рабочие, жмут руку и говорят: „Спасибо, что Вы приехали! Мы отдохнули сегодня на Вашем концерте. Вы открыли нам форточку в какой-то иной мир — мир романтики, поэзии, мир, может быть, снов и иллюзий, но это мир, в который стремится душа каждого человека! И которого у нас нет (пока)“.

Все это дает мне право думать, что мое творчество, пусть даже и не очень „советское“, нужно кому-то и, может быть, необходимо. А мне уже 68-й год! Я на закате. Выражаясь языком музыкантов, я иду на „коду“. Сколько мне осталось жить? Не знаю. Может быть, три-четыре года, может быть, меньше. Не пора ли уже признать? Не пора ли уже посчитаться с той огромной любовью народа ко мне, которая, собственно, и держит меня, как

поплавок, на поверхности и не дает утонуть?

Все это мучает меня. Я не тщеславен. У меня мировое имя, и мне к нему никто и ничего прибавить не может.

Но я русский человек! И советский человек. И я хочу одного — стать советским актером. Для этого я и вернулся на Родину. Ясно, не правда ли? Вот я и хочу задать Вам ряд вопросов:

1. Почему я не пою по радио? Разве Ив Монтан, языка которого никто не понимает, ближе и нужнее, чем я?

2. Почему нет моих пластинок? Разве песни, скажем, Бернеса, Утесова выше моих по содержанию и качеству?

3. Почему нет моих нот, моих стихов?

4. Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты? Сигнала нет? Я получаю тысячи писем, где меня спрашивают обо всем этом. Я молчу.

…Странно и неприятно знать, что за границей обо мне пишут, знают и помнят больше, чем на моей Родине! До сих пор за границей моих пластинок выпускают около миллиона в год, а здесь из-под полы все еще продают меня на базарах „по блату“ вместе с вульгарным кабацким певцом Лещенко.

Как стыдно ходить, и просить, и напоминать о себе… А годы идут. Сейчас я еще мастер. Я еще могу! Но скоро я брошу все и уйду из театральной жизни… И будет поздно, и у меня останется горький осадок. Меня любил народ, и не заметили его правители.

Ваш Александр Вертинский».

Ответа на это свое послание Вертинский так и не дождался: 21 мая 1957 года артист скончался.

Когда отца не стало, Марианна и Анастасия были еще детьми (им было 13 и 12 лет). Однако смерть отца ускорила их взросление.

В раннем детстве Анастасия, плененная творчеством Галины Улановой, мечтала стать балериной. Отец даже отвел ее в балетную школу, но учителя с сожалением развели руками. «Хотите, Александр Николаевич, мы ее по блату возьмем, поскольку вы — Вертинский. Но хорошего ее ничего не ожидает. Она у вас будет крупной девочкой».

В более старшем возрасте Анастасия хотела стать хирургом и, вполне вероятно, стала бы им, если бы не случай в лице известного режиссера-сказочника Александра Птушко. После того как он снял свою астрологическую «родственницу» Лидию Вертинскую (она тоже Овен) в картине «Садко», он стал добрым гостем в их доме. Именно он разглядел в 15-летней Анастасии задатки будущей кинозвезды и взял ее на роль Ассоль в свою экранизацию «Алых парусов» А. Грина. С астрологической точки зрения все закономерно, поскольку Обезьяна (Вертинская)

является векторной «хозяйкой» Крысы (Птушко).

Фильм снимался летом 1960 года в районе между Ялтой и Коктебелем в живописных волошинских местах. Коллегами 15-летней Анастасии на съемочной площадке оказались звезды советского кино: Иван Переверзев, Сергей Мартинсон, Николай Волков-старший, Зоя Федорова, Олег Анофриев и др. Роль возлюбленного Ассоль — Артура Грея — исполнил Василий Лановой.

В роли парусника «Секрет» снялась баркентина «Альфа», которую построили еще в 1948 году. До 1960 года она вместе с шестью такими же судами стояла в Финском заливе совершенно бесхозная и должна была вскоре погибнуть. Однако благодаря киношникам ее удалось спасти, а вот судьба шести остальных баркентин оказалась печальной — их затопили. На изготовление алых парусов для «Альфы»-«Секрета» пошли две тысячи метров первоклассного и дорогого алого шелка, который после съемок благополучно вернулся на склад «Мосфильма».

«Алые паруса» вышли на экраны страны 7 июня 1961 года и принесли его создателям оглушительный успех (фильм собрал в прокате 22, 6 млн. зрителей). На следующее утро после премьеры Анастасия Вертинская «проснулась знаменитой».

Не успели отзвучать фанфары в честь юной актрисы после «Алых парусов», как новая волна зрительского почитания накрыла Анастасию с головой. На этот раз после выхода на экраны страны в 1962 году картины Геннадия Казанского и Владимира Чеботарева «Человек-амфибия». В нем героиня нашего рассказа вновь сыграла главную роль — прелестную девушку Гуттиэре, в которую влюблены сразу двое мужчин: злодей Педро Зурита и красавец из морских глубин Ихтиандр Сальватор. Роль первого исполнял известный актер Михаил Козаков, роль второго — дебютант Владимир Коренев.

Фильм вышел на экраны страны 3 января 1962 года и занял 1-е место, собрав до конца года на своих сеансах 65,5 млн. зрителей.

А. Вертинская вспоминает: «Я вообще никогда не собиралась быть актрисой. Кем угодно, только не актрисой. Папа никогда не хотел этого, он желал своим дочерям лучшей участи. И поэтому первые свои два фильма — „Алые паруса“ и „Человек-амфибия“ — я отношу к бессознательному периоду творчества и вовсе не к своим любимым. Актрисой я тогда еще не была. Скорее всего я была просто более типажной.

Я по своей натуре никогда не была готова к публичности. Как я ездила на трамвае, в метро, ходила по просьбе бабушки за хлебом, так и продолжала ходить. И, спускаясь со своего пятого

этажа, тут же оказывалась в эпицентре толпы. На какие бы ухищрения я ни шла — черные очки, платок на голову, — все было тщетно. Мне было тяжело. Я вообще человек замкнутый и люблю уединение…».

Между тем кино в те годы настолько сильно захватило Анастасию, что она совершенно забросила учебу. Когда ситуация достигла предела и учителя поставили вопрос ребром — или школа, или кино, — девушка выбрала последнее. Вскоре она перешла в вечернюю школу рабочей молодежи. Как вспоминает актриса:

«Бабушка была страшно потрясена: для нее пойти в ШРМ было равносильно тому, чтобы выйти на панель. А мне там было легко: я давала автограф на своей фотографии, и мне в дневнике соответственно тоже ставили автограф…».

В 1962 году Анастасию Вертинскую приняли в труппу Театра имени Пушкина и сразу же ввели на одну из главных ролей в спектакле по пьесе Ю. Шевкуненко «Покой нам только снится».

Что касается Марианны Вертинской, то ее дебют в кино состоялся на год позже, чем у младшей сестры, — в 1962 году она сыграла роль своей сверстницы Кати в фильме Анатолия Эфроса «Високосный год». В том же году Марианна успешно сдала экзамены в театральное училище имени Щукина.

Следующий успех Анастасии Вертинской был связан с ролью Офелии в экранизации «Гамлета» В. Шекспира режиссером Григорием Козинцевым.

В этом фильме экранным возлюбленным актрисы стал Иннокентий Смоктуновский, сыгравший роль Гамлета.

Картина вышла на широкий экран 19 апреля 1964 года и заняла в прокате 19-е место. Как у себя на родине, так и далеко за ее пределами фильм собрал на различных кинофестивалях около двух десятков призов.

В год выхода картины на экран Анастасия Вертинская по примеру своей старшей сестры подалась в театральное училище имени Щукина. Причем помогала ей готовиться к экзаменам подруга ее сестры Людмила Максакова.

Во время учебы Анастасия познакомилась со своим первым мужем — 20-летним актером Никитой Михалковым. По ее же словам:

«Моя сестра Марианна тогда была увлечена старшим братом Никиты Андроном и сказала мне: „Пошли, там у него есть брат, такой смешной. У него зубы неровные. Ему мама надевает бархатную кофту и завязывает шелковый бант. Такой шкодливый!“ Я пришла и именно таким Никиту увидела. Это было настолько обаятельное существо, веселое, ну просто луч

солнца. Он без конца острил, шутил. Его всегда окружала целая гоп-компания друзей. Не влюбиться в него было невозможно…»

Итак, между Анастасией и Никитой закрутился роман. Отметим, что параллельно Михалков встречался и с другой девушкой — с балериной Леной Матвеевой. Однако в итоге он отдал предпочтение Вертинской.

Он влюбился в нее, посмотрев «Человека-амфибию». И когда вместе с ней поступал в «Щуку», лелеял мечту когда-нибудь влюбить ее в себя. Но шансов у него было не так уж много, поскольку благосклонности Вертинской тогда добивались многие мужчины, причем были среди них и весьма именитые. Например, Иннокентий Смоктуновский, с которым Вертинская играла в «Гамлете». Однако Михалкову все же удалось затмить всех ухажеров Вертинской, и в начале 65-го они даже какое-то время встречались. Но потом наступил разлад, в котором был повинен Михалков: он настолько достал девушку своей ревностью, что она его прогнала прочь. Незадачливый ухажер после этого уехал на съемки фильма «Перекличка» в Таджикистан, а когда вернулся, вновь стал встречаться с Леной Матвеевой. Но думать продолжал о Вертинской. И вот однажды…

Это случилось 16 октября 1965 года. В тот день приятель Михалкова Иван Дыховичный справлял свое 18-летие, и по этому случаю у него в доме собралось два десятка гостей. Михалков пришел туда с Леной и совсем не рассчитывал встретить там Вертинскую. Ее, кстати, поначалу и не было. Но спустя какое-то время в прихожей раздалась длинная трель звонка, и в квартиру вошла Она, а в качестве кавалера с ней был… юный Андрей Миронов, который в те дни настойчиво ухаживал за Вертинской. Именно там и произошло воссоединение Вертинской и Михалкова. То есть в выборе между двумя однокомандниками — Петухом и Змеей — она выбрала первого. По словам Михалкова:

«Я сидел наискосок от Насти за столом… И дальше я очнулся на лестничной клетке — в поцелуе с ней. Она меня увела оттуда — дело не в том, кто кого увел, но было ясно, если она бы этого не захотела, никогда бы в жизни ничего не было. Во мне не имелось той силы, обаяния и тех возможностей, которые могли ее сломить. Она ко мне приспустилась, снизошла. Я помню как сейчас ощущение того электричества, которое возникло. Должен сказать, не вдаваясь в подробности, что у Насти мужской ум и мужской характер.

Но до сих пор ужасное чувство вины перед Леной Матвеевой меня мучает. Теперь мне кажется, что она действительно меня любила. Я не понял, не почувствовал этого тогда…»

Роман у молодых развивался стремительно: в октябре они

возобновили свои отношения, а уже в январе 1966 года Вертинская сообщила возлюбленному, что… беременна от него. По его словам:

«Известие, что она беременна, меня так обрадовало, что я подумал: теперь „не соскочит“, не уйдет. Это подтверждает, как я безумно был влюблен…»

Естественно, про роман Михалкова и Вертинской знали все. Знали про него и молодые кинорежиссеры Андрей Смирнов и Борис Яшин, которые в самом конце 65-го приступали к работе над своим первым фильмом — экранизацией для ТВ рассказа А. Чехова «Шуточка». На главные роли дебютанты пригласили Михалкова (молодой человек) и Вертинскую (Наденька). Однако известие о беременности спутало все карты — Вертинская от роли отказалась. Тогда на роль была взята другая сокурсница Михалкова по «Щуке» — Нонна Терентьева-Новоседлова.

Летом 66-го Михалков и Вертинская перебрались из городской квартиры за город — на Николину Гору. Жить там было куда веселее, чем в городе, поскольку кроме матери Никиты Натальи Петровны там еще обитали его брат Андрей и его жена Наталья Аринбасарова с полуторагодовалым сыном Егоркой.

Рассказывает Е. Двигубская: «Они (Михалков и Вертинская. — *Ф.Р.*) уже ждали ребенка, Настя была самой хорошенькой беременной женщиной. Девушки подружились и вместе хозяйничали по дому.

У Настеньки была замечательная бабушка Лидия Павловна, она умело держала дом Вертинских, в строгости воспитывала внучек. Лидия Павловна — чудесная хозяйка, этот уютный талант передался Насте. Наталье очень нравились грибы, которые готовила прекрасная Ассоль, — после беременности к Наташе вновь вернулась любовь к лесным деликатесам. Из плебеистых сыроежек Настена могла приготовить волшебной вкусноты блюдо. Она ничего не выбрасывала, все пригождалось на кухне.

— Не выкидывай остатки геркулесовой каши! — отчитывала она Наталью. — Мы сейчас натрем в нее яблочко, добавим яйцо, муки и нажарим румяненьких оладушек!

Взъерошенные яблоком оладьи получались дивным лакомством…

Полноправной хозяйкой в доме была Наталья Петровна. Она умела и любила жить. За что бы ни бралась эта удивительная женщина, все у нее получалось, все в доме делалось ее руками — она вязала внукам одежку, мастерила абажуры, шила постельное белье, украшая полотно семейными монограммами. Когда Тата пересаживала цветы, она ласково разговаривала с ними, гладила листики руками, цветочек трепетал ей в ответ и тут же

приживался в новом горшке. Наташа обожала смотреть, как ее свекровь печет, — ее большие красивые руки так ловко расправлялись с тягучестью теста. Пироги получались пышные, нежные, в них было много начинки. Таких пирогов Наташа никогда ни у кого не ела. (Ну, разве что у себя!) Взрослые люди любят, когда их окружают молодые. Наталья Петровна радовалась, когда Наташа была рядом с ней. Обычно не очень-то нравится получать наставления, но свекровь умела учить незаметно. Робкая Наташа невольно заражалась ее жизнерадостной силой…»

24 сентября 1966 года Вертинская родила на свет мальчика, которого назвали Степаном. Однако вскоре радость от этого события была омрачена появлением некоего ненормального молодого человека, который сильно осложнил жизнь молодых. Этот парень — назовем его Д. — был однокурсником Михалкова и Вертинской по «Щуке», являлся старостой курса и был на хорошем счету у преподавателей. Но был у него один бзик — он обожал пьесу Шекспира «Гамлет». И на этой почве буквально помешался.

Вспоминает Е. Стеблов: «К сожалению, так часто случается в творческих вузах — иногда принимают безумие за талант. После роли Офелии в фильме Григория Козинцева Д. стал преследовать Настю Вертинскую, угрожать и ей, и Никите. Говорил, что убьет ее, себя и его. И если бы не Настина мама, которой удалось изолировать Д. в психлечебницу, еще неизвестно, чем бы все кончилось…»

В октябре Степе исполнился месяц, как вдруг он стал сильно кричать, сучить ножками. Вертинская стала осматривать сына и обнаружила у него в паху красную шишечку. Все, естественно, забеспокоились. Было решено немедленно везти ребенка к знакомому детскому доктору-профессору. Тот, осмотрев мальчика, успокоил молодую маму: мол, ничего страшного — это паховая грыжа. «Что же делать?» — спросила молодая мама. «Я бы мог его прооперировать, но он у вас такой маленький, — сказал доктор. — Лучше отнесите его к знахарке». Вертинская удивилась этому совету, в отличие от Натальи Петровны. Та подняла на ноги всех своих знакомых, и те быстро нашли нужную бабку. Через пару-тройку сеансов грыжа у ребенка исчезла.

Стоит отметить, что общение невесток друг с другом было не совсем безоблачным. Через какое-то время они стали ссориться, что немедленно сказалось на дачном микроклимате. В эти споры стали втягиваться и мужья молодых мамаш, что только усугубляло ситуацию. Конец этому положила Наталья Петровна, которая заявила женщинам: «Если вы мне поссорите моих

сыновей, я вас прокляну».

6 марта 1967 года Михалков и Вертинская официально скрепили свои отношения, что было естественно — у молодых уже рос полугодовалый ребенок. Свадьбу сыграли в ресторане гостиницы «Националь». Гостей туда пришло около ста человек. Жить молодые стали пусть в однокомнатной, но зато отдельной квартире, которую им освободили Андрей Кончаловский и Наталья Аринбасарова. Квартира располагалась в кооперативном доме у метро «Аэропорт».

Очень скоро выяснилось, что несмотря на то что Михалков и Вертинская принадлежали к одной профессии, у них было очень мало общих точек соприкосновения. Причем в большей мере это относилось к ней, чем к нему. После рождения ребенка Вертинская временно прекратила сниматься (ее последней ролью перед родами была Лиза Болконская в «Войне и мире») и целиком посвятила себя сыну. И практически не интересовалась делами мужа. И вот это Михалкова сильно заедало. По его словам:

«Никогда Настя ни разу в жизни не дала мне понять или почувствовать, что она мною восхищена или что ей нравится то, что я делаю. Конечно, у нас не совпадали два эгоизма, с одной стороны. Она была сдержанна, иронична по отношению ко мне. Она была всеизвестна, когда мы появлялись, естественно, все шли к ней. Это не вызывало у меня чувства обиды, но определенный мужской комплекс возникал. Потому, наверное, я часто из-за нее дрался. Но один момент был очень важный. Я уже учился во ВГИКе и хотел снимать картину о вологодских кружевницах. Уехал в Вологду и провел там невероятное, замечательное время! В пустой деревне, среди старух. Был март (1968 года. — *Ф.Р.*). И я приехал оттуда, абсолютно переполненный ощущениями. Вошел в квартиру, Настя спала, я разбудил ее и стал рассказывать… И вдруг, повернувшись, я натолкнулся на такой вежливый-вежливый взгляд, с улыбкой. То есть она слушала, но только в силу своего воспитания. А так — это была абсолютно чужая женщина. В общем, я так и не научился быть тем, кем она хотела меня видеть. Сначала пытался, потом бросил…»

Короче, брак Михалкова в те дни трещал по швам. И хотя супруги какое-то время продолжали жить вместе, однако для себя они уже решили — все кончено. Потом это ощущение передалось и их близким. И если отец Михалкова не сильно переживал по поводу личной жизни сыновей, то мама, наоборот, страдала. Она успела сильно привязаться к своим невесткам: и к Насте, и к Наташе.

Свидетелем разлада в семейной жизни Михалкова стал все тот же Евгений Стеблов. По его словам, выглядело это

следующим образом:

«Никита позвонил ночью:

— Ты можешь приехать?

— Что случилось?

— Можешь приехать?

— Сейчас приеду.

Я взял такси:

— Улица Воровского.

Он ждал меня в сквере возле Театра киноактера. Растерянно, вопросительно выговорил:

— Она сказала, что не любит меня.

Я еще не любил тогда. Только влюблялся. Не мог разделить, ответить на эту боль. Но я не забуду. Я видел ее в его глазах. Так они разошлись…»

Михалков собрал свои нехитрые пожитки и съехал из квартиры у метро «Аэропорт». Причем жить отправился не на родительскую квартиру на Воровского или дачу на Николиной Горе, а в коммуналку к своему другу Сергею Никоненко. Тот в те годы холостяковал и всегда был рад приютить у себя всех своих многочисленных друзей (например, знаменитый футболист Эдуард Стрельцов одно время тоже пользовался гостеприимством Никоненко).

В 1969 году Михалков уже жил в отдельной однокомнатной квартире — в актерском кооперативе на улице Чехова. Причем его бывшая жена Анастасия Вертинская и трехлетний сын Степан жили в этом же доме, но в двухкомнатной квартире на другом этаже. Это была отнюдь не случайность: супруги расстались без скандала и даже после развода продолжали поддерживать дружеские отношения. И Степа тоже был доволен, поскольку имел возможность регулярно видеться с отцом.

А. Вертинская рассказывает: «Теперь уже, когда смотришь на наш брак с Никитой Михалковым сквозь призму времени, понимаешь, что мы не смогли вместе жить не по каким-то житейским или бытовым причинам. Это был период дикой жажды самоутверждения. Я исступленно, почти маниакально хотела стать актрисой. Ради этого, мне казалось, я должна пожертвовать всем. А Никита, конечно же, шел своим путем. Ему нужна была женщина, которая жила бы его жизнью, его интересами. Он мне всегда говорил, что назначение женщины — сидеть на даче и рожать детей. И он, конечно, прав…

С годами, по мере того как мы умнели и взрослели, наши отношения стали лучше. Не говоря уже о том, что нас объединял сын…»

Закончив театральное училище в 1968 году, Анастасия

Вертинская пришла в труппу театра «Современник». На его сцене сыграла несколько значительных ролей, среди которых особым успехом пользовались роли классического репертуара: Нина Заречная в «Чайке», Раневская в «Вишневом саде» и др.

Не менее удачно складывалась в конце 60-х карьера Анастасии Вертинской и в кино, где она играла роли как классических героинь, так и своих современниц. К примеру, она сыграла Екатерину Александровну Щербацкую, или Китти в «Анне Карениной» (1968), которую снял Александр Зархи.

В то же время большим успехом у зрителей пользовались и другие ее работы в кино. Так в конце 60-х она снялась сразу у двух режиссеров года Лошади: Эльера Ишмухамедова во «Влюбленных» (1969; Таня; фильм собрал 20,4 млн. зрителей) и Георгия Данелии в «Не горюй!» (1969; княгиня Мэри Цинцадзе; 20,2 млн. зрителей).

Если в первой картине актриса сыграла роль своей современницы, то во второй — роль грузинской княжны. Напомним, что в актрисе по материнской линии течет и грузинская кровь. Фильм снимался одновременно с «Влюбленными» летом 1968 года, и актрисе пришлось курсировать между Ташкентом и Тбилиси. Причем в последнем ее охраняли сразу… пятеро мужчин. Почему? Дело в том, что тогда в моде были мини-юбки и актриса прилетела в Грузию именно в таком виде (в ней она снималась во «Влюбленных»). А грузинские мужчины, как известно, народ любвеобильный и горячий, поэтому и возникло опасение, что Вертинской в таком виде попросту не дадут проходу в ее передвижениях по городу. А пожилые тбилисцы и вовсе могут принять актрису за… девицу легкого поведения. Кстати, именно так на нее отреагировал знаменитый грузинский актер Серго Закариадзе, который играл в фильме роль отца Мэри Левана. Увидев ее в первый раз в павильоне в мини-юбке, Закариадзе спросил у Данелии: «Кто эта девица? В каком публичном доме ты ее разыскал?»

Но, едва пожилой актер услышал имя «этой девицы», как тут же на сердце у него потеплело: он дружил с отцом Анастасии и однажды даже держал ее у себя на коленях, когда она была совсем маленькой.

О тех годах А. Вертинская вспоминает следующее: «Я стала сниматься в 15 лет и все свои деньги отдавала маме. Очень рано начала концертировать, ездила с актерскими бригадами в плацкартных вагонах по всей стране. Потом гастроли „Современника“. И опять заработки — все время 12 рублей 80 копеек за концерт. Помню, как однажды после огромного количества концертов приехала домой, встала в дверях — и тут

же раздался звонок: мне предлагали еще 20 концертов. И я заплакала. Ничего не говорила, только чувствовала, что больше не могу…»

Что касается старшей сестры героини нашего рассказа — Марианны Вертинской, — то она после окончания театрального училища имени Щукина в 1966 году пришла в труппу Театра имени Вахтангова. Много и успешно снималась в кино. Наибольшим успехом среди зрителей пользовались следующие фильмы с ее участием: «Мне двадцать лет» (1965), «Город мастеров» (главная роль), «Перекличка» (оба — 1966), «Его звали Роберт» (1967). Был период, когда в конце 60-х годов Марианну настойчиво приглашали для работы французские и итальянские режиссеры, обещали ей блестящую карьеру там. Но она осталась на родине, не смогла бросить мать, детей, могилу отца.

Так же как и младшая сестра, Марианна в начале 60-х могла войти в качестве невестки в клан Михалковых — в течение полутора лет вся актерская тусовка живо обсуждала ее роман с известным кинорежиссером Андреем Михалковым-Кончаловским. Однако после полутора лет близкого знакомства их отношения так и не привели к всеми ожидаемой женитьбе. Касаясь этого романа, А. Михалков-Кончаловский в книге «Низкие истины» пишет:

«У Марьяны были синие глаза, вздернутый нос и рыжие волосы. Когда она сидела на подоконнике, казалось, что перед тобой картина Магритта: глаза сливаются с окружающим небом. Лицо, а за ним сквозь дыры глаз небо просвечивает…

Марьяна курила, что мне не нравилось, вела неспортивный образ жизни, что мне тоже не нравилось, была очаровательна, что мне очень нравилось. Она была вся такая легкая, непредсказуемая, небесная!..

Уже надвигался на меня поезд, называемый „женитьба“. Уже стали об этом поговаривать. В моих же планах этого не было. Помню, я вел машину, не мне принадлежавшую: жена одного профессора взяла ее у своего мужа, еще ехали Марьяна и мой приятель.

— А почему бы вам, друзья, не жениться? — сказала жена профессора.

От смущения я повернул руль — повернул очень неаккуратно, кто-то в меня врезался. Так окончился этот роман…».

С точки зрения астрологии, шансов на успешное развитие у этого романа практически не было. Как вещает гороскоп: «У Быка и Козы совершенно противоположные характеры. Ужасная привычка Козы действовать необдуманно будет раздражать

заботливого Быка. Более того, у них совершенно разные жизненные приоритеты: Коза слишком капризна, а Бык постоянно требует преданности, которая, по его мнению, должна лежать в основе любых отношений. Правда, требуя преданности от других, сам Бык иной раз преданность не хранит».

Это был не последний «звездный» роман Марианны. Сразу после разрыва с Михалковым-Кончаловским в ее жизнь вошел другой режиссер — Андрей Тарковский. В те годы он был женат на актрисе Ирме Рауш, однако их брак нельзя было назвать стабильным — они то сходились, то расходились. В одно из этих расставаний Тарковский и увлекся Марианной, которая была целиком в его вкусе — он любил светлоглазых блондинок с веснушками. Весной 1965 года, приступая к работе над «Андреем Рублевым», Тарковский собирался снимать и Марианну — в роли Дурочки. Однако та отказалась. И режиссер отдал роль своей жене, к которой в очередной раз вернулся.

После Тарковского в жизни Марианны Вертинской было еще несколько мужчин: два года она жила с оператором Александром Княжинским, затем год с художником Львом Збарским. Наконец, в 1967 году она вышла замуж за молодого архитектора Илью Былинкина, с которым прожила шесть лет (сказалась дисгармония между Львом и Раком). В этом браке на свет родилась дочь Александра.

Но вернемся к Анастасии Вертинской.

В «Современнике» она сблизилась с его руководителем — режиссером и актером Олегом Ефремовым. Несмотря на то, что он был женат, у них был страстный роман, о котором знали многие. Этот союз длился не один год, правда, они то сходились, то расходились. Ефремов был сильно пьющим человеком, что, конечно же, тоже не способствовало улучшению их отношений. Однако в самом начале этого романа, когда их чувства друг к другу были на самом пике, Анастасия и Олег снялись в роли влюбленных в фильме «Случай с Полыниным» (1970): он играл Полынина, она — Галину Петровну Прокофьеву.

Кроме этого, в первой половине 70-х Вертинская записала на свой счет еще три фильма: «Преждевременный человек» (1971; главная роль — Ольга Борисовна), «Тень» (1972; принцесса Луиза), «Человек на своем месте» (1973; Клара Вересова).

Во второй половине 70-х изменилась личная жизнь Вертинской — она встретила новую любовь. Ею оказался певец Александр Градский, который моложе ее на пять лет. О своих взаимоотношениях с Вертинской он рассказывает следующее:

«Когда я Настю Вертинскую первый раз встретил, я даже не знал, что она была женой Михалкова. Я увидел: классная, умная

женщина, очень красивая, подумал, дай приударю. И получил от ворот поворот. В первый момент… Это был или конец 1975 или начало 1976 года. А через полгода мы встретились в Крыму и как-то вот так сошлись… Настя в общем сама меня соблазнила…

Я помню, какое на нашей с Настей свадьбе было отношение ко мне со стороны ее друзей, коллег по сцене, Олега Табакова… Оно было не негативное, а такое, дескать, „наша гениальная Настя вдруг вышла замуж за какого-то молодого рокера. И с чего это она вдруг?“ Жалели…

Мы честно старались удержаться вместе. Не получилось. Потом, со временем, я понял: это была не семья, а зарегистрированный роман — красивый, бурный, страстный. Как полагается в романе, эмоции били через край, поэтому меня без конца бросало то в жар, то в холод… Иногда мне казалось, что одной ногой я — в кипятке, а другой — в ледяной купели. Всякое было, но я помню радость — моменты счастья, веселья. Помню, как летел на встречу к Насте и попал в аварию, разбил вдрабадан машину (свою первую машину — „Жигули“ третьей модели — Градский купил в 1975 году, на гонорар от фильма „Романс о влюбленных“. — *Ф. Р.*), едва остался жив…

Потом произошла одна замечательная, смешная вещь. Мы как-то в очередной раз поссорились, не разговаривали. Настя плохо себя чувствовала. В это время состоялся мой сольный концерт в ЦДРИ — Центральном доме работников искусств. До этого у меня не было концертов в Москве — не разрешали официально. Были только подпольные выступления в каких-нибудь клубе, институте, ДК МАИ. И вдруг меня приглашают в ЦДРИ. С подготовкой, хорошими билетами… И вот когда Настя пришла больная, с температурой под 40, и ее не пускали, она продиралась через все заслоны… А в зале было мест 800 и на улице — около 2 тысяч человек. Когда она увидела ажиотаж, что творился в зале и за его пределами, была просто потрясена. После этого мы две недели были в идеальных отношениях… Но потом поссорились опять, и уже навсегда… Но я очень признателен нашему роману за то, что из него родился замысел балета „Маугли“ — лучшей инструментальной музыки, мною написанной. Благодаря этому роману я что-то понял в жизни — и в плюс, и в минус…»

На самом излете этого романа Вертинская вернулась в кинематограф (в последний раз она выходила на съемочную площадку в 1972 году): в 1978 году она снялась у своего старого знакомого Михаила Козакова (поклонник Гуттиэре Зурита в «Человеке-амфибии») в телефильме «Безымянная звезда». В этом фильме герой Козакова (Григ) уже не добивался героини

Вертинской (Мона), а был ее официальным возлюбленным. Причем о какой-либо любви между ними речи не шло — там был голый расчет. Поэтому, когда Мона случайно встретила молодого провинциального учителя Марина Миррою (Игорь Костолевский), она влюбилась в него, что называется, по уши. Увы, но этим планам не суждено будет осуществиться. На горизонте возникнет Григ и расстроит уже начавший было складываться любовный союз.

Премьера фильма состоялась 17 февраля 1979 года. На тот момент Вертинская снова была одинока, расставшись с Градским. По ее же словам:

«Что касается моей личной жизни, думаю, Господь вообще лишил меня этой радости — быть счастливой в браке. Кстати, я поняла это довольно рано, после второго мужа. Этот брак я вообще браком не считаю. Он продлился крайне недолго и не принес мне ни особых разочарований, ни особого обольщения. Я скорее склонна считать браком союз с человеком, с которым у меня был около двадцати лет роман (речь идет об Олеге Ефремове. — *Ф. Р.*).

На самом деле есть женщины, рожденные для брака. Они без этого не могут: шум, дети, она что-то рассказывает ему, он ей. А я бы с ума сошла, если бы здесь еще кто-то ходил. Я люблю тишину, уединение…».

Кстати, с тех пор с Градским они не общаются. В одном из интервью, на вопрос, поздравляет ли она своего бывшего мужа с днями рождения, Вертинская сказала, как отрезала: «Он не входит в мой ближний круг».

Тем временем сестра героини нашего рассказа, Марианна, в начале 70-х развелась с Былинкиным и ушла к оператору Григорию Рербергу. Разменяв прежнюю квартиру, она теперь поселилась в двухкомнатной на улице Чехова. Однако и этот союз оказался недолговечным — он продлился всего лишь два года. Что закономерно в свете сказанного выше — Коза и Бык являются антагонистами и под одной крышей обычно не уживаются. Причем в этом случае разрыв был достаточно тяжелым. И произошел он по инициативе Марианны, в жизнь которой вошел другой мужчина — ее бывший однокурсник по «Щуке», а теперь популярный актер Борис Хмельницкий. Он давно был тайно влюблен в нее и все ждал, когда же она станет свободна. И дождался. Несмотря на то что Рерберг не хотел отпускать Марианну от себя, даже грозился в случае ее ухода покончить жизнь самоубийством, Вертинская ушла к Хмельницкому. Они переехали в новую квартиру на Нижней Масловке, и в январе 1978 года у них родилась дочь Даша. Что касается Рерберга, то он

вскоре пришел в себя и женился на бывшей супруге режиссера Владимира Басова Валентине Титовой.

Брак Марианны и Бориса продержался всего два года. Причем виновата была в этом сама Марианна, которая внезапно увлеклась приятелем Хмельницкого переводчиком Андреем Эльдаровым. И хотя с ним у нее тоже настоящего союза так и не получилось, однако брак с отцом ее второго ребенка распался. При этом Дашу решено было оставить с отцом.

М. Вертинская вспоминает: «Я попробовала одна двоих воспитывать, но не смогла. У меня была большая нагрузка в театре, на телевидении. Я просто не справлялась с грудным ребенком и девятилетней девочкой, которая училась в школе (речь идет об Александре — дочери Марианны от первого брака — *Ф. Р.*). Вот мы и решили, что младшей дочери лучше остаться с бабушкой. Так и пошло. Бабушка умерла, когда Даше было 13 лет, но она уже привыкла жить с папой. Сейчас на Даше весь дом, она готовит, гладит папе рубашки…»

В 80-е годы Марианна Вертинская решила попытать счастья в очередном замужестве — теперь ее избранником стал югославский бизнесмен Зоран Казимирович, младше ее на десять лет. Однако и этот брак оказался непрочным. Зоран работал в Чехословакии и хотел, чтобы рядом с ним находилась его жена. Но у той была своя работа, которую она не захотела бросать. Так они и жили, урывками видя друг друга, в течение 13 лет. Затем расстались. (Зоран затем женился еще раз, в этом браке на свет появился мальчик Филипп.)

М. Вертинская рассказывает: «Я была влюблена во всех своих мужей. И это каждый раз было красивое и сильное чувство к человеку, с которым жила, от которого рожала. Но теперь я считаю, что три раза быть замужем, этого вполне достаточно. У меня пресыщение наступило. Думаю, хватит уже. В чем-то я была — хорошей, в чем-то — очень легкомысленной. Влюблялась в другого и — уходила. В этом смысле, наверное, была не права…

Но я со всеми своими мужьями в очень хороших отношениях. Мы дружим. Если Илья идет по Арбату — звонит: „Ты дома? Я заскочу“. Посидим, поболтаем. Боря часто заходит. Я вообще считаю, если есть дети, то дурные отношения и ревность — это бред, глупость женская…»

Но вернемся к Анастасии Вертинской.

В 1979 году она сыграла очередную главную роль в кино, причем опять в телевизионном. Режиссер Николай Мащенко пригласил ее на роль Джеммы в экранизацию «Овода» Э. Войнич. Возлюбленного нашей героини по фильму — Артура Ривареса, он же Овод — играл Андрей Харитонов. После выхода фильма на

экран (3 ноября 1980 года) многие посчитали, что между актерами существует любовный роман.

В том же 1980-м А. Вертинская была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР. Тогда же она покинула труппу «Современника» и перешла во МХАТ, к своему бывшему возлюбленному Олегу Ефремову. Позднее она так объяснит свой переход в одном из интервью:

«В определенный момент я поняла, что в „Современнике“ меня больше ничего не ждет. Пришла Неелова, Волчек была исключительно увлечена этой индивидуальностью. И нас всех, кто стоял справа и слева, больше ничего не ждало. До Нееловой примой была Татьяна Лаврова. Поскольку „Современник“ был всегда театром социальным и в нем ставились социальные пьесы, то каждый режиссер мечтал работать с Лавровой. Потому что, с одной стороны, она талантливая и у нее внешние данные современной героини. А с другой стороны, она обладала мерзким, коммунальным характером, который необходим, чтобы сыграть такую мерзкую, конфликтную, вывороченную женщину. В этих героинях она вскрывала свою откровенную вульгарность. И было все это на хорошем художественном уровне… Лаврова с этим своим немножко развороченным нутром, своими выкриками очень нравилась режиссерам. А ведь она действительно резкая индивидуальность. Поэтому все думали, что она должна играть главные роли. Мне же, с моими чертами — раскосыми глазами, тонким носом и другими интеллигентскими прибамбасами, было очень тяжело все время походить на современных героинь. Приходилось то делать стрижку под горшок, то веснушки рисовать, то вату в нос засовывать, то глаза подводить особым способом. Словом, боролась со своей внешностью, старалась ее опростить. Со временем я поняла, что все это смешно…»

Во МХАТе Анастасия вновь окунулась в классику: играла Нину Заречную в «Чайке», Елену Андреевну в «Дяде Ване», Эльмиру в «Тартюфе», Лизу Протасову в «Живом трупе».

Кстати, тогда же Ефремов сделал ей официальное предложение руки и сердца, но Вертинская ответила отказом. Почему? По ее же словам: «Это было уже абсолютно бессмысленно. В тот период, когда я хотела за него выйти, это было невозможно, так как он был женат. А когда он этого сам захотел, я его уже не любила. Олег Николаевич был очень пьющим человеком. Это тяжкий крест, и я его взвалить на себя не могла…»

Что касается большого кинематографа, то Вертинская на какое-то время из него ушла, предпочитая кино телевизионное. В 1981 году она снялась в очередном фильме — «Кража» режиссера

Леонида Пчелкина. Он являлся экранизацией одноименной пьесы Джека Лондона. Речь в нем шла о семействе циничного и оборотистого миллионера Старкуэтера (Иннокентий Смоктуновский), у которого вдруг обнаружился враг — его родная дочь Маргарет (Анастасия Вертинская). Влюбившись в политического оппонента своего отца — сенатора Говарда Нокса (Юозас Будрайтис), она похитила для него важные документы у своего отца и спрятала их в его кабинете. Отец же, заподозрив неладное, закрыл всех присутствующих в своем кабинете и устроил форменный допрос с обыском своей дочери. Именно это «заточение» и стало кульминацией всего фильма — в нем наиболее выпукло проявились все благородные и отрицательные черты почти у всех героев фильма.

Когда фильм был готов и готовился к премьере, Вертинская внезапно стала участницей ссоры между Смоктуновским и Пчелкиным. В телефонном разговоре с первым актриса вдруг заявила, что их фильм — дерьмо (в разговоре было использовано более хлесткое слово). Смоктуновский тут же позвонил режиссеру и поделился с ним этим разговором. При этом попросил ничего не говорить Вертинской. Но люди года Крысы на язык редко бывают сдержанными, поэтому эта просьба осталась без внимания. В итоге Пчелкин позвонил Вертинской и спросил: дескать, как вы можете говорить про фильм такие вещи, если целиком его еще не видели? Актриса в ответ пошла в отказ: дескать, ничего я Смоктуновскому не говорила. После чего повесила трубку и позвонила… Смоктуновскому. И высказала ему все, что думала про его длинный язык. Когда этот короткий разговор закончился, актер снова позвонил режиссеру и заявил, что прерывает с ним всякие отношения. Правда, длилась эта вражда недолго: после премьеры фильма по ЦТ актер и режиссер помирились.

Но вернемся к Анастасии Вертинской.

Во второй половине 80-х она вернулась в большой кинематограф, совмещая работу там со съемками в телевизионном кино. В те годы она снялась в следующих фильмах: т/ф «Дни и годы Николая Батыгина» (1987; Лиза Пальцева), т/ф «Житие Дон Кихота и Панчо» (герцогиня), «Новые приключения янки при дворе короля Артура» (главная роль — королева Моргана) (оба — 1988), «В городе Сочи темные ночи» (1989; мать Лены).

В последнем фильме Вертинская сыграла… алкоголичку. Зачем она это сделала, она и сама до сих пор объяснить не может: ни сам фильм, ни небольшая роль в нем не принесли ожидаемого успеха. Разве что деньги заплатили приличные (шла эпоха

«кооперативного» кино). Но деньги истратишь, а позор останется навсегда. Сама Вертинская вспоминает эту роль критически:

«В картине „В городе Сочи темные ночи“ я играла мать-алкоголичку. Видела, как Фэй Данауэй играет в фильме „Пьянь“, и решила тоже что-то такое попробовать. Надела себе металлические зубы, но ничего хорошего, конечно же, не вышло. Хотя я помню, как мой знакомый посмотрел на меня на экране и сказал: „Вот и Вертинская спилась“…»

В 1988 году А. Вертинская была удостоена звания народной артистки РСФСР.

В следующем году ей поступило предложение работать за рубежом и она покинула МХАТ. Преподавала вместе с Александром Калягиным театральное мастерство в Оксфордском университете, затем они работали во Франции с театром «Комеди Франсез», а также в Швейцарии в европейской киношколе.

Что касается работы в кино, то в 90-е годы Анастасия Вертинская снялась в двух фильмах: у Андрея Харитонова в «Жажде страсти» (1991; главная роль — Она) и у Юрия Кары в «Мастере и Маргарите» (1994; главная роль — Маргарита). Причем если первая картина свет увидела, даже взяла призы на фестивалях «Кинотавр-91», «Созвездие-92», то вторая, из-за особой политики компании, производившей фильм (Творческая ассоциация международных программ), до сих пор пылится на полке. Что же произошло? Чтобы ответить на этот вопрос, придется рассказать всю историю с самого начала.

До попытки Ю. Кары единственным осуществленным проектом фильма «Мастер и Маргарита» являлся польский телесериал, поставленный в 70-е годы в жанре сатирической комедии и, по мнению кинокритиков, не имеющий ничего общего с булгаковским романом. Телеверсия была снята в короткие сроки и при минимальных денежных затратах.

В 80-е годы попытки перенести булгаковскую прозу на широкий экран возобновились. В Америке это собирался сделать известный режиссер Роман Поланский, однако его проект сорвался из-за чрезмерных расходов — требовалось более 30 миллионов долларов. То же самое произошло и в Советском Союзе, когда за дело взялся Элем Климов, — его смета составила 80 миллионов долларов.

В начале 1991 года к «Мастеру и Маргарите» вплотную подступился режиссер Юрий Кара, известный широкому зрителю по фильмам: «Завтра была война» (1987; 18-е место в прокате), «Воры в законе» (1988; 5-е место), «Пиры Валтасара» (1989). Материальную поддержку этому проекту обещал оказать «Дягилевъ центръ». Однако по каким-то причинам спонсор от

проекта отказался, и на горизонте появился пресловутый ТАМП, который купил сценарий, написанный Карой, за 100 тысяч рублей.

Подготовительный период у фильма растянулся на полтора года и был сопряжен с целой серией скандалов. Так как прерогатива экранизировать этот роман по-прежнему была за Элемом Климовым, Госкино отказалось участвовать в проекте Юрия Кары. Таким же образом поступила и Ялтинская киностудия, где на деньги продюсеров уже были построены грандиозные декорации и сделаны уникальные костюмы. После этого Каре пришлось обежать множество кабинетов, прежде чем он нашел поддержку на Киностудии им. Горького.

Не менее трудно складывались дела и с подбором актеров. В этой среде создалась атмосфера противостояния Каре, и участие в его фильме расценивалось как нарушение актерской этики. По этой и другим причинам от предложенных ролей отказались Олег Янковский (роль Мастера), Александр Абдулов (Коровьев) и другие актеры. В процессе съемок также сменилось 7 директоров и 3 оператора.

И все же после долгих мытарств режиссер сумел подобрать актеров на главные и второстепенные роли.

О том, каким образом на роль Маргариты была утверждена Анастасия Вертинская, существует несколько версий. Например, по словам Юрия Кары, дело было так. На эту роль пробовался не один десяток претенденток, однако спор в конце концов выиграла молодая актриса из МХАТа Елена Майорова. Но продюсеры фильма выступили против этой кандидатуры и настояли на том, чтобы режиссер взял на роль Маргариты Анастасию Вертинскую.

Согласно другой версии, которую отстаивает сама Вертинская, дело выглядит иначе. По ее словам, Кара действительно поначалу хотел снимать Елену Майорову. Однако после того как он увидел фильм Андрея Харитонова «Жажда страсти», где Анастасия сыграла центральную роль, его симпатии в выборе актрисы на роль Маргариты перешли на ее сторону. И никаких продюсерских интриг в выборе актрисы на главную роль не было и в помине.

Что касается утверждения других актеров на роли в фильме, то и здесь страсти кипели нешуточные. На роль Воланда предлагал себя Станислав Говорухин, но Кара тактично отвел это предложение и отдал роль Валентину Гафту. Понтием Пилатом должен был стать Михаил Козаков, однако продюсеры фильма не сошлись с ним в цене — актер запросил за свое участие 50 тысяч долларов — и взяли на роль Михаила Ульянова. На роль Бегемота (в фильме Климова кота должен был воссоздать

компьютер) первоначально был приглашен Вячеслав Невинный, но из-за внезапной болезни его заменил Виктор Павлов (до этого его прочили на роль Варенухи). Николай Бурляев планировался на роль Ивана Бездомного, но сумел убедить режиссера отдать ему Иешуа Га-Ноцри, на которого пробовался молодой Евгений Дворжецкий. В других ролях снялись не менее известные актеры: Лев Дуров (Левий Матвей), Вячеслав Шалевич (Каиафа) и др.

Музыку к фильму первоначально писал украинский композитор Сергей Бедусенко. Однако продюсеров его работа не удовлетворила, и Бедусенко заменили Альфредом Шнитке.

Натурные съемки проводились как в России, так и за ее пределами — в Израиле. Знаменитую сцену «бала сатаны» снимали во дворце графа Орлова в Марфино. В массовой сцене участвовало 120 женщин, которые, согласно булгаковскому тексту, должны были быть совершенно нагими. Однако, несмотря на август, на улице было холодно, и девушки наотрез отказались раздеваться, пока им не заплатят по 3 тысячи рублей. Кара попытался объяснить забастовщицам, что денег на данный момент нет, но они обязательно будут, однако девушки были непреклонны. И только когда на съемочной площадке появился продюсер и лично пообещал всем участникам съемок вознаграждение, съемки начались.

Героине Анастасии Вертинской в этой сцене тоже предстояло обнажиться, но актриса категорически отказалась это делать. «Звезда — сродни кумиру, а кумиры не должны развенчиваться», — дословно заявила она. Поэтому в особо откровенных сценах ее заменяла дублерша.

Съемки фильма были завершены летом 1993 года. В том же году Ю. Кара и руководитель ТАМП В. Скорый посетили международный кинорынок в Лос-Анджелесе и показали на нем рекламный ролик фильма. Он вызвал всеобщий интерес у публики, которая с нетерпением стала ожидать появления полной версии этого, без сомнения, уникального (в отечественном кино это самый дорогостоящий проект со времен «Войны и мира» С. Бондарчука) кинопроизведения. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Руководство ТАМП внезапно потребовало от Кары доработать фильм, тот отказался, и картина легла на полку.

Рассказывает А. Вертинская: «Фильм лежит в сейфе у продюсеров. Если разбирать горизонтальные причины, то в том варианте, в котором он смонтирован, его в прокат пускать и нельзя. Там весь роман отснят и сплющен до необходимых часа пятидесяти. А если подойти более серьезно, то вопрос: „Почему фильм не вышел?“ — это вопрос к Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Мессир не выносит никаких экранизаций. Какие из

них можно назвать удачными? Это фильм, после которого я до сих пор пока не снималась (интервью бралось в июле 1997 года — *Ф. Р.*)».

Премьера фильма состоится спустя 14 лет — в 2011 году.

В отличие от многих своих коллег-актрис сестры Вертинские редко когда становились жертвами досужих сплетен и скандалов. И все же подобного рода истории с ними случались. Например, в 1992 году Марианна купила себе платье ценою в 200 долларов, об этом узнали журналисты и раздули скандал, в котором все было поставлено с ног на голову. В одной статье утверждалось, что платье купила Анастасия, заплатив за него… 9 тысяч долларов.

Однако самый громкий скандал, в эпицентре которого оказались не только сестры Вертинские, но и их отец — Александр Николаевич Вертинский — произошел в августе 1996 года. Что же тогда произошло?

28 августа газета «Мегаполис-Экспресс» опубликовала на своих страницах интервью с 67-летней Галиной Липатовой, в котором она поведала читателям, что именно она является Марианной — дочерью знаменитого певца. Как же она это объясняла? По ее словам, в 40-е годы Лидия Вертинская увлеклась неким «прожигателем жизни и повесой», который стал ее обкрадывать. Узнав об этом, Александр Вертинский сделал свою старшую дочь Марианну наследницей своего состояния. В ответ на это Лидия и ее домработница Лиля (двойник Лидии) решили убить девочку и поручили это дело тому самому «прожигателю жизни». Но он с заданием не справился — только ранил ребенка ножом. После этого Александр Вертинский решил пойти на подмену — свою дочь отдал на воспитание Агриппине Липатовой, а ее дочь взял в свою семью.

Согласно рассказу Г. Липатовой, у Александра Вертинского было 8 дублеров, которые иногда заменяли его на съемках в кино. В мае 1957 года, когда один из этих дублеров скончался, некий завистник певца решил воспользоваться ситуацией и во время поминок задушил настоящего Вертинского. Таким образом, по версии рассказчицы, на Новодевичьем кладбище был похоронен двойник артиста. Однако на этом леденящая душу история не закончилась.

После трагической гибели Вертинского двойник Лидии Владимировны Вертинской — домработница Лиля — умертвила вдову и присвоила ее документы. Таким образом, по утверждению Г. Липатовой, выходило, что из родной крови великого певца остались только она и Анастасия Вертинская. А женщина, которая выдает себя за Марианну Вертинскую не кто иная, как Галина Липатова.

Эта публикация вызвала возмущенный отклик у многих людей и, в первую очередь, у самих Вертинских. В своем интервью «Комсомольской правде» Марианна, в частности, заявила: «Лично я г-жу Липатову не знаю, но эта женщина была всегда. Она всю жизнь присутствовала на всех выступлениях отца с того момента, когда Александр Николаевич вернулся в Россию. Внешне ее нельзя было отличить от других почитательниц его таланта, но своей настырностью она выделялась. Звонила домой, добивалась внимания отца, угрожала невероятными сюжетами: то решала кончать жизнь самоубийством, то угрозы раздавались в адрес нашей семьи, что гораздо больше пугало папу. Он ее избегал. А она не унималась.

Впоследствии, когда папа умер, разыгралась новая драма. Моя молодая мама (ей было тридцать с небольшим) в ту пору каждый день посещала кладбище, потому что буквально не могла смириться с тем, что Александр Николаевич ушел из ее жизни. И всякий раз в образе вдовы на могиле заставала гражданку Липатову. Так из поклонницы последняя превратилась во вдову Вертинского, а из вдовы Вертинского постепенно переродилась в его дочь, и повалился весь этот бред, который все читали на страницах газеты „Мегаполис-Экспресс“.

Хочу сказать, что к Галине Липатовой мы не имеем никаких претензий. По христианским законам, человек не вправе осуждать того, кого Господь лишил разума. Хотя это невероятная психологическая нагрузка — выносить всю жизнь такого человека. Но, видимо, наступил момент, когда „желтой прессе“ нечем питаться. Для кого-то эта тема показалась лакомым кусочком: взять откопать бедного Вертинского и начать над ним глумиться. И в такой ситуации для меня, конечно, важно не допустить вакханалии на могиле отца. Против бесцеремонности к памяти отца, к живым людям, его знавшим, восстала вся наша семья, все семь человек…»

Адвокат Вертинских Тулубьева обратились в «Мегаполис-Экспресс» с требованием немедленно опубликовать опровержение на интервью Липатовой. Главный редактор газеты не стал это оспаривать, но предложил Вертинским документально подтвердить, что Марианна Вертинская — настоящая дочь, а ее мать Лидия — вдова великого певца. Вертинские посчитали это неприемлемым и осенью того же года обратились в Таганский суд с требованием опровержения и выплаты им 300 млн. рублей. В качестве ответчиков были привлечены редакция «Мегаполиса» и автор публикации. К Г. Липатовой по причине ее недееспособности претензий не выдвигалось.

Как только Вертинские подали в суд, «Мегаполис» попытался

смягчить ситуацию и опубликовал на своих страницах (25 сентября) возмущенный отклик одного из почитателей таланта А. Н. Вертинского — Георгия Шереметева-Савченко. Вот что он писал в своем письме:

«Прочел в вашей газете „сенсацию“ некоей Липатовой о якобы насильственной смерти А. Н. Вертинского, которая меня возмутила до глубины души.

С Александром Николаевичем Вертинским я знаком с 1947 года, прекрасно знаю Марианну и Анастасию. Знакомство произошло в школе, где он давал шефские концерты для родителей (больше ему нигде не позволяли выступать), в Георгиевском переулке.

Дом певца находился напротив моего — на Тверской. Мне было тогда 17 лет и, как истинный почитатель его таланта, я часто наблюдал за окнами и балконом своего кумира.

С тех пор я не пропускал ни одного его концерта — было ли это в клубе КГБ на Дзержинского или в МИИТе.

Я могу подтвердить под присягой, что для Александра Николаевича ни одного дублера подобрать было невозможно. Даже внешне повторить его артистический облик, движения магических рук, голос не смог бы даже самый гениальный актер.

Моя жена дружила с женой Вертинского Лидией Владимировной, обе делали эскизы для тканей. В то время моя жена была главным художником „Трехгорки“. Благодаря их дружбе я знаю о ее девочках — как они учились, поступали в театральное и начинали творческий путь.

В самом начале 50-х, будучи в Риге, я гостил на даче у Вертинского в Майори. Марианна и Анастасия (им тогда было по 6–7 лет) сидели у меня на коленях. Выходит, по версии Липатовой, вместо девочки на коленях я держал свою сверстницу 30-го г. рождения (я с 31-го года). Бьюсь об заклад — никакая „старушка“ на коленях у меня сидеть не могла.

Более того, ни о какой домработнице Лиле я ни от кого никогда не слышал. Часами нам с Лидией Владимировной приходилось простаивать в Елисеевском, мы менялись очередями в отделы — она покупала для семьи все сама.

Смешно и нелепо утверждать, что в „Анне на шее“ князя играл какой-то „дублер“, когда все вокруг видели живого и подлинного Вертинского, грассирующего от природы так, как никто не смог бы повторить.

В 1957 году А. Вертинский поехал в Ленинград дать концерт в доме престарелых актеров. Он был облачен в свой знаменитый долгополый фрак, в затянутую манишку и сидел в кресле под зеркалом. Когда М. Брохес вошел к нему в номер, А. Вертинский

был мертв. Врачи констатировали сердечный приступ. Тело А. Вертинского было отправлено в Москву. Из квартиры на улице Горького мы сопровождали гроб с присоединившимися к нам актером Топорковым, Б. Ливановым, Марианной и Анастасией и Лидией Владимировной до Новодевичьего кладбища. Лидия Владимировна вырвала из своего блокнота листок бумаги и попросила меня вложить в его правую руку, сказав: „Ведь он поэт и захочет что-то написать“. Я с трудом разжал его пальцы и вложил бумагу в его руку.

Каким же кощунством выглядит версия Липатовой о том, что в гробу лежал не А. Вертинский, а кто-то другой. Чушь, чушь и еще раз чушь!»

Однако изменить решение Вертинских подать на редакцию в суд эта публикация не могла. В феврале 1997 года в Таганском районном суде состоялось слушание этого сенсационного дела. На нем представители редакции не возражали против опровержения, но оспаривали сумму материальных претензий (Вертинские требовали 300 млн. рублей). Газетчики доказывали, что не отвечают за слова Липатовой, которую лишь точно процитировали. Однако суд все же удовлетворил иск и присудил взыскать в пользу Вертинских с редакции газеты 125 млн. рублей, а с корреспондента Игоря Дудинского, который брал интервью у Г. Липатовой, — 17 млн. По словам Вертинских, эти деньги должны были пойти на популяризацию имени и творчества А. Н. Вертинского, а именно: на выпуск иллюстрированного издания о певце, публикацию подборки его писем времен эмиграции и переезда в СССР, поездку всей семьи в Шанхай, где долгое время проживал певец, создание документального фильма о певце, изготовление мемориальной доски на доме, где проживал Вертинский, и т. д.

Кроме денежной компенсации газету обязали в ближайших номерах опубликовать опровержение материала от 28 августа 1996 года. Это опровержение появилось на страницах газеты 12 марта. В конце этого опровержения (оно состояло из 12 пунктов, в каждом из которых опровергались сведения, сообщенные Г. Липатовой) выступил И. Дудинский, который заявил следующее:

«Выплата 125 миллионов будет означать для коллектива редакции полное разорение. Нашим сотрудникам перестанут выплачивать зарплату, и их семьи, близкие, дети лишатся куска хлеба ради того, чтобы разъезжающие по заграницам г-да Михалковы-Вертинские могли продолжать ни в чем себе не отказывать.

Что касается меня, то с моего заработка кормятся несколько человек, в том числе и моя больная мать. У нее есть несколько

подруг-однолеток, совершенно беспомощных и одиноких старух с нищенской пенсией. Два раза в месяц, получив деньги, я объезжал их и для каждой покупал незатейливый набор продуктов — хлеб, картошку, капусту, молоко, консервы, позволяющие им кое-как протянуть. Теперь благодаря г-дам Михалковым-Вертинским мои подопечные обречены голодать.

Во время судебного заседания адвокат истцов в пространной речи особо подчеркнула, что семейство Вертинских — люди глубоко верующие. Я не знаю, насколько „глубоко“ верят в Бога мои старухи, но они, как учит православная церковь, будут молиться за здоровье и благополучие обездоливших их сытых господ, чтобы во время посещения парижских ресторанов им случайно не встал бы поперек горла кусок лягушачьей лапки, а от черепахового супа не случился понос».

Между тем, несмотря на весь пафос этого заявления, газета «Мегаполис-Экспресс» отнюдь не разорилась и продолжала благополучно выходить в свет. В феврале 1998 года в интервью «Комсомольской правде» М. Вертинская заявила: «Да, суд мы выиграли, но денег не получили ни копейки. Бульварная газета принесла лишь полуизвинение в свойственном ей тоне».

На тот момент Лидия Владимировна, Марианна и Анастасия Вертинские жили в Москве. Лидия Владимировна обитала в той же квартире на Тверской, где когда-то жила с мужем и детьми.

Марианна играла в труппе Театра имени Вахтангова (была занята в трех спектаклях: «Женитьба Бальзаминова», «Будьте здоровы!» и «Горе от ума»), получала 400 рублей. Кроме этого вместе со своими коллегами — Аллой Ларионовой, Михаилом Воронцовым и Вячеславом Шалевичем — Марианна участвовала в антрепризном спектакле «Коварство, деньги и любовь» по произведениям М. Зощенко.

В российском кино (где хороших ролей ей не предлагают) Марианна Вертинская тогда не снималась, зато у зрителей была возможность увидеть ее в иностранной картине. Это фильм французского режиссера Патрика Рефо «Иностранная любовь», где Марианна сыграла женщину, волею судьбы попавшую во Францию, нашедшую там любовь, но затем вновь вернувшуюся в Россию.

Из интервью М. Вертинской конца 90-х: «Настя всегда была более собранной, целеустремленной, пожалуй, чуть замкнутой. Меня больше привлекала богема, люди искусства, причем дружба со многими из них проверена уже десятилетиями.

Но разница черт нас с сестрой не отдаляла. Напротив, с годами мы все больше сближались. Сейчас дружны как никогда. Почти каждое утро начинается с того, что кто-то из нас звонит

другой. Обсуждаем вчерашние новости. Если кто-то приготовил вкусный завтрак — зовет на общую трапезу. Благо, живем мы поблизости…»

Что касается Анастасии Вертинской, то она в те годы работала на центральном телевидении — вела передачи «Золотое сечение» и «Другие берега». Затем уехала во Францию преподавать тамошним лицедеям актерское мастерство в Чеховской школе. Наездами бывала в Москве, где жила в своей квартире на Арбате. В 1991 году она возглавила благотворительный фонд русских актеров.

В 2000 году Вертинская снялась в очередном фильме — «Бременские музыканты» Александра Абдулова. В нем наша героиня сыграла роль Атаманши, причем поющей. Правда, пела актриса не сама, а голосом певицы Ларисы Долиной. Фильм этот, больше смахивающий на художественную самодеятельность, не оставил в памяти зрителя практически никакого следа. Не любит о нем вспоминать и сама Вертинская, объясняя свое участие в нем только хорошим отношением к Александру Абдулову, для которого этот фильм был режиссерским дебютом. Кстати, по гороскопу Вертинская и Абдулов подходили друг другу только по месячным знакам. Вот что сама актриса вспоминает о тех съемках:

«Уже в процессе съемок я поняла, что шедевра не будет. Саша фонтанировал, врывался ко мне рано утром, будил: „Насть, Насть!“ — „Что?“ — „Я придумал! Ты выходишь, а у тебя удав на плече“. Я говорю: „Иди спать, я не выйду ни с каким удавом, Саша“. Потом он опять подбегает, глаза горят: „Придумал, с тобой будет орел“. Я говорю: „Тебя что, мама в зоопарк не водила в детстве? Что ты мне все то удава, то орла, то лилипутов подсовываешь!“ Но так оно и вышло — орел там сидит в кадре. В фильме животных участвовало больше, чем актеров. Но Саша был таким открытым человеком, так был этим фильмом заражен, что отказать ему было невозможно…»

Два года спустя Вертинская записала на свой счет участие еще в одном фильме — «Казус Белли» (2002).

В октябре 2003 года Анастасия Вертинская дала интервью газете «Мир новостей». О своей личной жизни она рассказала следующее:

«Если я не замужем — это совершенно ничего не означает. А вообще я должна вам сказать, что существует ряд призваний, которые невозможны без состояния одиночества. Одиночество — состояние невероятно творческое. Если рассуждать не с позиции толстой бабы, которая лежит на диване и смотрит телевизор, то одиночество — это высшее духовное состояние. Ты замкнут в

тишине и можешь наконец заняться творчеством… Творческому человеку одиночество необходимо. Это питательная среда, очень плодотворная».

Сын Анастасии Вертинской — Степан Михалков — одно время работал клипмейкером на телевидении, затем заимел собственное рекламное агентство. Продав квартиру в Москве, он построил собственный дом на Николиной Горе, где и одно время жил с женой Аллой и дочерью Александрой (1992). Потом супруги развелись и Степан женился повторно — на девушке по имени Лиза. В этом браке родилось двое детей: Василий (1999) и Петя (2002).

Старшая дочь Марианны — Александра Вертинская — окончила Суриковское училище, затем Академию искусств в Париже, работает художником. Не замужем, но собирается (32-летний жених занимается бизнесом).

Младшая дочь Марианны — Дарья — закончила общеобразовательную и музыкальную школы, занималась плаванием, четыре года работала манекенщицей у Зайцева, Юдашкина, Кулакова. Затем, по примеру своих родителей, поступила в Театральное училище имени Щукина. Не замужем. Живет с отцом — актером Борисом Хмельницким. По ее словам: «Папа считает меня самой умной и справедливой девочкой. Он ежедневно встает в семь утра, чтобы к девяти отвезти в институт, лишь бы я не шла пешком, а вечером специально за мной приезжает — где еще можно такое встретить? Он, как моя бабушка, его покойная мама, ради меня готов на все».

В июле 2008 года старшая из сестер, Марианна, справила юбилей — 65-летие. День рождения отмечался на даче, в знаменитом подмосковном поселке Отдых по Казанской железной дороге (эту дачу купил еще отец именинницы). Самыми желанными гостями были, конечно же, мама, сестра Анастасия и дочь Даша.

В те дни Марианна дала большое интервью «Комсомольской правде» (номер от 28 июля, автор — А. Плешакова), где рассказала много интересных фактов из своей личной жизни — как прошлой, так и настоящей. Например, следующее:

«Со всеми своими мужьями я сохраняю хорошие отношения. Я не понимаю, как можно прожить часть жизни с человеком, родить ему ребенка и после этого по-хамски расстаться. Я всегда стремилась к тому, чтобы бывшие мужья общались с нашими общими детьми, чтобы у дочерей не было психологической травмы из-за развода родителей. С Ильей (Илья Былинкин — архитектор, первый муж Марианны Вертинской. — *Ф. Р.*) после разрыва мы жили в одном доме. Он занимался дочерью Сашей не

меньше меня. Та же история была с Борей Хмельницким (второй муж Вертинской. — *Ф. Р.*). Боря — мой однокурсник, мы с ним дружили со студенчества, я всегда ему нравилась… Несмотря на то что мы расстались, все мои бывшие мужья приходили ко мне с букетами цветов и поздравлениями на мой день рождения, Новый год или Пасху.

У меня в жизни было много романов. Если вспомнить бурную молодость, то она была насыщена взаимоотношениями, чувствами и любовью. Я влюбчивая — в папу. Но даже самой нежной любви наступает конец. Сейчас я одна и не стремлюсь, чтобы у меня в квартире жил какой-то мужчина. Тем более что мужчин тянет на молоденьких…»

Что касается Анастасии Вертинской, то она гораздо более закрытый человек, чем ее старшая сестра. Интервью она дает редко, а если такое и случается, то о своей личной жизни она старается в них вообще ничего не говорить. Однако и без того известно, что и ее бурная молодость осталась позади. Сейчас она увлечена делами одного мужчины — своего сына Степана (от брака с Н. Михалковым), который является ресторатором. Анастасия сама прекрасно готовит, составляет меню, постоянно совершенствуясь в этом искусстве. В том же 2008-м ресторан Степана Михалкова выезжал на Олимпиаду в Китай и вместе с сыном туда же ездила и Анастасия Вертинская.

В декабре 2009 года в интервью газете «Московский комсомолец» А. Вертинская рассказала о своем нынешнем житье-бытье весьма интересные вещи. Например, такие:

«Недавно, когда были жуткие пробки, я спустилась в метро. Это была станция „Сухаревская“. Пыталась доехать до своей Малой Дмитровки, пришлось сделать огромный круг. Мои впечатления? Мне показалось, что это Оруэлл. Последний раз в метро ехала лет двадцать назад. Я как бы окунулась в сталинское время. Осталась вся эта эстетика с гербами, с серпом и молотом. Очень мрачно, и какой-то голос объявляет: „Следующая станция…“ Идет напряженная толпа… Я долго рассматривала каждую станцию, эскалаторы, пыталась вспомнить что-то из детства. Но так ничего и не вспомнила. В детстве метро мне казалось светлой мечтой. А тут я испугалась. На мой взгляд, поезда у нас мчат с недопустимой скоростью. После всех этих катастроф я просто держалась за поручень и думала: все, конец…»

Что касается личной жизни актрисы, то она по этому поводу в том же интервью заявила следующее:

«В 30 лет я поняла, что мне лучше не выходить замуж с моим-то характером…»

Подобный подход весьма характерен для женщин, рожденных в год Обезьяны (как наша героиня). Читаем в гороскопе: «Женщина-Обезьяна будет встречаться все с новыми и новыми партнерами в поисках идеального счастья. Одна любовь будет сменять другу, но, увы, все окажется напрасным. Немного эгоистичная в любви Обезьяна будет недовольна то недостаточной материальной базой любимого, то его слабостью, то его самоуверенностью. Женщине-Обезьяне нелегко найти подходящего парнера в силу ее критичности и проницательности. Правда, она легко утешается благодаря своему неисчерпаемому юмору, иронии…»

Кстати, сама актриса в астрологию, судя по всему, верит. В интервью другому изданию — «Комсомольской правде» — в том же декабре 2009-го она сказала следующее:

«Я отношусь к тому типу людей, которые ни о каком прошлом не жалеют. Вот такой у меня ужасный характер. Я иду все время вперед. Я Стрелец по знаку зодиака, у меня в руке стрела, и конь несет меня вперед. Меня больше интересует будущее, чем прошлое. Прошлое уже было…»

От подруги вора в законе до княжны

Анна Самохина родилась в городе Гурьевске Кемеровской области 14 января 1963 года. Вскоре после ее рождения семья переехала в город Череповец. Когда Ане было семь лет, умер отец (ему было чуть за 30) и матери пришлось воспитывать детей одной (Аня была не единственным ребенком в семье). Отметим, что и мать нашей героини уйдет из жизни не старым человеком — в 52 года. Сама Самохина проживет и того меньше — 47 лет. Вот такой рок семьи Самохиных. Но это будет чуть позже, а пока жизнь их семьи протекает вполне благополучно.

А. Самохина вспоминает: «В общем-то я была хорошим ребенком. Достаточно самостоятельным. И не помню, чтобы чем-то обременяла маму даже в так называемом переходном возрасте. Перепалки, правда, случались, но редко, да и то из-за качества мытья посуды, уборки квартиры и т. п. Помню знаменитую фразу: мол, если не буду мыть полы, то выйду замуж за алкоголика…»

По словам Самохиной, об актерской карьере она стала мечтать с тринадцати лет. В пятнадцать ее мечта осуществилась — она поступила в Ярославское театральное училище. Во время учебы познакомилась со своим однокурсником Александром Самохиным (он русский, хотя родился в Северной Осетии, куда его родители переехали во время эвакуации) и вскоре вышла за него замуж.

В 1982 году молодожены закончили училище и по распределению уехали в Ростов-на-Дону — играть в местном ТЮЗе. Спустя год на свет появилась дочка Александра. Кстати, с этим же именем связан и приход Самохиной в кинематограф. Дело было так.

В 1987 году режиссер Одесской киностудии Георгий Юнгвальд-Хилькевич приступал к съемкам телевизионного фильма «Узник замка Иф» по мотивам романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо» и искал актрису на роль Мерседес. Он отправил своих ассистентов в разные города Союза, и один из них, Александр, вскоре оказался в Ростове-на-Дону. Там он пришел в местный ТЮЗ и буквально на пальцах объяснил главному режиссеру, какая актриса ему нужна — этакий испанский вариант. Главреж сказал, что такая актриса у него есть, но сейчас она сидит дома с маленьким ребенком. В тот же день Александр отыскал Самохину в театральном общежитии, однако с первого взгляда она ему не понравилась.

Самохина поняла его сомнения и сказала: «Это сейчас я сижу с малышкой, одета в простенький халат, а на самом деле на

Мерседес я очень даже похожа». И, чтобы развеять последние сомнения гостя, Самохина показала ему несколько своих фотографий, на которых она была во всей своей красе. Фотографии гостю понравились, и он уехал с ними в Одессу. Прошло еще немного времени, и на имя Самохиной из Одессы пришла поздравительная телеграмма от самого Юнгвальд-Хилькевича, в которой сообщалось, что она утверждена на роль. Эту телеграмму Самохина хранит до сих пор.

Отметим, что Тигр и Собака хорошо гармонируют друг с другом, поскольку из одной астрологической команды. Как сказано в гороскопе: «Собака может быть верным соратником Тигра — она преданна, и он это ценит».

По словам Г. Юнгвальд-Хилькевича: «Уже много позже, когда съемки фильма были в разгаре, глядя на меня своим мерцающим взглядом, Анна призналась: „Я так хотела сниматься, что была готова на все. Даже Родину продать… И… так далее…“ На „и так далее“ она недвусмысленно сделала упор. Говорила ли она всерьез — не знаю, но про себя улыбнулся: жаль, что такие интересные вещи мы узнаем постфактум…»

Заметим, что на съемках у Самохиной разгорелся страстный роман не с режиссером, а с одним из актеров. Эта влюбленность явно пошла на пользу актрисе — ведь по сюжету ей надо было выглядеть красивой, соблазнительной…

Отчет звездной славы Анны Самохиной следует вести с 1988 года — с года Дракона, который весьма успешен для Тигра. Как написано в гороскопе: «В этот год Тигру можно смело бросаться в бой — удача будет целиком на его стороне, и все его труды воздадутся сторицей и будут оценены по заслугам».

Началось все в начале года, когда на экраны страны вышел фильм «Узник замка Иф». Он был тепло принят публикой, хорошо оценен критикой. Роль Мерседес, прекрасно исполненная дебютанткой Анной Самохиной, стала одним из украшений фильма и открыла актрисе путь в большой кинематограф. А спустя несколько месяцев последовал новый успех. В том же году режиссер Юрий Кара пригласил Самохину на главную женскую роль в романтическом боевике «Воры в законе» — типичном продукте перестроечного кинематографа с его тягой к показу темных сторон жизни советского общества.

В основу этого фильма легли рассказы писателя Фазиля Искандера. Прототипом главного героя стал внук одного из сподвижников Сталина, председателя ЦИК Абхазской АССР Нестора Лакобы, Юрий Лакоба, который в 70-е годы был удостоен высшего звания в криминальном мире — вор в законе. Весь сюжет фильма строился на противостоянии двух «законников», одного

из которых играл Валентин Гафт, а второго — Гиви Лежава.

До этого советский кинематограф неоднократно показывал разного рода криминальных главарей, однако ни в одном из этих фильмов не было такого любования ими, как это случилось в «Ворах в законе». Впрочем, один раз такое было — в угаре НЭПа (времени, которое многим напоминало времена горбачевской перестройки). Тогда режиссер В. Вильнер снял фильм «Беня Крик» (1927) по И. Бабелю, где речь шла о похождениях знаменитого короля одесских налетчиков Мишки Япончика (эту роль играл актер Борис Шумский). Однако власти сочли, что образ бандита в фильме показан слишком романтично, и запретили прокат ленты.

С тех пор советский кинематограф бандитов не воспевал, а всячески разоблачал. Перемены в этом подходе начались, как мы помним, во второй половине 70-х, когда в советском кино появились «обаятельные злодеи с налетом интеллигентности» (их играли звезды советского кинематографа из разряда секс-символов: вроде Олега Янковского, Олега Даля, Леонида Филатова и т. д.). Кульминацией этой тенденции стало исполнение Валентином Гафтом главной роли в фильме «Воры в законе»: он играл жестокого, но справедливого «вора в законе» из разряда «залюбуешься». Герой Гафта весь фильм ходил в элегантном белом костюме, любил первую красавицу города, имел роскошный особняк, кучу «бабок» и лихо расправлялся со всеми своими врагами, включая и своего главного конкурента — молодого, но дерзкого «вора в законе», которого он собственноручно убивал после бешеной автомобильной погони.

Самохина как раз и играла ту самую первую красавицу города Риту, которая была любовницей вора, сыгранного Гафтом, а также заводит амурную связь с молодым студентом, роль которого исполнял Борис Щербаков. Весь фильм героиня Самохиной мечется между двумя мужчинами и в итоге погибает от рук другого мужчины — собственного отца.

Фильм «Воры в законе» имел шумный успех у рядовых зрителей (5-е место в прокате, 39, 4 млн. зрителей) и был безжалостно обруган критикой. Какими только эпитетами не награждали картину в прессе: «конъюнктурщина», «грубый кич» и т. д. и т. п. Кича в нем действительно было в избытке, особенно в показе криминального мира.

А. Самохина вспоминала: «Перед началом пресс—конференции, посвященной фильму, мне вручили цветы как красивой начинающей актрисе, а затем — шквал коварных вопросов и восклицаний: „Какой позор!“, „Какой ужас!“, „Какая дешевка!“. И когда предоставили мне слово, я сказала: „Господа, вы звери…“ (Знаменитая финальная реплика героини Елены

Соловей из фильма Н. Михалкова „Раба любви“. — *Ф. Р.*)

Вообще вокруг фильма творилось нечто ужасное. Какие-то люди с перекошенными физиономиями кидались на нашу съемочную группу.

Зиновия Гердта (в фильме он сыграл адвоката преступников. — *Ф. Р.*) спрашивали, как он мог опуститься до роли в таком ужасном фильме. Однако Зиновия Ефимовича знает вся страна, а критика, который, брызгая слюной, обливал актера помоями, никто и не вспомнит…

Я благодарна судьбе за то, что попала в этот фильм, он принес мне популярность. Однако с героиней фильма у меня нет ничего общего — ни одного взгляда, шага. Я человек верующий, христианка. Много лет спустя смотрю на себя в этой картине и думаю — боже, какое чудовище! Но если бы меня снимали, какая я есть, было бы совершенно неинтересно. Я обычный человек, неэкзальтированный, неизбалованный, не люблю больших компаний…»

После оглушительного успеха в «Ворах в законе» на Самохину буквально обрушился град предложений с различных киностудий страны. Однако в большинстве своем это были роли, как две капли воды похожие на то, что актриса сыграла в «Ворах», — роковые красавицы. А актриса не хотела повторяться. Поэтому многие предложения она вынуждена была отклонить. Между тем два предложения сняться в костюмных ролях Самохина с удовольствием приняла. Речь идет о картинах студии «Ленфильм»: «Дон Сезар де Базан» по мотивам одноименной пьесы Ф. Дюмануара и Д’ Эннери, режиссер Ян Фрид (главная роль — Маритана) и «Царская охота», режиссер Виталий Мельников (главная роль — княжна Тараканова).

А. Самохина вспоминала: «Забавный случай произошел в Литве на съемках фильма „Дон Сезар де Базан“, где главную роль играл Михаил Боярский. Шоферу дали не тот адрес, и он завез нас в какую-то глухую деревеньку и бросил посреди поля. Жара была страшная.

Михаил Боярский снял рубашку и курил сигарету за сигаретой. Кончаются у него сигареты, и он начинает нервничать — где водитель, почему нет магазина… Наконец Боярский останавливает машину и просит у водителя закурить. Тот протягивает сигарету и говорит: „Мужик, ну как же ты похож на Боярского, с ума сойти!“. Ведь он так никогда и не поймет, что посреди ржаного поля под литовской деревушкой действительно полуголый Боярский стрельнул у него сигаретку…».

В фильме «Царская охота» Самохиной пришлось в первый и последний раз сняться в эротическом эпизоде — больше на

подобное она не решится. Отныне, если по сценарию ей необходимо раздеться, актриса будет требовать, чтобы это за нее делала дублерша. Естественно, не всякому режиссеру это понравится, и тогда на съемочной площадке возникали конфликты.

А. Самохина рассказывала: «На съемках одного фильма режиссер требовал эротическую сцену. Я никогда на них не соглашаюсь. Тогда он взял дублершу, но я была обязана присутствовать на съемке. Но когда что-то обсуждалось трижды, и меня приглашают обсуждать четвертый раз, и опять в напряженной обстановке, — это ни к чему. В общем, я поняла: что-то объяснять, доказывать бесполезно, собрала вещи и уехала…»

К началу 90-х годов Самохина была уже одной из самых снимаемых актрис российского кино, причем все предлагаемые ей роли были центральными. За период с 1990 по 1993 год она умудрилась сняться почти в трех десятках картин самых разных жанров: в комедиях — «Семьянин», «Брюнетка за 30 копеек» (главная роль — Иа-Мими) (оба — 1991), «Тартюф», «Идеальная пара» (оба — 1992), «Страсти по Анжелике» (1993); боевиках — «Взбесившийся автобус» (1990), «Рэкет» (1992); триллере «Волчья стая» (1990), детективах «Дура» (1991), «Гонг в океане» (1992), «Волчицы» (1992); историческом боевике «Исчадье ада» (1991), драме «Сделай мне больно» (1993; главная роль — Вера Самарина); мелодрамах — «Поезд до Бруклина» (1994; главная роль — Вера), «Бульварный роман» (1995; главная роль — Ольга Палем) и т. д.

Популярность Самохиной в те годы была огромной. Она по праву считалась одной из красивейших актрис российского кино, и ей неоднократно предлагали сниматься в рекламе. Например, после «Царской охоты» американцы предложили ей рекламировать мыло «Люкс», а после «Взбесившегося автобуса» лестное предложение сделали израильтяне — рекламировать местную зубную пасту. Однако от всех подобных предложений актриса тактично отказалась.

А. Самохина рассказывала: «Очень часто я слышу отзывы о сыгранной роли: „Сняли тебя — с ума сойти! Красавица!..“ А сыграно-то как? Меня такое отношение настораживает и даже обижает. Может, я и не умею толком ничего делать? Хочется иногда изуродовать свое лицо, чтобы на него меньше обращали внимания. И я подумала, а не сыграть ли мне королеву Елизавету — лысую и страшную, но глубоко страдающую женщину, интересную историческую личность…»

Не менее рьяно, чем рекламщики, Самохину одолевали и

поклонники. На этой почве с актрисой происходили самые невероятные истории. Одна из них случилась в самом начале 90-х годов в Санкт-Петербурге. К ней тогда приехали из Одессы подруги, и Анна повела их в ресторан. Однако в разгар веселья к их столику подошел официант и передал актрисе записку от незнакомой женщины. Та просила Самохину выйти в фойе для какого-то серьезного разговора. Когда актриса вышла из зала, к ней действительно подошла незнакомая женщина и сообщила неожиданную новость: «Из-за вас распалась моя семья». Самохина попросила незнакомку объяснить значение этих слов. И женщина поведала ей душещипательную историю о том, как ее муж Виктор познакомился в Одессе с актрисой Самохиной и закрутил с ней бурный роман. Выслушав этот рассказ, актриса заявила: «Видимо, ваш муж большой фантазер, потому что никаких романов с ним у меня никогда не было и быть не могло. Я вообще в первый раз слышу об этом человеке». Поверила женщина этим словам или нет, неизвестно, однако эта история еще раз наглядно продемонстрировала, каким безумным успехом пользовалась Анна Самохина у сильного пола.

Тем временем частые отъезды на съемки осложняли жизнь Самохиной в театре. Сначала начал роптать режиссер, затем и актеры. Когда же ситуация обострилась настолько, что потребовалось сделать выбор, Самохина с мужем приняли решение переехать в Санкт-Петербург, тем более что семья режиссера Яна Фрида давно предлагала им это. В городе на Неве Самохина устроилась сначала в труппу Театра имени Ленинского комсомола, затем в театр «Балтийский дом».

Первое время Самохины жили в коммунальной квартире, в которой жила еще одна соседка. Однако в 1992 году им удалось купить соседке однокомнатную квартиру и остаться в отдельной квартире в центре города. Правда, жить под одной крышей Самохиным довелось недолго. Через два года после этого обмена Самохина очутилась в одном кооперативном кафе, где проходил творческий вечер композитора Игоря Азарова. Владельцем кафе был молодой человек по имени Дмитрий, бывший физик, кандидат наук. В то время он был разведен, в первом браке у него была девочка трех с половиной лет. Эта встреча круто изменила судьбу обоих, и вскоре Самохина развелась с первым мужем и ушла с дочерью к Дмитрию (стоит отметить, что с Александром Самохиным Анна сохраняет прекрасные отношения до сих пор). По словам актрисы:

«Я стала тяготиться нашим с Сашей браком. Саша — очень спокойный, без амбиций. Я не могу стоять на одном месте, покрываться тиной и плесенью. Мне нужна была свобода,

движение вперед!..»

С середины 90-х годов Самохина решила сделать перерыв в своей творческой карьере и занялась бизнесом. Летом 1995 года вместе с новым мужем она открыла напротив Гостиного двора собственный ресторан под названием «Графъ Суворовъ» (название выбрано не случайно — в этом крыле Воронцовского замка расположено суворовское училище). Вскоре слава о новом ресторане разлетелась далеко за пределы города на Неве, и в него стали захаживать многие известные люди, в том числе Барбара Брыльска, Владимир Меньшов, Сильвия Кристель, Виктор Степанов, Михаил Светин, Марк Рудинштейн, Игорь Дмитриев, Людмила Сенчина, Игорь Азаров и другие. Такое внимание к ресторану «Графъ Суворовъ» не случайно. Дело в том, что там прекрасная русская кухня, блюда которой составлены по рецептам кухни императорского двора. В ресторане много дичи — оленина, кабанятина и даже медвежатина, и все это приправлено старинными русскими соусами.

Роль хозяйки ресторана не была для Самохиной единственной. В то же время она стала художественным руководителем небольшой киностудии «Диапазон». В этом качестве в 1996 году она возила в Монако на фестиваль почти неизвестный у нас телефильм «Гроза над Русью» по «Князю Серебряному», где свои последние роли сыграли Олег Борисов и Сергей Бондарчук.

После некоторой паузы, взятой Самохиной в кино, она затем вновь вернулась на съемочную площадку. В 1998 году она сыграла свою очередную главную роль — в фильме «„Седьмое кольцо“ колдуньи» исполнила роль королевы Коры. А в начале нового тысячелетия, когда на российском ТВ начался сериальный бум, Самохина включилась в этот процесс, записав на свой счет следующие сериалы: «Улицы разбитых фонарей-2» (2000; Лариса Витальевна Курбатова), «Русский водевиль» («Лжец») (главная роль — Луиза), «Русский водевиль» («Вицмундир») (главная роль — Любецкая) (оба — 2001), сериал «Бандитский Петербург-4» («Арестант») (2003; главная роль — Екатерина Дмитриевна Гончарова), «Бандитский Петербург-5» («Опер») (Екатерина Гончарова), «Бандитский Петербург-6» («Журналист») (главная роль — Екатерина Гончарова), «Повторение пройденного» (главная роль — Ирина Паленская), «Три цвета любви» (главная роль — Маша) (все — 2004) и др.

Жила Самохина по-прежнему в Санкт-Петербурге вместе с мужем Дмитрием, дочерью Александрой и кошкой Фаней (собак актриса недолюбливала). Александра училась тогда в школе и собиралась пойти по стопам своих родителей — стать актрисой.

(Отметим, что ее дебют в кино состоялся в пятилетнем возрасте, когда она вместе с мамой сыграла в фильме «Волчья стая»). Актрисой она и в самом деле стала — после школы поступила в Санкт-Петербургскую академию театральных искусств (курс Владимира Петрова). Еще будучи студенткой, дебютировала в кино — снялась в сериале «Семидесятники». Кстати, вместе с мамой.

Что касается последней, то в середине нулевых она рассталась со своим вторым мужем Дмитрием (хотя совместный бизнес остался — они содержат два ресторана: «Граф Суворовъ» и «Поручик Ржевский»). По ее словам: «Он хотел, чтобы у него было „еще больше, еще круче“. А я отодвинулась на задний план. А я не желаю быть на вторых ролях ни на сцене, ни в жизни! (Типичная позиция для Тигрицы. — *Ф. Р.*). Поэтому и ушла. С одной сумочкой…».

Вскоре после этого расставания Самохина вновь вышла замуж — в третий раз. Вышло это следующим образом.

Как-то она приняла приглашение Дмитрия Астрахана сыграть в Москве антрепризный спектакль с Дмитрием Харатьяном. Однако тот внезапно заболел, да и со спонсором случилось несчастье. Короче, представление не состоялось. В расстроенных чувствах Самохина взяла в руки телефонную книжку и наткнулась там на телефон своего приятеля Евгения Федорова — офицера-таможенника в отставке. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Мы встретились в 2003 году. Волею случая зашли с нашей общей знакомой в Анин ресторан. Приятельница нас познакомила. А спустя какое-то время Аня мне позвонила. Объяснила, что друзья разбежались, сижу, мол, дома одна. Попросила: „Я хочу подышать свежим воздухом, забери меня“. С этого все и началось. Мы пообщались три дня, потом я уехал в отпуск. А потом она заболела, какая-то кишечная инфекция. Звонит: „Мне плохо“. Я подумал: надо выручать. Она тогда очень похудела. Ну и завертелось… А месяца через два-три я говорю: „Что ты маешься, может, уже переедешь ко мне?“ Она как раз в очередной раз собиралась переезжать из Питера в Москву. У нее там уже и вещи были, и квартира снята. Мы сели в машину и поехали в столицу, забрали оттуда вещи. Получается, я ей помешал переехать в Москву. Но у нее все равно там планы расстроились. А тут как раз поступило предложение от питерского режиссера Светозарова, он искал актрис в сериал „Три цвета любви“ — мать и дочь. Так что Москва отпала. Аня сподвигла меня уйти из таможни и ездить с ней на гастроли. Говорила: „Мне всегда было обидно, что предыдущие мужья не

интересовались моим творчеством“. Я согласился: „Я умею служить. Давай я буду слугой, а ты королевой…“»

По словам самой Самохиной: «Евгений появился в моей жизни не случайно, не на белом коне. Но, как подтверждает жизнь, из приятелей, которые вас достаточно хорошо знают, получаются наиболее надежные друзья по жизни».

До своей таможенной карьеры Евгений окончил Ленинградский институт культуры по специальности «руководитель академического хора». То есть творческая жилка в нем была. Поэтому он стал заниматься всеми делами Самохиной — стал ее менеджером, охранником, водителем. Но это длилось недолго — в 2007 году и этот союз Самохиной распался, причем по ее инициативе. По ее словам:

«Сначала у нас были очень романтические отношения. Но потом Евгений Борисович начал пытаться установить домострой. Я же на дух не переношу мужского деспотизма! Он продолжал упорствовать и никак не хотел понять, кто находится рядом с ним… Мог, например, критиковать меня в присутствии других! В общем, я сказала: „Хватит!“ — и мы расстались…»

А вот что рассказала актриса в другом интервью — «Московскому комсомольцу» (номер от 4 августа, автор — М. Полубарьева):

«Наверное, мой последний брак-мезальянс был в какой-то смуте… Знаете, грех говорить, но женщины, по-моему, умнее, тоньше и лучше мужчин. Я очень комфортно чувствую себя в окружении подруг, которые понимают с полуслова, не задают лишних вопросов. Может, у мужчин между собой так же? Просто мы настолько разные планеты, что мужчине и женщине все время приходится идти на компромисс в любых вопросах, постоянно уступать друг другу. Я ведь со всеми мужчинами расставалась по разным причинам. И даже дочь мне говорила, что я оставила очень хорошего мужа. Но в целом причина одна: устаешь конфликтовать, доказывать, что ты хочешь жить так, а не иначе. Все мои бывшие мужья хорошие, я их люблю, и они меня любят. Но во время совместной жизни обязательно возникают какие-то проблемы, находятся поводы для выяснения отношений.

Но, с другой стороны, со временем я осознала, что женщина обязательно должна жить с мужчиной. Значит, не знаю как, но этот компромисс надо находить. Мужская энергетика другая, и для женщины это сочетание необходимо. Здорово, когда она засыпает и просыпается рядом с мужчиной. Очень желаю этого счастья своей дочери.

Мужчины в жизни женщины должны быть разные, и как можно больше и чаще, пусть ломятся всеми „рогами“ и

„копытами“, и даже не надо их называть мужьями!..»

О своих мужских пристрастиях Самохина поведала следующее: «Я люблю не просто некрасивых, а даже страшных! У мужчин, обладающих красотой, с мозгами значительно хуже. Страшненькие компенсируют недостаток красоты чем-то другим, что для меня значительно важнее… Мужчина моей группы крови — толстенький, маленький, лысый. Я им нравлюсь… Но сегодня мне настолькео комфортно и хорошо, что я пришла к согласию с самой собой. С шестнадцати лет я была замужем, но настолько удивительно, чудно, как сегодня, когда я одна, не чувствовала себя никогда. Сейчас мне проще заплатить водителю зарплату, чтобы он сделал то, о чем я прошу, — молча проводил меня домой и молча ушел. За-ме-ча-тель-но!..»

В 2006 году Самохина познакомилась с Константином Кулешовым, который очень быстро стал ее последним любимым мужчиной. Причем встречался он с ней, будучи женатым. По его же словам:

«Моя жена знала о наших с Аней отношениях и не винила. „Я понимаю тебя, — говорила супруга, — перед такой женщиной, как Самохина, устоять невозможно“. Кстати, Аня стала крестной моих детей…

Как женщина в постели она была просто супер! Я могу сказать это совершенно точно, потому что у меня их было немало, впрочем, как у Ани мужчин. Когда она прикасалась, было ощущение, что ты в розовом облаке находишься. При всей ее славе у нее была большая добрая душа и никакого намека на звездность. Аня стоила ста женщин!..»

В 2009 году Самохина записала на свой счет еще несколько ролей в сериалах. Речь идет о фильмах: «Дом без выхода» (главная роль — Виолетта), «Настоящая любовь» (Ирина Александровна), «Цвет пламени» (Марина). Выглядела она тогда превосходно, всем своим видом излучая оптимизм и веру в то, что впереди ее ждет прекрасное будущее. Увы, но эти надежды оказались несбыточными — страшная болезнь уже тогда поселилась в ее организме.

О том, что у Самохиной рак, выяснилось в конце того же 2009-го. Вот как о случившемся рассказывают очевидцы.

Александр Самохин (первый муж нашей героини): «Саркома очень коварна. Год назад, когда Аня проверялась из-за другой проблемы, все было хорошо. В декабре 2009 года Аня съездила на гастроли, а когда вернулась, почувствовала боли в печени и сразу же обратилась к врачам. После обследования они сказали нашей дочери Саше, что Аня безнадежна. Но мы в это не верили. Нам порекомендовали обратиться к одной женщине, которая живет в

Карелии. Она профессиональный медик, у нее дар, она видит органы в трехмерном измерении. Она посмотрела Аню, сказала, что возьмется за ее лечение…»

И. Лыкова: «Эта экстрасенс „посадила“ Аню на голод. Мол, пища кормит раковые клетки. Поэтому надо голодать, чтобы они погибли сами по себе. Аня принимала только БАД и концентрированные соки (это был сильнейший удар по желудку, и без того пораженному опухолью).

По совету экстрасенса Аня должна была голодать неделю. Но она выдержала три дня. Начались адские боли. „Так и надо!“ — говорила экстрасенс, упорно настаивая на голодании. Но Аня отказалась. Это было через день или два после Аниного дня рождения. 14 января 2010 года ей исполнилось 47 лет…»

Свой день рождения Самохина встретила в больничных покоях — в клинике на Фонтанке, куда она легла незадолго перед Новым годом (в тот же день она соборовалась). По словам одного из врачей: «Самохина встала на учет осенью. Вид у нее был цветущий, трудно было поверить, что на самом деле она так больна — самая последняя стадия. Когда ее выписывали, я даже не ходил с ней прощаться — тяжело было на душе…»

Актриса выписалась в конце января, поскольку боли не проходили, нужно было колоть наркотик, а у клиники не было лицензии на наркотические препараты. Поэтому какое-то время Самохина находилась дома.

Рассказывает И. Лыкова: «Без особой необходимости люди не приходили к Ане в дом, понимая, что ей требуется покой. Но тут появилась некая травница Людмила, которую, как мы потом выяснили, прислал господин Кулешов (бывший возлюбленный Самохиной. — *Ф. Р.*), который сам в дом Ани вхож не был. Здесь опять начался театр абсурда. Травница „прописала“ Ане „живую“ и „мертвую“ воду, голод, перекись водорода с содой, клизмы, хреновые компрессы. Анюта все это пробовала, но, как разумный человек, понимала, что снадобья приносили ей только вред…».

Однако никакие травы Самохиной не помогали, и боли становились все невыносимее. В итоге в один из дней актриса потребовала вызвать «Скорую» и увезти ее в больницу. Ее поместили в хоспис № 3 в Парголово. Там Самохиной стало значительно лучше, у нее даже появился аппетит для трехразового питания. Ее близкие тогда подумали про себя: «Надо было баловать нашу Анечку, а не мучить ее самолечением». Впрочем, время было уже упущено.

К тому времени информация о страшной болезни Самохиной уже проникла в СМИ и журналисты буквально дежурили у ворот хосписа. Дискуссии разгорелись и в Интернете. Близкие

Самохиной распечатали слова поддержки из многочисленных форумов и принесли Анне в хоспис. Она читала и буквально рыдала, благодаря незнакомых людей за слова поддержки.

3 февраля Самохиной впервые стало плохо в стенах хосписа — у нее случилось помутнение сознания. Ей чудилось, что ее… украли, увезли в неизвестное место и, главное — что ее будут ругать за то, что она много ест. Близким и врачам с трудом удалось ее успокоить и вернуть в привычное состояние. Однако трагедия была уже не за горами.

Самохина скончалась в ночь на 8 февраля (не дожив недели до своего «именного» года Тигра). Причем за несколько часов до страшного итога она почувствовала себя лучше и даже сумела самостоятельно сесть на кровати. Дочь Саша, которая практически неотступно находилась рядом с матерью (уезжала только на ночь), была счастлива — ей показалось, что болезнь отступает. Увы, но эта надежда не оправдалась.

У бывшего возлюбленного актрисы А. Кулешова своя точка зрения на случившееся. По его словам: «Аня долго скрывала свой диагноз и тем самым упустила время. Я думаю, что ее еще можно было спасти. Но она голодала всего четыре дня. И сестра ее еще на мозги капала: „Зачем вы над ней издеваетесь? Дайте человеку спокойно умереть“. После химии ей стало гораздо хуже, опухоль увеличилась в два раза, была размером с куриное яйцо. Время было упущено…».

Похороны А. Самохиной состоялись 10 февраля. Вот как это освещалось в российских СМИ.

«Твой день» (номер от 11 февраля, авторы — К. Масенкова, А. Костюкова, А. Лучкова, А. Ананьина):

«…Гроб с телом Анны Самохиной из морга при городской больнице № 2 Санкт-Петербурга родные актрисы забрали в полдень. Перед этим в церемониальном зале морга состоялась панихида, на которой присутствовали только члены семьи Анны Владленовны. Одной из первых к моргу приехала Александра Самохина. Переговорив с батюшкой, девушка вошла внутрь, чтобы последние минуты побыть наедине с любимой мамочкой. Спустя некоторое время приехали остальные участники церемонии.

После окончания панихиды гроб с телом Анны Самохиной погрузили в черный катафалк „кадиллак“, чтобы отвезти на Смоленское кладбище…

Сотни поклонников, друзей и коллег знаменитой актрисы пришли на кладбище, чтобы проститься со звездой…

Поклонники таланта звезды российского кино начали собираться у храма Смоленской Иконы Божией Матери с раннего

утра.

Дочь актрисы Александра выполнила последнее желание любимой мамы — не стала организовывать гражданскую панихиду. Единственной возможностью попрощаться с ней стало отпевание, организацией которого занимались друзья актрисы. Поток людей, пришедших проститься с Анной Самохиной и отдать последнюю дань ее таланту, казался неиссякаемым. Здесь собрались люди, искренне переживающие потерю, каждый пришедший принес сюда цветы, многие не скрывали горьких слез. Всех тяжелее было Саше Самохиной. Девушка никак не могла отойти от гроба матери, стараясь в последний раз наглядеться на нее.

Попрощаться с Анной приехали многие ее друзья, среди них актеры Михаил Боярский, Андрей Ургант, Александр Половцев, Сергей Селин. Близкие покойной заранее позаботились о тех, кто не смог попасть в здание церкви: на улице шла аудиотрансляция службы. Друг Анны актер Сергей Кошонин привез на Смоленское кладбище специальную аудиоаппаратуру, с помощью которой транслировалась служба…».

«Комсомольская правда» (номер от 11 февраля, авторы — Е. Левси, А. Горелик):

«…Отпевал Самохину отец Виктор. Актриса с ним дружила, часто беседовала о святой Ксении Петербургской: мечтала сыграть ее роль в кино.

— Я отпевал любимую актрису, любимого человека с особой скорбью и трауром, — признался отец Виктор. — В чине отпевания есть такие слова: „Упокоится со святыми“. Мы хороним Анну на Смоленском кладбище, где лежит святая Ксения Петербургская. Я верю, что она будет покровительствовать Анне, станет ее заступницей перед Господом.

Гроб выносили под аплодисменты — так по традиции провожают любимых актеров. Дочь Анны Александра, сдерживавшая слезы все это время, разрыдалась. К ней тут же подошел ее отец, первый муж Самохиной, обнял, что-то зашептал.

На прощание смогли приехать только два бывших супруга знаменитой актрисы — третий так и не появился.

…К свежей могиле еще два часа шли поклонники с цветами. Больше всего было белых роз — их особенно любила Самохина».

«Экспресс газета» (номер от 15 февраля, автор — М. Саид Шах):

«…Каждый вспоминал, когда видел актрису в последний раз и о чем именно с ней разговаривал.

— Аня категорически не хотела видеть Боярского, — услышала я, остановившись рядом с одной из компаний. — Но,

наверное, он все же придет, на похороны ведь нельзя кого-то не пустить.

Как раз на этих словах вдали показался замотанный по глаза шарфом Михаил Сергеевич.

— Смотрите, — зашушукались в толпе, — Боярский! Замаскировался так, что сразу и не узнаешь.

Ни с кем не поздоровавшись и не пообщавшись, Боярский зашел в храм, побыл там несколько минут и так же стремительно покинул территорию кладбища. Мы все же решились остановить звезду, попросив его сказать несколько слов об усопшей, и поинтересовались, почему она категорически отказалась от предложенной им материальной помощи.

— Ничего я говорить не буду, — отрезал Боярский. — Она отказалась не только от моей помощи, но и от помощи вообще. Кстати, попросила, чтобы на ее похоронах не было журналистов. Я последую примеру этой умной женщины и не буду с вами разговаривать.

Резко развернувшись, он быстро зашагал прочь.

Все остальные питерские знаменитости были на похоронах до самого конца. Не сдерживали слез Семен Стругачев, Евгений Сидихин, Ольга Орлова, Сергей Селин, Александр Половцев, Юлия Соболевская, Сергей Мигицко, Евгений Леонов-Гладышев. На кладбище пришли и сотни простых людей — поклонников таланта Самохиной…»

После смерти Самохиной в российских СМИ публиковались различные версии того, что именно могло спровоцировать страшную болезнь. Например, «Комсомольская правда» писала следующее:

«…Врачи хосписа обмолвились, что такое скоротечное развитие болезни могли вызвать жизненные неурядицы, сильные стрессы.

Самохина сама потеряла мать год назад. По той же причине — рак. Переживаний актрисе в последнее время добавила и другая беда: потеря почти всех денег, вложенных в строительство нового таун-хауса под Питером…»

Согласно другой версии, свою пагубную роль сыграла… диета, которой одно время придерживалась Самохина. Вот как об этом написала в «Московском комсомольце» Н. Полянская:

«…Был момент, когда Анна сильно располнела. Она и не скрывала, что обожала хорошо покушать. Но однажды актрису словно сорвало. Самохина ела, ела и ела. Рыбу, мясо, торты, сгущенное молоко — все, что попадало под руку. Итог: набрала двадцать лишних килограммов. А кино, телевидение и театры стали как раз оживать после кризиса. Актриса решила сбросить

лишний вес за три месяца. Боялась, что продюсерам не понравится ее внешний вид.

Худела Анна своеобразно. Перепробовав кучу диет, она на какое-то время совсем отказалась от еды. Пила только кофе, зеленый чай и воду. Тело таяло на глазах, и здоровье — тоже. Безупречные формы, которые понадобились ей для сериалов „Улицы разбитых фонарей“, „Бандитский Петербург“, „Черный ворон“ и „Три цвета любви“, дались актрисе нелегко…»

Еще одну версию озвучил в своем «живом журнале» актер Станислав Садальский. По его мнению, виной всему… операция по омоложению, которую сделала незадолго до смерти Самохина (ей ввели в организм стволовые клетки). По утверждениям специалистов, стволовые клетки, попадая к определенному органу, начинают делиться, превращаться в клетки этого органа — и могут восстановить его. Однако стволовые клетки могут пойти и в другом направлении — переродившись, превратиться в раковые. По утверждению Садальского, точно такие же операции сделали себе Любовь Полищук и Олег Янковский, которые вскоре после этого ушли из жизни. Теперь этот список пополнила и Анна Самохина.

Дочь Д’Артаньяна

Лиза Боярская родилась в Ленинграде 20 декабря 1985 года в творческой семье: ее отец — Михаил Боярский — и мама — Лариса Луппиан-Боярская — долгие годы играли на сцене Театра имени Ленсовета. Познакомились они в 1973 году во время совместных репетиций в спектакле «Трубадур и его друзья» (Михаил играл Трубадура, Лариса — Принцессу), полюбили друг друга и стали жить гражданским браком. Официально они поженились через несколько лет — летом 1977 года. Спустя три года — 24 января 1980 года — у них родился первенец — сын Сергей, названный в честь отца Боярского. А через пять лет настала пора появиться на свет и героине нашего рассказа. Причем родилась она в период, достаточно драматичный для ее родителей — они тогда были на грани развода. Что же произошло?

Причиной всему было тогдашнее увлечение Боярского «зеленым змием». По его же словам:

«В первый раз я выпил рюмку водки еще до школы. Батюшка мой, Сергей Александрович, любил это дело. Ну, я и попросил попробовать. А он, ничтоже сумняшеся, протянул мне рюмку водки. Я так думаю, чтобы отбить охоту. Однако все вышло наоборот.

В 13–14 лет я выпивал зараз по пять стаканов водки. Но пили мы тогда не потому, что хотелось, а от идиотизма…

В театре вся ночь была моя, но после спектакля до восьми утра меня лучше было не трогать. Пока разгримировались — одну рюмку приняли, спустились в буфет — другую, пошли в ресторан — третью, потом домой к кому-нибудь. Там разговоры о спектакле — творческие разговоры, хорошие, не просто черная пьянка, а скорее нормальное, благородное гусарство. Так что принимали мы каждый божий день. Я вообще не умею пить по пятьдесят-сто граммов — мне это не интересно. И потому всегда пил до тех пор, пока мог это делать. А останавливался, лишь когда больше уже не влезало. Отхлебывал я много. Три-четыре бутылки водки в день для меня были нормой. А вообще мой рекорд — четырнадцать бутылок за день!»

На почве любви к «зеленому змию» постепенно портился и характер Боярского — он превратился в настоящего деспота, приверженца махрового патриархата. Знай миллионы его поклонниц, каков их кумир в быту, наверняка зареклись бы мечтать выйти за него замуж. Вспоминает Лариса Луппиан:

«Меня все считали счастливой и удачливой женщиной,

никому и в голову не приходило, каково мне на самом деле. „Чего тебе еще надо? Он так много зарабатывает, такой знаменитый, красивый!“ — говорили вокруг, не подозревая, что я пережила. А мне с ребенком даже уйти было некуда. Досталось и мне, и Сереже. Жили мы тогда в маленькой квартире, деньги все у Миши. Куда идти, на улицу?

Было очень тяжело. Мы с Мишей совершенно разные люди: насколько я спокойная и сдержанная, настолько он эмоциональный, резкий и даже грубый. Я испытала все — от глубокой нежности и любви до унижения, оскорбления и растаптывания моего достоинства. Очень тяжело переносила всплески его ярости по любому поводу: суп холодный, котлета не нравится, где была… Я не могла отвечать тем же, потому что это вызвало бы еще больший гнев. Молча терпела, а иначе в меня полетело бы все, что оказалось бы в тот момент под рукой: тарелки, стаканы… Отвечала письменно: после каждого скандала писала ему письмо, в котором излагала, что мне в нем не нравится, какие его упреки считаю несправедливыми, и в конце обязательно ставила какое-нибудь условие, например: если не бросишь пить — разойдемся. Утром за завтраком передавала Мише письмо. Он его молча прочитывал и продолжал спокойно есть. И все, никакой реакции!

Правда, у нас не было периодов, чтобы мы жили в одной квартире и неделями не замечали друг друга. Зла друг на друга долго не держали, быстро мирились, хотя ссоры и скандалы у нас бывали очень крупные. Он даже из дома уходил: покричит-покричит, хлопнет дверью: „Прощай навсегда!“, дойдет до угла и… возвращается. Миша только внешне рыцарь, но внутри у него так много первобытного, что просто удивительно! Мужское начало выражалось слишком агрессивно и сильно. Думаю, это в духе их семейных традиций — Мишины родители тоже жили очень шумно. Он частенько этим хвастался — видимо, систему их отношений старался перенести и на нашу семью.

Деньги всегда были у Миши. Как же мучительно было их выпрашивать даже на самое необходимое! Представляете, если у нас период ненависти, а деньги срочно на что-то нужны, как тут быть? Знаете, такой кавказский взгляд на женщину — сиди дома и стой у плиты! С этим тоже пришлось бороться… опять же хитростью. Я старалась никакой работы не упускать: ни в театре, ни на телевидении. Каждый раз подлаживалась под его настроение, умоляла, отпрашивалась с работы. Конечно, во время моих отлучек дома должно было все блестеть, еда — приготовлена и салфеточкой прикрыта. Представить себе не могу, чтобы я отправилась на репетицию, муж вернулся, а дома нет

ужина…»

В 1984 году в семье Боярских грянул серьезный кризис. Нервы Ларисы не выдержали, и она предложила мужу развестись. Тот отреагировал на удивление спокойно: «Давай!» На следующий день они прихватили сына и втроем отправились в суд. В своем заявлении Лариса написала, что они с мужем не сошлись характерами, что он груб, жесток и т. д. Инспектор прочитала заявление, сурово через очки посмотрела на супругов и спросила: «Что же вы так, Михаил Сергеевич?» После чего добавила: «Ваш развод будет через месяц». Супруги вышли из суда, молча постояли какое-то время у входа, после чего разошлись в разные стороны: Лариса с сыном пошли в одну, Боярский — в другую. Так минул месяц.

Однако развестись Боярскому было не суждено.

Когда настал день суда, Боярского в Ленинграде не оказалось. Он в то время был у друзей в Москве, где они на чьей-то даче «квасили» в честь его приезда. И там ночью у Боярского случился сильный приступ панкреатита. Его забрали на «Скорой» в больницу, где врачи вынесли вердикт: пить ни в коем случае нельзя. Боярского приговор испугал, и в течение какого-то времени он строго следовал совету врачей. Поскольку он тогда не пил и превратился в пай-мальчика, про свое желание развестись с супругой уже не вспоминал. А в апреле Лариса… забеременела.

Итак, дочь Лиза родилась буквально накануне нового 1986 года. Но уже ближайшее будущее показало, что на поведении Боярского сей факт мало отразился. Однажды едва не случилась беда. В тот день Лариса повезла сына в школу, оставив годовалую дочку на попечение мужа. А когда через час вернулась и позвонила в дверь, ей никто не открыл, хотя в комнате слышался плач ребенка. Женщину охватило отчаяние. Она принялась колотить в дверь ногами и руками, но результат был тот же: ребенок заливался пуще прежнего, а Боярский не отзывался. Тогда Лариса решилась на отчаянный шаг: зашла к соседям (благо они оказались дома) и через их балкон (а это четвертый этаж!) перелезла на свой, предварительно разбив стекло. А когда проникла наконец в квартиру, ее глазам предстала ужасная картина: Боярский спал как убитый после ночной гулянки, а Лиза рядом захлебывалась в плаче. Как у Ларисы хватило сил снова не подать на развод, известно ей одной. Впрочем, был ли у нее иной выбор — с двумя детьми на руках?

В начале 90-х Боярские улучшили свой жилищный вопрос — переехали в дом на Мойке, в восьмикомнатную квартиру на первом этаже. (В этом же доме двумя этажами выше жил и бывший мэр города Анатолий Собчак со своим семейством). В

1993 году у Боярских появилась дача в Грузино, где живут многие питерские артисты.

Но вернемся к Лизе Боярской.

Ее родители категорически не хотели, чтоба она стала актрисой. Кем угодно, но только не ею. Поэтому они поощряли любые ее увлечения, кроме актерских. В итоге в младших классах средней школы она посещала бальные танцы, а в старших — модельную школу. Кстати, в обычной школе Лиза училась средне и только в более старших классах взялась за голову. Вернее, ее заставили это сделать родители, взяв для дочери репетиторов. Поэтому школу Лиза закончила вполне успешно. Впереди ее ждала профессия журналиста — благо она в течение нескольких месяцев посещала специальные курсы при журфаке питерского университета. Однако, учась на них, Лиза все больше понимала — не ее это дело. В итоге, закончив школу, она, вопреки воле своих родителей, решила идти в актрисы.

Отметим, что несмотря на то, что родители всячески отговаривали дочь от актерского ремесла, та еще в школе начала пробовать себя в нем. Например, в 2001 году впервые вышла на съемочную площадку — сыграла крохотную роль девушки в баре в сериале «Агент национальной безопасности» (серия «Сутенер»). Затем сыграла роль Алисы в фильме «Ключи от смерти» и роль Насти в сериале «Кобра. Антитеррор» (оба — 2002).

Короче, бацилла актерства к моменту окончания школы в ней уже сидела. В итоге в 2002 году Лиза поступила в Санкт-петербургский театральный институт (ГАТИ), на курс Льва Додина. На четвертом курсе (2006) Додин взял Боярскую в свой Малый драматический театр. И там за четыре года она сыграла пять ролей: Гонерилью в «Короле Лире», Женю в «Жизни и судьбе», Гурьевну в «Блажи», Розалину в «Бесплодных усилиях любви», Доротею в «Прекрасном воскресении для разбитого сердца». Еще одну роль — Роксану в «Сирано де Бержераке» — Боярская сыграла в антрепризном спектакле.

Еще больше ролей у молодой актрисы было в кино — почти два десятка. Так, до середины первого десятилетия «нулевых» годов актриса снялась в трех фильмах: «Демон полдня» (2003; Лена Гладышева), «Бункер» (2004; медсестра Эрна), «Первый после Бога» (2005; Танька).

Именно роль в последнем фильме обратила на Лизу Боярскую внимание широкого зрителя. Но все равно это была не главная роль. Таковая последовала в 2006 году в фильме Александра Рогожкина «Своя чужая жизнь» (роль Франсуазы Фаберже).

В последующие два года Боярская записала на свой счет еще

несколько кинороле́й. Она сыграла: свою тезку Лизу в сериале «Убойная сила-6», Верочку (главная роль) в фильме «Вы не оставите меня» (отметим, что отца ее героини сыграл родной отец Лизы Михаил Боярский, а мать — Наталья Селезнева), Александру в сериале «Грозовые ворота» (все — 2006), Леру Грекову в «Запасном инстинкте», Аллу Волкову (главная роль) в «Парке советского периода» (оба — 2007).

Настоящая слава пришла к Лизе Боярской в декабре того же 2007 года, когда в широкий прокат вышел фильм Тимура Бекмамбетова «Ирония судьбы. Продолжение». В нем Лиза сыграла главную роль — Надю.

Фильм явился продолжением знаменитого советского телехита «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1976). Спустя 30 лет идея снять сиквел этого фильма возникла у ушлых продюсеров с Первого канала. К режиссуре решили привлечь Бекмамбетова, что было странно — создатель вампирских «ночных-дневных дозоров» явно не годился на роль режиссера-мелодраматиста. Впрочем, эта затея изначально была обречена на провал вне зависимости от творческих устремлений ее постановщика: почти все сиквелы везде и всегда получаются хуже оригиналов. И «Ирония судьбы-2» не стала исключением. Обедни он, конечно, сильно не испортил, но и чем-то запоминающимся не стал. Хотя с точки зрения астрологии канва его сюжета была в общем-то правильной.

В основу сюжета была положена история о том, как герои первой части — Женя Лукашин и Надя Шевелева, — так и не сумев ужиться вместе, расстались. После чего Надя вышла замуж за своего прежнего жениха Ипполита и у них родилась дочь Надя. Что касается Жени Лукашина, то и у него в Москве тоже родился ребенок — сын Костя. Последний, спустя два десятка лет, как и его отец, попадает в Санкт-Петербург, причем в ту же самую квартиру, где когда-то его отец познакомился с Надей. Там он встречается с Надей № 2. У той есть жених — преуспевающий бизнесмен Ираклий, но она, по закону жанра, выбирает сына Лукашина.

В 2008 году свет увидели два фильма с участием Боярской: сериал «Юнкера» (роль Верочки) и фильм «Адмирал» (главная роль — возлюбленная Колчака Анна Васильевна Тимирева), который снял режиссер Андрей Кравчук. Наибольший промоушн в СМИ сопутствовал второму фильму, что вполне логично: в насквозь пропитанной антисоветизмом идеологии новой России история про то, как «треклятые большевики» убили благородного белого офицера, должна была быть возвеличена до небывалых высот.

Роль Александра Колчака сыграл все тот же Константин Хабенский, с которым Боярская снялась в «Иронии судьбы. Продолжение».

До конца первого десятилетия нового тысячелетия Боярская снялась еще в пяти фильмах: «Я вернусь» (2009; главная роль — Муся Растопчина), «Человек с бульвара Капуцинок» (Катя), «Луна-Луна» (главная роль — Зинаида Разбаева), «МУР» (жена Муравьева), «Не скажу» (главная роль — Анна) (все — 2010).

Но хватит о творчестве — поговорим о личной жизни Лизы Боярской.

Как мы помним, в семье она не единственный ребенок — у нее есть старший брат Сергей. С ним у Лизы вполне ровные отношения. Впрочем, под одной крышей сестра и брат давно не живут. Сергей рано женился (в 18 лет!), у него родилась дочь, и он стал жить отдельно (в одном доме с родителями Сергея, но на два этажа выше).

Что касается родителей Лизы, то они в дочери души не чают, особенно отец — на 18-летие он подарил ей автомобиль. Несмотря на то что у Лизы есть отдельная квартира, жить она до своего замужества предпочитала с родителями (а свою квартиру сдавала).

В марте 2008 года в ряде СМИ появилась информация о том, что у Лизы появился молодой человек — 25-летний актер Павел Поляков из Новосибирска. Но здесь же сообщалось, что это увлечение своей дочери не одобряет Михаил Боярский (кстати, он когда-то якобы не одобрил и студенческий роман дочери — с Даниилом Козловским). Как писала газета «Жизнь» (номер от 27 марта, авторы — Я. Новикова, Т. Арестова):

«Михаил Сергеевич старается облагоразумить дочь. В своих высказываниях относительно новосибирского похитителя сердца Лизы „мушкетер“ категоричен и подчас жесток:

— Я не желаю слышать об этом молодом человеке, — говорит Боярский. — Знать его не хочу!

Звездные родители все еще верят, что отношения Елизаветы и Павла до свадьбы не дойдут.

— Вокруг Лизы вообще практически нет нормальных мужчин, и меня это очень волнует, — рассказал „Жизни“ Михаил Сергеевич. — Хотя я, положа руку на сердце, тех мужчин, которых видел с дочкой рядом, и мужчинами-то с трудом назвать могу. Тех, кого хотел бы видеть с ней рядом, я не вижу. Какие-то все сморчки либо с другими „ненормальностями“. Мужчин сильных, смелых, умных — таких нет! Вымирают, занимаются баблом, наркотой… одна шелупонь…».

Самое интересное, что сама Лиза по поводу своих отношений

с Павлом старалась публично не распространяться. Когда поздней осенью того же 2008-го она давала интервью «Московскому комсомольцу» (номер от 17 ноября, автор — Н. Максимова), на вопрос о своей личной жизни она ответила следующим образом:

«Может, кому-то это покажется странным, но я при своем успехе, карьере, независимости придерживаюсь традиционных взглядов на семью (для Быка подобный традиционализм явление типичное. — *Ф. Р.*). Женщина — это мать, жена, хранительница очага, и не более того. Сейчас современным женщинам сложно переучиться и переделать себя — и мне тоже. Я работаю таким локомотивом, впереди планеты всей, но в душе понимаю, что это неправильно. Когда встречу своего мужчину, то, если надо будет, смогу бросить все — профессию, родной город — и поехать за ним на край света. Я считаю, что женщина должна полностью раствориться в мужчине. Пока я его жду…».

Спустя месяц после этого интервью газета «Комсомольская правда» (номер от 18 декабря 2008-го) поместила статью под названием «Лизу Боярскую оставил жених ради 40-летней бизнес-леди». В ней сообщалось, что Поляков решил оставить Боярскую ради отношений с 40-летней президентшей и владелицей новосибирской телекомпании РТВ. Здесь же было помещено короткое интервью с самим Поляковым, где он заявил: «Тема Лизы закрыта. Я жениться не собираюсь!»

Короче, так эта тема постепенно сошла на нет.

На исходе «именного» года Быка в семье Лизы Боярской случилось горе: 2 января 2010 года умерла от рака ее 81-летняя бабушка по материнской линии. А когда спустя полгода эта рана немного поутихла, Лиза… вышла замуж. Ее избранником стал актер МХТ имени А. Чехова Максим Матвеев (родился 28 июля 1982 года), который прославился главной ролью (Фред) в фильме «Стиляги» (2008).

С ним Боярская познакомилась во время съемок в фильме «Не скажу», где они играли влюбленных друг в друга молодых людей. Этот роман вышел за пределы съемочной площадки, стал широко обсуждаться в СМИ. Заметим, что на тот момент Матвеев был несвободен — он был женат на актрисе того же МХТ Яне Сексте (1980).

Свадьба Боярской и Матвеева состоялась в конце июля 2010 года. Вот как об этом сообщалось в СМИ.

«Твой день» (номер от 29 июля, автор — Л. Мухамедзянова): «Регистрация прошла в Санкт-Петербурге тихо и очень быстро: за 10 минут молодоженов расписали в ЗАГСе № 2 на Фурштатской набережной. Невеста и жених не стали устраивать торжественную церемонию, Лиза пришла в футболке и джинсах. Чтобы никто не

заметил звездную пару, черный „Мерседес“ припарковался во внутреннем дворе ЗАГСа, а молодожены вошли через служебный вход…

К 5 часам вечера к дому Боярских стали собираться гости. Около 15 человек вместе с родителями невесты погрузились на катер, который заранее был пришвартован на причале в пяти метрах от подъезда Михаила Сергеевича (кстати, родители подарили молодоженам 80-метровую квартиру в доме на Невском проспекте. — *Ф. Р.*). В это время в ресторан, в котором назначили торжество, уже подтягивалась другая часть гостей, добравшихся до места назначения сухопутным путем — на „мерседесах“ и „лексусах“.

В 17.30 из дома вышли сами молодожены. В целях конспирации Лиза и Максим накрылись черным покрывалом… По дороге молодые сделали остановку, не значившуюся в праздничной программе: авто, в котором влюбленные мчались на торжество, тормознули сотрудники ГАИ. Водитель, который вышел поговорить со стражами порядка, объяснил, что везет „мушкетерскую дочь“ на свадьбу, и их отпустили через минуту, пожелав счастливой семейной жизни».